АНТ БРФФИ

В. И. Кузьменко, Н. В. Токарев

ПОЛИТИКА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ В ОТНОШЕНИИ НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ БЕЛАРУСИ

1941—1944 гг.

Институт истории НАН Беларуси

В. И. Кузьменко, Н. В. Токарев

ПОЛИТИКА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ В ОТНОШЕНИИ НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ БЕЛАРУСИ (1941—1944 гг.)

2-е издание

Минск
«Белорусская наука»
2008

УДК 94-057.4(476)«1941/1944»
ББК 63.3(4Беи)
К89

Научный редактор

кандидат исторических наук, доцент В. В. Данилович

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор А. М. Литвин;
кандидат исторических наук, доцент В. А. Острога

ISBN 978-985-08-0929-2

© Кузьменко В. И.,
Токарев Н. В., 2007
© Оформление. РУП «Издательский дом «Белорусская наука», 2007

ВВЕДЕНИЕ

Великая Отечественная война, пережитая немецко-фашистская оккупация явились для белорусского народа невиданной в его истории трагедией. Беларусь заплатила за сокрушение гитлеризма неизмеримую цену, положила на алтарь Победы колоссальное приношение: в 1941—1945 гг. погибло свыше четверти ее населения. Такие потери были вызваны в первую очередь нацистской политикой геноцида, колонизационными намерениями правящей верхушки гитлеровской Германии. Только массовое народное сопротивление оккупации вместе с ударами по военной машине «третьего рейха» на фронтах предотвратили реализацию безумных замыслов, заложенных в генеральный план «Ост».

Хотя вожди и идеологи германского нацизма и рядились в тогу радетелей цивилизованности, культуры и науки, на самом деле он объективно, проявленными устремлениями, чудовищной претворенной в жизнь практикой показал себя могильщиком культуры. Выступая в 1985 г. в Нюрнберге на антифашистской конференции, Вилли Брандт напомнил: «Военной капитуляции нацистской Германии... предшествовала капитуляция цивилизации в Германии»[1].

О том, что это так, свидетельствуют зафиксированные рассуждения Гитлера о культурном процессе в «фатерлянде» и завоеванных странах: «Культура и знания представляют определенную опасность для класса господ. Но свободный доступ к культуре является еще более опасным для сохранения класса рабов. Идеал культуры, доступной

[1] За рубежом. 1985. № 22.

для всех, давно отжил. Знания и науки должны получить характер культуры тайной, доступной только привилегированным»[1].

Уже в 30-е годы XX ст. в самой Германии фашизм ярко проявил свое культурно-цивилизационное, интеллектуальное банкротство. Не подчинявшиеся, не согласные с идеологией и практикой фашизма, неугодные работники культуры и науки подвергались преследованиям, оказывались в концлагерях, гибли.

Германская интеллигенция больше других социальных слоев «рейха» пострадала от террора нацистов. В результате преследований и издевательств только в 1938 г. 18 профессоров Германии и Австрии закончили свой жизненный путь актами суицида. Когда ученый с мировой известностью Макс Планк пожаловался Гитлеру на невозможность в такой обстановке заниматься наукой, тот ответил: «Вы благодарите свой престарелый возраст, что за такие жалобы я вас не могу послать в концлагерь»[2].

Германию покинуло более 10 тыс. научных работников, в том числе ученый с мировым именем А. Эйнштейн. К началу второй мировой войны в «рейхе» значительно сократилось количество студентов, были преданы огню многие вредные или бесполезные с точки зрения фашистов книги, другие культурные ценности.

Еще более варварскими были действия германских нацистов в захваченных странах Европы. Развращение идеологией фашизма солдат и офицеров, вторгнувшихся на чужие территории немецких войск, было массовым. Соответствующим — и их поведение в оккупированных регионах. Это было поведение беспощадных и чванливых завоевателей, мнивших себя «белокурыми бестиями», сверхлюдьми. Уже после поражения Германии во второй мировой войне, в июне 1945 г. немецкие антифашисты в обращении к своему народу, осознавая случившееся, подчеркивали: «Наше несчастье состояло в том, что многие милли-

---

[1] Завадовский Б.М. Расовый бред германского фашизма. Омск, 1942. С. 49.

[2] Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991. С. 255.

оны немцев оказались в плену нацистской демагогии, что яд звериной расовой теории, теории «борьбы за жизненное пространство», смог отравить душу народа. Наше несчастье состояло в том, что широкие слои населения потеряли элементарное чувство порядочности и справедливости и последовали за Гитлером...»[1]

Так оценивали суть произошедшего немецкие антифашисты летом 1945 г. В начале же завоеваний большинство немцев аплодировало нацистской власти и следовало ее указаниям при разрушении культурной среды захваченных государств.

Наибольшую активность в этом деле, естественно, развивали нацистские функционеры, поставленные Гитлером управлять оккупированными европейскими регионами. Так, Гейдрих в своем публичном выступлении в феврале 1942 г. заявил, что чешский университет будет закрыт навсегда, а его место займет немецкий. Секретарь Гейдриха тогда же делегации чехов выразил по поводу университета следующую позицию оккупационной власти: «Если войну выиграет Англия, вы сами откроете свои учебные заведения. Если победит Германия, вы вполне обойдетесь пятиклассной народной школой»[2].

В созданном гитлеровцами на территории Польши генерал-губернаторстве прекратили существование 4 университета и 12 школ университетского типа. Такая же политика проводилась и в аннексированных польских районах. Так, после захвата Познани был сразу же закрыт местный университет, а преподаватели отправлены в концлагерь (гитлеровцами в Познани были уничтожены 24 профессора, 14 доцентов и 26 ассистентов). В Кракове к августу 1940 г. были арестованы и отправлены в лагеря свыше 180 научных сотрудников горной академии и местного университета.

В Югославии за время оккупации гитлеровцы разрушили более 70 научных учреждений[3].

---

[1] Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии (1941—1944). Минск, 1984. С. 22.

[2] Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах. С. 257.

[3] Там же. С. 261—271.

Напав на СССР, фашистская Германия стремилась уничтожить не только государственность, но и культурные основы восточнославянских и других народов, служившие укреплению духовного потенциала сложившегося здесь общества. Исходя из расовой теории, нацисты попытались ликвидировать в захваченных регионах все то, что являлось народной гордостью, на восточноевропейском пространстве истреблялись тысячи деятелей науки и культуры. Подчеркнем, что действия гитлеровцев здесь отличались большей жестокостью нежели в Центральной и Западной Европе. Ненависть вызывало уже то, что народы СССР достигли в культуре и науке значительных высот, общепризнанных мировой общественностью. Такие результаты противоречили расистским инсинуациям о «неполноценности славянской расы», лиц иных национальностей, проживавших в Советском Союзе.

На советской территории фашисты действовали беспощадно. На Украине они разграбили и разрушили большинство научных учреждений и вузов. Огню был предан Киевский университет. В Харькове враг разрушил 17 вузов из 34 имевшихся. Все украинские высшие учебные заведения были закрыты, функционировали только единичные факультеты естественного профиля, необходимые для маломальского поддержания хоть какой-то хозяйственной и социальной жизни, — медицинские, сельскохозяйственные и др.

Одним из способов нанесения удара по культуре и науке было истребление их видных представителей, не проявивших лояльности к оккупантам. Так, в Латвии гитлеровцы умертвили видного педагога Я. Лиекниса, профессора С. Дубного, многих других известных выходцев из интеллигенции. В Эстонии в числе многих ученых погибли профессора А. Т. Клийман, П. Х. Рубель. В Харькове фашисты убили академика А. Н. Бекетова, профессоров А. С. Федорова, С. М. Стахорского, других представителей научной интеллигенции[1].

---

[1] Семиряга М. И. Тюремная империя нацизма и ее крах. С. 270; Немецко-фашистский оккупационный режим (1941—1944 гг.). М., 1965. С. 346; Великая Отечественная война. 1941—1945: Энцикл. М., 1985. С. 820.

Подобное творилось ими и в иных захваченных регионах Советского Союза, в том числе и в Беларуси.

Следует отметить, что политика немецко-фашистских оккупационных властей в 1941—1944 гг. в отношении научной интеллигенции, науки Беларуси до настоящего времени изучена недостаточно. По теме в публикациях прежних лет имеются лишь разрозненные, фрагментарные, зачастую неточные сведения. Хотя обозначенная проблема весьма важна.

Исходя из вышеизложенного определялись авторские задачи при создании предлагаемой читателю работы. На основе архивных документов, иных материалов ставилось целью изучить условия, в которых оказалась научная интеллигенция Беларуси на временно оккупированной гитлеровскими захватчиками территории республики, политику в отношении нее немецких властей, реакцию ученых на ситуацию фашистской оккупации Беларуси. Авторами было намечено детально исследовать участие научных сотрудников и преподавателей вузов в борьбе против гитлеровцев в партизанских формированиях и подполье, в саботировании политических, экономических и военных мероприятий оккупантов. Рассмотрен вопрос об участии ряда лиц из среды научной интеллигенции в сотрудничестве с немецкими оккупантами (коллаборации), изучении причин данного явления. В книге уделено место деятельности «Белорусского научного товарищества», созданного нацистскими властями. Освещена деятельность и военная судьба значительного числа конкретных лиц из среды научной интеллигенции Беларуси, рассмотрена на их примере героика и трагизм военных лет.

Результаты проделанной научной работы способствуют более полному освещению истории белорусского народа, его культуры периода Великой Отечественной войны.

Основными источниками исследования стали документальные сведения из Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), Центрального научного архива Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАНБ), Архива Института истории НАНБ, некоторых государственных

областных архивов Беларуси, а также выявленная информация из большого круга публикаций по проблематике Великой Отечественной войны.

Работа выполнялась в 2005—2007 гг. по гранту Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ). Издание книги осуществлено также при финансовой поддержке БРФФИ.

Созданию данной работы способствовали сотрудничество с современными немецкими историками, помощь со стороны ряда отечественных исследователей. Авторы сердечно благодарят всех их за оказанное содействие.

Глава I

ЭВАКУАЦИЯ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ВУЗОВ БССР В СОВЕТСКИЙ ТЫЛ

БССР одной из первых республик Советского Союза приняла на себя массированный удар немецко-фашистских полчищ. Ввиду быстрого продвижения германских войск осуществить организованную эвакуацию научных учреждений и вузов из западных и центральных регионов Беларуси не удалось. Нормальная деятельность всех научных учреждений оказалась прерванной.

На второй день войны состоялся митинг работников Академии наук БССР. Выступавшие выразили готовность отдать все силы делу борьбы с вторгнувшимся агрессором. Многие направились в военкоматы, влились в состав действующей армии. Оставшиеся сотрудники готовились к обороне белорусской столицы, эвакуации.

Однако после жесточайших вражеских бомбежек Минска 23 и 24 июня 1941 г. стало понятно, что осуществить организованную эвакуацию оборудования и людей академическим учреждениям не удастся. В подобном же положении оказались и вузы Минска. Вместе со всеми ученые группами и в одиночку стали пробиваться на восток*.

---

* Многим в конечном итоге это оказалось не под силу. Они из-за сложившихся обстоятельств были вынуждены остаться на оккупированной территории. Профессор Минского медицинского института Д.А. Марков, в частности, повествовал так об этом в своей автобиографии, написанной в 1945 г.: «В первые дни Отечественной войны я был слегка контужен, бежал с моей семьей (жена и дочь) в Борисовском направлении... но немецким десантом не был пропущен дальше» (ЦНА НАНБ, ф. 2, оп. 1, д. 3501). Академик АН БССР Н.М. Никольский также рассказывая о попытке эвакуироваться, писал в воспоминаниях: «...По пути мы должны были бесконечное число раз ложиться в канавы, в ямы, в кусты при налетах немецких аэропланов, бросавших бомбы, гранаты и строчивших из пулеметов по безоружной и беззащитной толпе беженцев... Пришлось перенести много тревожных минут... К ночи пошел проливной дождь. Промокшие насквозь, голодные и обес-

В восточных регионах Беларуси эвакуация проходила более удачно. Отсюда удалось организованно эвакуировать около 60 научно-исследовательских учреждений и опытных производств, около 10 вузов, многие ученые отправлялись в глубь СССР самостоятельно.

На Урал были эвакуированы Витебские медицинский, ветеринарный, педагогический и учительский институты, Могилевские педагогический и учительский институты, Белорусская сельскохозяйственная академия. Гомельский лесотехнический институт оказался в Свердловске, где был объединен с Уральским лесотехническим институтом. Гомельские педагогический и учительский институты в г. Омутнинск Кировской области были слиты с местным учительским институтом.

Белорусская сельскохозяйственная академия размещалась в г. Горки Могилевской области. Город был захвачен немецкими войсками только 12 июля 1941 г., а 3 и 6 июля 1941 г. двумя железнодорожными эшелонами эвакуировали в советский тыл часть профессорско-преподавательского состава и студентов вуза. Вместе с работниками академии эвакуировались в тыл около 2 тыс. жителей города. Оставшаяся в Горках незначительная часть военнообязанных преподавателей и студентов, примерно около 100 человек, 12 июля 1941 г. покинули город и по указанию Горецкого райвоенкомата направились в пешем строю на сборный пункт[1].

силенные, остановились мы на ночь под навесом крыши сарая... С рассветом еще больше измученные, мы не смогли подняться, а на следующий день мимо деревни уже пошли немецкие войска. Таким образом, мы оказались в полосе оккупации. Шедшие вместе с нами два молодых научных работника из Института истории Академии наук БССР, директором которого я был, решили все же идти дальше и пробиваться через фронт. Я и моя жена по старости и слабости не имели для этого сил и вынуждены были остаться. 7 июля мы вернулись в Минск... Так началась наша безрадостная жизнь в немецкой оккупации, о которой мы еще не имели настоящего представления, но инстинктом чувствовали, что она ничего хорошего нам не сулит» (НАРБ, ф. 3500, оп. 3, д. 109, л. 3,4).

[1] Белорусская сельскохозяйственная академия: 150 лет: Крат. очерк истории и деятельности. Минск, 1990. С. 145.

Белорусский лесотехнический институт, который находился в Гомеле по решению правительства СССР был эвакуирован в Свердловск. Для решения задачи эвакуации была создана эвакокомиссия во главе с директором института А. К. Лобасенком. В короткий срок в 5 очередей было вывезено основное учебно-лабораторное оборудование, библиотека и другие ценности, эвакуирован свободный от призыва профессорско-преподавательский состав с семьями. Прибыли в Свердловск вместе с директором института профессора В. К. Захаров, К. Г. Коротков, П. П. Роговой, В. А. Ульяницкий, доценты В. Н. Дракин, М. И. Ахремчик, В. Ю. Вильд, А. К. Петруша, В. Я. Поляков, С. С. Грушко и др., а также 130 студентов[1].

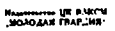
В сентябре 1941 г. Белорусский лесотехнический институт по приказу Наркомлеса СССР был объединен с Уральским лесотехническим институтом. Коллектив этого института тепло принял белорусских коллег, помог им обустроиться на новом месте. Продолжили работу в Свердловске 4 профессора, 20 доцентов, 6 ассистентов, а учебу 130 студентов. Профессорам В. К. Захарову и К. Н. Короткову было поручено заведовать кафедрами объединенного института. Отдельные научно-педагогические работники были привлечены для работы на производстве. Так, А. К. Лобасенок был назначен директором Свердловского энерголесокомбината, А. К. Петруша — заместителем управляющего треста «Устюглес», В. В. Жуков — главным инженером треста «Ижлес». Ряд сотрудников института в Свердловске защитили диссертации (К. Н. Коротков и П. П. Роговой — докторские, И. С. Альтшулер — кандидатскую)[2].

Кому-то посчастливилось добраться до нового места нахождения и работы более-менее успешно. Другие же прошли через серьезные эвакуационные мытарства, как, например, доцент Оршанского учительского института А. И. Воронова, которую вместе с семьей (очень больной муж и 4 детей) фронт все время нагонял в местах остано-

---

[1] Белорусский государственный технологический университет (1930—1995 гг.). Минск, 1996. С. 11.

[2] Там же. С 11—12.



АКАДЕМИЯ НАУК БССР

МАТЕРИАЛЫ

МАРТОВСКОЙ СЕССИИ
АКАДЕМИИ НАУК
БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

(12—13 марта 1942 года)

Город Казань

Издательство ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"
1942

Материалы мартовской (1942 г.) сессии АН БССР

вок и обустройства (пришлось ей вместе с родными пройти и через ад Сталинграда)[1].

Государство сделало многое для того, чтобы сохранить кадры белорусских ученых, по оказанию помощи в организации их работы в советском тылу. По решению Совета по эвакуации при СНК от 7 июля 1941 г. академики и другие высококвалифицированные ученые были направлены в Ташкент для использования их на работе в местных научно-исследовательских и высших учебных заведениях. Однако в силу различных обстоятельств большинство белорусских ученых оказались в самых различных местах страны. Наиболее значительная их группа работала в Узбекской ССР. В начале января 1942 г. в Ташкенте состоялось первое после эвакуации из Минска заседание Президиума АН БССР, на котором были рассмотрены вопросы, связанные с возобновлением деятельности Академии наук республики[2].

Для более быстрого решения организационных вопросов и разработки планов работы академии 12—13 марта 1942 г. в Казани была проведена сессия АН БССР. Перед ней президент АН БССР К. В. Горев в письме в ЦК КП(б)Б так очертил свое видение задач, стоявших перед академией: «В условиях войны вся научно-исследовательская работа ученых должна быть направлена прежде всего на разработку таких вопросов, решение которых в максимальной степени вело бы к усилению военной мощи Советского

[1] Архив Института истории НАНБ, ф. 4, оп. 3, д. 3.
[2] ЦНА НАНБ, ф. 1, оп. 1, д. 80, л. 110.

Союза, увеличению его сырьевых ресурсов, необходимых для ведения войны, и тем самым способствовало скорейшему разгрому гитлеризма»[1].

Президент АН БССР (1938—1947 гг.) К. В. Горев

Принятый на сессии план работы Академии наук на 1942 г. основное внимание уделял оборонной тематике и стал существенным шагом в перестройке деятельности академии на военный лад. Сессия показала, что АН БССР сохранила свои основные научные кадры и способна решать большие и серьезные задачи. Уже на II квартал 1942 г. на содержание АН БССР была определена смета расходов в сумме 235 тыс. руб. и утвержден штат сотрудников в количестве 80 человек. Даже в самые трудные периоды войны правительство страны проявляло заботу об условиях жизни и труда работников науки. Так, в целях улучшения материального положения ученых Советское правительство установило для них в сентябре 1942 г. новые повышенные оклады. Продовольственные товары отпускались им по нормам, установленным для рабочих промышленных предприятий.

Несмотря на проделанную в 1942 г. Президиумом АН БССР работу, сконцентрировать всех сотрудников в Ташкенте не удалось. Значительная часть сотрудников АН БССР работали в институтах Академии наук СССР, других московских НИИ и вузах. К началу 1943 г. в Москве из общего количества 35 академиков и членов-корреспондентов работали и жили 15 человек, в том числе 4 члена Президиума АН БССР. Кроме того, в Москве находилось в это время и правительство республики. В итоге в апреле 1943 г.

[1] НАРБ, ф. 7, оп. 3, д. 687, л. 113 а.

Академия наук получила разрешение на развертывание своей деятельности в Москве.

Научные учреждения Москвы оказали помощь АН БССР в создании базы для проведения научной работы. Ей были предоставлены лаборатории и опорные пункты Московского торфяного института, Московского химико-технологического института им Д. И. Менделеева, Всесоюзной сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева, других научных учреждений.

После перебазирования АН БССР в Москву начался интенсивный процесс восстановления ее организационной структуры и сети научных учреждений. В 1943 г. возобновилась деятельность Отделения общественных наук. В октябре 1943 г. начало функционировать Отделение технических наук в составе Института торфа, лабораторий физико-химии коллоидов, кинетики и катализа, технической физики. Отделение сельскохозяйственных наук объединяло в 1943 г. работу Института социалистического сельского хозяйства и медицинской группы.

В мае — июне 1944 г. возобновили работу институты литературы и языка, истории, теоретической и клинической медицины, химии. Смета расходов АН БССР на 1944 г. была утверждена правительством республики на сумму 788 тыс. руб. Все это позволило академии уже в своем годовом отчете за 1943 г. отметить, что «восстановительный период в работе АН БССР в основном закончен»[1].

В очень непростых условиях серьезных жизненных испытаний жили и работали в тыловых районах Советского Союза и эвакуировавшиеся преподаватели белорусских вузов. Уже в 1942 г. ЦК КП(б)Б и СНК БССР начали подготовительные мероприятия по восстановлению в эвакуации некоторых вузов республики. К концу этого года из армейских частей, партизанских отрядов, различных тыловых районов СССР была отозвана группа работников высшей школы БССР. Они получили задание по разработке практических мероприятий, связанных с возобновлением работы белорусских вузов[2].

---

[1] ЦНА НАНБ, ф. 1, оп. 9, д. 88, л. 2.

[2] Красовский Н.И. Высшая школа Советской Белоруссии. Минск, 1972. С. 164.

В мае 1943 г. было принято решение о восстановлении в советском тылу Белгосуниверситета. В подготовительный период, уже к концу июля 1943 г. правительством БССР была установлена связь с 25 профессорами, 55 доцентами, 24 старшими преподавателями из Беларуси[1]. В октябре 1943 г. в 2 школьных зданиях на ст. Сходня недалеко от Москвы начались занятия университета (около 60% зачисленных для обучения составляла молодежь, эвакуированная из Беларуси)[2*].

В мае 1943 г. правительством БССР было принято решение о восстановлении в Ярославле Белорусского медицинского института. Занятия в институте начались 1 октября 1943 г., в конце учебного года здесь было выпущено 47 дипломированных врачей[3].

---

[1] Соколов Н.К. Партийное руководство подготовкой и воспитанием кадров высшей школы БССР. Минск, 1978. С. 17.

[2] НАРБ, ф. 750, оп. 1, д. 183, л. 12.

* В послевоенных воспоминаниях одной из студенток филфака БГУ в Сходне находим живые образы многих тогдашних преподавателей университета: «Узначальваў беларускую ўстанову – асяродак зямляцтва ваеннага часу – дырэктар Парфен Пятровіч Савіцкі, гісторык па спецыяльнасці. У яго асобе спалучалася ўсё, што неабходна было мець кіраўніку, у яго, як і ў многіх, не было ні кала ні двара, ні роднага неба над галавою... Дэканам філалагічнага факультэта быў прызначаны Міхась Рыгоравіч Ларчанка, цяжка паранены франтавік. Шчырасцю, цеплынёй натхняў ён студэнцкую моладзь на пераадоленне нягодаў ваеннага часу. Чытаў Ларчанка ўсе лекцыйныя курсы па гісторыі беларускай літаратуры. Займаўся «тэхнічным» вынаходніцтвам – уласнымі спевамі дэманстраваў розныя песенныя жанры вуснай народнай творчасці. Мацярынскім крылом атуляла маладая выкладчыца гісторыі беларускай мовы Марыя Андрэеўна Жыдовіч, сям'ю якой вайна раскідала па ўсім свеце. З партызанскага фронту прыляцеў Іван Васільевіч Гутараў, які на лекцыях па гісторыі рускай літаратуры сваёй эрудыцыяй і красамоўствам зачароўваў... Шчыраваў на філфаку будучы аўтар падручніка па роднай мове, удзельнік не адной вайны, знешне строгі, але светлы чалавек Міхаіл Іванавіч Жыркевіч. За межы СССР натхнённа вёў у сваіх лекцыях па гісторыях розных краін выкладчык Хануцін..." (Імёнаў светлае аблічча: Артыкулы, успаміны. Мінск, 2002. С. 130, 131).

[3] Соколов Н. К. Партийное руководство подготовкой и воспитанием кадров высшей школы БССР. С. 19; Шишко Е. И., Ключарев А. А., Кубарко А. И. Минский ордена Трудового Красного Знамени государственный медицинский институт: К 70-летию. Минск, 1991. С. 16, 17; НАРБ, ф. 750, оп. 1, д. 183, л. 2; ф. 4, оп. 47, д. 9, л. 4—9, 48.

Таким образом, эвакуированным в тыл белорусским ученым удалось организовать научную и преподавательскую деятельность и направить свои творческие усилия на решение стоящих перед советской наукой задач. Оценивая их работу и сложившуюся эвакуационную ситуацию для белорусской науки, академик АН БССР В. Н. Лубяко в своем выступлении на собрании представителей белорусской интеллигенции в Москве 9 января 1943 г. говорил: «Ученые Белоруссии, как и все ученые народов Советского Союза, неустанно и самоотверженно работают для победы над немецко-фашистскими варварами. Охваченные священным порывом борьбы с немецко-фашистскими ордами... ученые Белоруссии отдают свои силы, знания и сердца на нужды фронта, на помощь нашей доблестной Красной Армии, успешно очищающей советские земли от фашистской погани. Многие ученые Белоруссии с оружием в руках героически сражаются на фронтах Великой Отечественной войны.

В эти исторические тяжелые дни для нашей Родины, благодаря помощи и заботе... Союзного и Белорусского правительства, ученые Белоруссии сохранили свои основные кадры, перестроили научную деятельность на военный лад в вузах, университетах, лабораториях и клиниках советского тыла и развернули научную работу в помощь фронту. Это свидетельствует о том, что интеллигенция Белоруссии оказалась боеспособной и вместе со своим народом борется с заклятым врагом»[1].

Белорусские ученые принимали участие в решении вопросов, связанных с увеличением сырьевых ресурсов страны, разрабатывали новые и совершенствовали существующие технологические процессы в производстве, вели работы по повышению урожайности сельскохозяйственных культур, расширению посевов. Не прекращались также исследования в области гуманитарных наук.

Уже в конце 1941 г. члены-корреспонденты АН БССР Б. В. Ерофеев и А. М. Розин провели успешные исследования по проведению содержания редких элементов ва-

[1] За передовую науку. 1989. 27 студз.

надия и лития в горных породах Урало-Волжского региона, игравших важную роль в производстве высококачественных сталей. Впоследствии Б. В. Ерофеев разработал и организовал производство прозрачной брони из органического стекла для самолетов. За эту работу он был удостоен в 1946 г. звания лауреата Сталинской премии[1].

Член-корреспондент Б.В.Ерофеев

В связи с резким увеличением во время войны потребностей в моторном топливе необходимо было всемерно использовать местное твердое топливо, заменив им моторное топливо из нефти. Для решения этой задачи членом-корреспондентом АН БССР Б. К. Климовым в 1942 г. была разработана система печей для полукоксования углей и сланцев. Результаты исследований, проведенных в 1943 г. учеными Института торфа АН БССР по коксованию печорских углей в смеси с торфом, были учтены при восстановлении коксогазового завода в Ленинграде. Под руководством члена-корреспондента АН БССР В. Е. Раковского была проведена работа по созданию технологического процесса комплексной переработки торфа с получением кокса и моторного топлива.

Важнейшей народнохозяйственной задачей являлось увеличение добычи нефти, которая служила основным источников получения горючего для армии и флота. Сотрудники лаборатории физико-химии коллоидов АН БССР, которой заведовал академик АН БССР С. М. Липатов, раз-

[1] ЦНА НАНБ, ф. 2, оп. 1, д. 3493, л. 32.

Член-корреспондент Б. К. Климов

работали метод деэмульсации нефти путем разрушения эмульсии пористыми твердыми телами, пропитанными насыщенным раствором поваренной соли. Член-корреспондент АН БССР Н. Ф. Ермоленко разработал принципы очистки бензина от серы глинами и бокситами парофазным методом периодического действия, результаты этих работ были переданы в производство.

Учитывая угрозу применения гитлеровцами химического оружия, по заданию Наркомата Обороны СССР С. М. Липатовым был разработан метод использования белков жмыха в качестве основы для пропитки защитных тканей. Сотрудники Института торфа АН БССР спроектировали установку, предназначенную для обеспечения активными углями газоубежищ.

Академиком АН БССР Н. С. Акуловым в годы войны был сконструирован надежный аппарат для определения содержания металлов в рудах, который был передан в серийное производство. Н. С. Акулов продолжал также работы над совершенствованием приборов по неразрушающим методам контроля промышленной продукции, которые широко применялись в оборонной промышленности. Член-корреспондент АН БССР В. В. Попов разработал ускоренные методы точных линейных измерений при геодезических работах.

В годы Отечественной войны исключительно важное значение приобрела проблема обеспечения населения и армии продуктами питания. В решении этой задачи принимали участие и белорусские ученые. Известный совет-

ский генетик, академик АН БССР А. Р. Жебрак сумел вывезти из Белоруссии ряд ценных популяций местных пшениц, отселекционировал их и размножил. После освобождения Белоруссии он передал Наркомзему БССР около 3 тонн элитных семян озимых пшениц своей селекции. В 1944 г. А. Р. Жебрак опубликовал книгу «Синтез новых видов пшениц», в которой описал методику проведения опытов по выведению новых амфидиплоидных видов пшениц.

Вице-президент АН БССР (1940—1944 гг.) С. М. Липатов

В годы войны значительно ухудшился качественный состав пищевого рациона населения и резко возросла потребность в обеспечении страны продуктами, богатыми витаминами. Поэтому большое значение имели работы академика АН БССР Т. Н. Годнева по сохранению витаминов в продуктах, подлежащих длительному хранению. Академик АН БССР Е. К. Алексеев принимал активное участие в разработке приемов сева и выращивания сахарной свеклы в Узбекистане, где эта культура внедрялась впервые. Поскольку в стране остро ощущался недостаток минеральных удобрений, академик АН БССР О. К. Кедров-Зихман занимался разработкой и внедрением в практику новых приемов применения местных удобрений применительно к условиям различных районов СССР.

Ученые-медики развернули работы, направленные на создание медицинских препаратов, новых методов лечения. Под руководством академика АН БССР А. Я. Прокопчука была организована в Сталинабаде лаборатория

Член-корреспондент Н. Ф. Ермоленко

по производству таких ценных медицинских препаратов, как сульфат-сульфидин, окрихин и др. Член-корреспондент АН БССР Д. М. Голуб выполнял исследования, которые позволили выработать способы восстановления нервных стволов в организме человека, поврежденных в результате боевой травмы.

Представляет интерес отложившийся в источниках материал об эвакуировавшихся в тыловые районы Советского Союза ученых-историках. В результате различных обстоятельств историки из АН БССР и вузов республики оказались в самых разных регионах. На май 1942 г. по архивным сведениям они находились почти в десятке мест. Например, бывшие преподаватели БГУ и Минского пединститута: Л. И. Каган в Ташкенте, Г. М. Лившиц в Кзыл-Орде, В. Н. Перцев в Ижевске, А. П. Пьянков в Молотове, И. С. Чимбург в Свердловске, В. И. Шевченко в Йошкар-Оле, Л. М. Шнеерсон в Нижнем Тагиле и т. д.[1] К. М. Поликарпович устроился на работу геологом в Центрально-Казахстанской области Казахской СССР, во время экспедиций проводил и археологические исследования, в 1941 г. обнаружил одну стоянку человека времен неолита и бронзы, а в 1942 г. — свыше 30 таких стоянок[2].

Академическая историческая группа начала работать в Ташкенте[3]. Здесь вскорости и было решено кроме собственных исследований оказывать всяческую поддержку

[1] НАРБ, ф. 205, оп. 5, д. 58, л. 1.
[2] ЦНА НАНБ, ф. 2, оп. 1, д. 4204, л. 6, 11, 80.
[3] Там же, ф. 1, оп. 1, д. 94, л. 1.

Академик А. Р. Жебрак

узбекским коллегам. В частности, начиналась работа по составлению 3-томника «История народов Узбекистана»[1].

В тяжелых материальных, бытовых условиях эвакуации историки из Беларуси активно участвовали в агитационно-пропагандистской работе. Общему делу служили их публикации в периодической печати, плановая тематика исследований.

Постепенно белорусская историческая наука и в эвакуационных условиях приходила во все более приемлемое состояние. Особенно отчетливо проявилось это с весны 1943 г. после переезда структур АН БССР в Москву, возобновления регулярной работы ее отделений. В столице СССР с июня 1944 г. начал также свою работу Институт истории белорусской Академии наук (в штате было утверждено всего 10 научных сотрудников; через полгода, в январе 1945 г. их насчитывалось 20, в том числе 11 старших научных сотрудников)[2*]. В 1943 г. в составе 6 факуль-

[1] Косько М. И. Белоруссия и Узбекистан. Минск, 1970. С. 106.

[2] ЦНА НАНБ, ф. 1, оп. 1, д. 502, л. 27.

* Напомним, что разработкой истории Беларуси в советском тылу в это время занималось и такое научное учреждение, как партийный архив ЦК КП(б)Б. В годы войны им готовился к печати ряд исторических трудов, главным образом по советскому периоду (НАРБ, ф. 4, оп. 20, д. 217, л. 521—524, 556).

Академик Т. Н. Годнев

тетов открывшегося под Москвой Белгосуниверситета наличествовал и исторический.

Несмотря на все превратности и трудности военного времени, небольшая группа наиболее квалифицированных исследователей продолжала изыскания в сфере отечественной и мировой истории. В советском тылу обучали студентов, хоть и в небольшом количестве, однако подготавливались и защищались диссертации. Так, В. И. Шевченко в 1943 г. представил к защите кандидатскую диссертацию «Золотой век в мифологии Древней Греции»[1], в марте 1945 г. в Москве кандидатскую диссертацию «К вопросу о западной этнографической границе белорусов» защитил М. Я. Гринблат[2]. В годы войны были подготовлены диссертации: Р. А. Никольской «Афинская демократия рабовладельцев», Л. М. Шнеерсона «Франко-прусская война 1870—1871 гг. и русская общественная мысль»[3]. Последний указанный историк перед самой войной уже имел рукопись кандидатской диссертации на другую тему, однако она в 1941 г. погибла в Минске. Такая же судьба постигла в этот период ряд диссертаций, подготовленных к защите некоторыми молодыми историками из БГУ и Минского педагогического института[4].

Научная интеллигенция и в первую очередь ученые обществоведы, находясь в тыловых районах Советского

[1] ЦНА НАНБ, ф. 3, оп. 1, д. 3. л. 61.
[2] Там же, ф. 2, оп. 1, д. 362, л. 8.
[3] Навука ў Беларусскай ССР за 40 год. Мінск, 1958. С.72.
[4] ЦНА НАНБ, ф. 3, оп. 1, д. 3. л. 61.

Союза, проводили широкую и целенаправленную идейно-политическую и культурно-просветительную работу среди населения. Большую общественную и публицистическую деятельность вели в годы войны народные поэты Беларуси академики АН БССР И. Д. Луцевич (Янка Купала) и К. М. Мицкевич (Якуб Колас). Их перу принадлежит множество острых антифашистских статей, очерков, воззваний, призывов к родному народу. Яркий след в белорусской антифашистской публицистике военных лет оставили работы членов-корреспондентов АН БССР К. К. Атраховича (Кондрата Крапивы), М. Т. Лынькова. Плодотворно работали в годы войны экономист-академик АН БССР В. Н. Лубяко, литературоведы В. И. Агиевич, Л. И. Фигловская и др.

Белорусские ученые в тыловых районах Советского Союза активно участвовали в сборе средств в фонд обороны, реализации военных займов, в сборе подарков для воинов. Так, сотрудники АН БССР в конце 1942 г. из своих зарплат выделили средства на строительство танковой колонны «Советский ученый»[1], в апреле 1943 г. — для создания танковой колонны «Советская Белоруссия»[2]. Следует учитывать при этом, что очень многие из эвакуировавшихся находились в тяжелом материальном положении.

Работа ученых в советском тылу получила высокую оценку Советского государства. В январе 1944 г. большая группа белорусских ученых была удостоена высоких правительственных наград. Орденами Ленина были награждены академики АН БССР Н. М. Никольский, В. Н. Перцев, Орденами Трудового Красного Знамени — академики АН БССР Т. Н. Годнев, А. Р. Жебрак, О. К. Кедров-Зихман, В. А. Леонов, А. Я. Прокопчук, члены-корреспонденты АН БССР Д. М. Голуб, Н. Ф. Ермоленко, профессор Т. И. Ломтев[3].

Таким образом, эвакуированным в глубь СССР белорусским ученым, удалось организовать научную деятельность и направить свои творческие усилия на решение

---

[1] ЦНА НАНБ, ф. 1, оп. 9, д. 90, л. 3—6.
[2] НАРБ, ф. 750, оп. 1, д. 154, л. 15, 16.
[3] Савецкая Беларусь. 1944. 5 студз.

задач, которые стояли в то время перед наукой. Ученые Беларуси, работая в тыловых районах великой сражающейся страны, внесли свою лепту в летопись героической борьбы советского народа против гитлеровских захватчиков. Публицистика белорусских ученых-обществоведов, а также выступления ученых по радио находили живой отклик и на оккупированной территории их родной республики — в среде партизан, подпольщиков, населения. Это явилось серьезным вкладом в борьбу с фашистско-коллаборационистской пропагандой.

Глава II

НАУЧНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОГО ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА

Летом 1941 г. Красная Армия и белорусский народ оказали на территории БССР героическое сопротивление вторгнувшимся немецко-фашистским войскам. Часть населения Беларуси, вступив в советские воинские формирования, приняла участие в боях на фронте. В июне—августе 1941 г. в РККА было мобилизовано или ушло добровольцами около 500 тыс. жителей республики. Родную землю героически отстаивали также бойцы формирований народного ополчения (свыше 33 тыс. человек) и истребительных батальонов (более 13 тыс. человек). Население восточных регионов Беларуси приложило огромные усилия по созданию летом 1941 г. оборонительных сооружений, препятствовавших продвижению врага. Тем не менее к началу сентября 1941 г. гитлеровцы захватили всю территорию Беларуси, установив жесточайший оккупационный режим.

Руководство нацистской Германии планировало и осуществляло войну против Советского Союза, в состав которого входила и Беларусь, как войну на уничтожение. Ставка сознательно делалась на геноцид и колонизацию захваченных территорий. В самых варварских формах методы оккупационного режима проявлялись и в сфере культуры, истребительный подход и здесь был доминирующим.

Опыт ликвидации не устраивавшей нацистов культурной среды фашистские головорезы приобрели задолго до вторжения на белорусскую землю. В самой Германии фашизм привел науку и образование к такому состоянию,

когда они приносились в жертву милитаризму. Как иллюстрацию к сказанному приведем цитату из немецкого журнала того времени: «Мы идем к науке свободные от бремени знания и научного образования. Студент должен приходить в высшую школу с требованием, чтобы наука была такой же солдатской, как его собственная выправка, а профессор обладал качествами вождя и солдатской выправкой»[1].

В захваченных гитлеровцами странах Центральной и Западной Европы обыденностью стало сжигание «вредных» и «опасных», с их точки зрения, книг, уничтожение других культурных ценностей, объявленных ненужным хламом, убийства и изгнание творческих (в том числе научных) работников, запрет трудов неугодных авторов.

Такая практика только в еще более варварской форме была продолжена на захваченной территории СССР, в том числе и в Беларуси. Культурное достояние народа Беларуси повергалось в прах. Известное выражение немецкого генерал-фельдмаршала Вальтера фон Рейхенау, отраженное в приказе войскам — «Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения»[2], — в полной мере претворялось оккупантами в жизнь и на белорусской территории. За 1941—1944 гг. они уничтожили в Беларуси свыше 500 крупных памятников культурного и научного характера, свыше 200 библиотек, 23 музея, тысячи школ, другие учреждения культуры. Об обстановке в Минске, красноречиво свидетельствуют следующие выдержки из воспоминаний директора Института истории АН БССР академика Н. М. Никольского, в силу обстоятельств оставшегося на оккупированной территории: «В своих листовках, плакатах и газетах немцы вопили, что они «освободили» нас от варварства и дикости большевиков и принесли с собой культуру и новую «свободную» жизнь. Однако в первую же неделю хозяйничанья в Минске все минчане узнали, что эти похвальбы — гнусная ложь и что в действительности немцы разрушают

---

[1] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов: В 7 т. М., 1957. Т. 1. С. 465.

[2] Там же. М., 1958. Т. 3. С. 346.

Академик Н. М. Никольский

культуру и свободную жизнь, заменяя их варварством и рабством. В Академии наук, в университете и во всех других научных и культурных учреждениях немцы систематически и везде по одному плану разгромили лаборатории, учебные кабинеты, исторические музеи, испортив или уничтожив аппаратуру и экспонаты. Из библиотек и архивов выбрасывали книги и дела прямо на улицу, сжигали их на кострах, из картинной галереи все самые лучшие картины были увезены в Германию... Немецкий моральный гнет... стал проявлять все большую и большую силу. Появилась полиция, явная и тайная... Стала регулярно выходить гнуснейшая «Белорусская газета», появилась ежедневная «Минскер Цайтунг» — зловонные помойки, наполненные самой архихлестаковской похвальбой, самой наглой ложью, самой мерзкой клеветой!»[1]

Г. Сафьян, опираясь на трофейные немецкие документы, в одной из ранних послевоенных публикаций по истории белорусской культуры 1941—1945 гг. так характеризовал вандализм оккупантов, имевших отношение к доставшемуся им имуществу Академии наук БССР. Заняв

[1] НАРБ, ф. 3500, оп. 3, д. 109, л. 5.

Минск, немецкое командование превратило здание Академии наук в казармы для военнослужащих. В одном из немецких отчетов в этой связи значится: «Естественно, не обошлось без потерь... Оборудование и аппаратура лабораторий, библиотека были выброшены частично во двор, в подвал и свалены в вестибюли. Часть оптической аппаратуры исчезла. Солдаты брали все, что хотели»[1].

В 1942 г. инфраструктурой академии стал ведать специально выделенный зондерфюрер. Такие немецкие руководители здесь с течением времени быстро менялись и для всех их, как пишет Г. Сафьян, академия была объектом, где они старательно грабили все, что могли. «Мы подбирали стекло к стеклу, минерал к минералу, приборы к приборам, однако большинство из всего этого было превращено в непригодные осколки», — писал в своем отчете немецкий уполномоченный по академии доктор Шварц[2].

Захваченное имущество по своему усмотрению раздавалось различным оккупационным организациям. Как видно из отчета «Начальника над оставшимся инвентарем местной Академии наук», 26 августа 1943 г. военной лаборатории отсюда было передано 20 приборов, позже ей же — 125 приборов. Редакция оккупационной «Minsker Zeitung» заполучила из академии 35 приборов. 15 шкафов, 16 письменных столов и 2 электромотора были взяты для аппарата Генерального комиссариата Беларуси.

В сентябре 1943 г., как информировал свое начальство доктор Шварц, когда он оборудовал в здании академии свой «научный штаб», там снова разместили солдат и академическое имущество снова было выброшено на улицу.

В мае 1944 г. очередной местный «фюрер», поставленный над академией, доктор фон Нитш остатки аппаратуры и оборудования направил в Германию. Так же поступили представители штаба Розенберга доктор Энгельгардт и иные немецкие «научные и культурные деятели» с Историческим музеем в Минске, библиотекой им. Ленина, остатками оборудования ряда белорусских вузов[3].

---

[1] Беларусь. 1947. № 10. С. 28.

[2] Там же.

[3] Там же.

Научные и учебные учреждения Беларуси нередко превращались захватчиками в застенки СД и гестапо. Так случилось с рядом сооружений Горецкой сельскохозяйственной академии, где пытали и мучили патриотов, оказавших гитлеровцам сопротивление. Аудитория № 81 учебного корпуса сельхозакадемии считалась камерой смерти. После изгнания фашистов на ее стенах обнаружились предсмертные послания людей. В академическом саду оккупанты расстреляли несколько тысяч человек[1].

Актовый зал Витебского ветеринарного института был превращен в казино для немецких офицеров, а кабинеты и аудитории в административном корпусе — в тюремные камеры[2].

В колонизационные планы высшего руководства фашистской Германии входило обезлюживание в течение ряда лет захваченных областей, истребление и выселение коренного населения.

Осуществить полностью человеконенавистнические замыслы нацистам помешало неблагоприятное для них развитие военных событий. Однако и то, что они успели совершить, — чудовищно. Стремясь духовно поработить белорусский народ, фашисты обрушили на захваченные районы свою изощренную пропаганду. Весь период своего нахождения на белорусской земле захватчики активно насаждали пропагандистский тезис о высокоразвитой, доминирующей немецкой культуре, ее мировой роли, цивилизаторской в отношении белорусов. Однако их практические действия здесь были воистину варварскими.

Проводя политику геноцида, фашистские захватчики уничтожили на территории Беларуси многие сотни тысяч мирных жителей и военнопленных. Имелось намерение уничтожить и интеллигенцию республики (в том числе научную).

Истребление интеллигенции было одним из методов подрыва «биологической силы» (по выражению нацистов)

---

[1] Белорусская сельскохозяйственная академия. Минск, 1965. С. 150—151.

[2] Ученые записки Витебского пединститута. Минск, 1957. Вып. 4. С. 14

народов захваченных стран. Не делались исключения и для народа Беларуси.

По замыслам гитлеровцев истреблению в первую очередь подлежала новая генерация интеллектуалов, выросшая и сформировавшаяся в условиях советского строя. В ней нацисты не без оснований видели серьезного политического противника.

Свидетельств таких фашистских устремлений достаточно много как на уровне достоверной документации правящих кругов фашистского рейха, официальной идеологии, так и менее значительном. По воспоминаниям профессора-медика Д. А. Маркова, принудительно вывезенного из Беларуси в Германию и оказавшегося в лагере Ноймаркт, немецкими офицерами, которые временами были склонны поговорить с образованными заключенными, почти всегда приводился аргумент: «Ваша страна, это страна чернорабочих... И нам не нужна ваша неполноценная, неарийская интеллигенция, а нужны только рабочие руки»[1].

Запланированное нацисты целенаправленно пытались осуществить. Тысячи представителей интеллигенции Беларуси, в том числе немалое количество из рядов научных работников и преподавателей вузов, были уничтожены или вывезены на подневольный труд в Германию. Немецкие айнзатцгруппы уже в первые дни вторжения принялись за уничтожение еврейской интеллигенции. В Минске еврейская профессура (за исключением медиков*) была ликвидирована уже в июле 1941 г.[2] Захваченное тогда же в Могилеве руководство местного пединститута сразу было брошено в концлагерь[3]. Только в Полоцке фашисты убили свыше 200 представителей интеллигенции. В Лиде

---

[1] АИИ НАНБ, ф. 2, оп. 1, д. 33, п. 25, 28.

* Отсрочка была недолгой. В конце февраля и в начале марта 1942 г. фашисты расстреляли в Минске большую группу врачей-евреев и среди них ряд широко известных в профессиональных кругах профессоров медицинского института.

[2] К'яры Б. Штодзеннасць за лініяй фронту: акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941—1944 гг.). Мінск, 2005. С. 253.

[3] Магілёўскі дзяржаўны універсітэт імя А.А. Куляшова: мінулае і сучаснасць. Магілёў, 2003. С. 95.

3 июля 1942 г. гитлеровцы расстреляли свыше 150 выходцев из различных профессиональных отрядов местной интеллигенции[1]. Из Брестской области было угнано в Германию более 300 учителей. В оккупированном Минске погибли академик АН БССР С. Я. Вольфсон, профессоры Е. В. Клумов, Л. Я. Ситерман, П. Я. Столяров, работники высшей школы М. А. Дворжиц, М. Я. Пелин, А. А. Волков, А. В. Вязович, Б. М. Зубкович и др. В Гродно осенью 1944 г. при восстановлении Педагогического института выявилось, что от довоенного коллектива в городе и его окрестностях остались считанные люди — случайно уцелевшие преподаватель и 2 студента[2]. Подобной была ситуация и в других городах Беларуси, где до войны существовали вузы.

В условиях краха «блицкрига», превращения войны в затяжную, продолжительную, оккупантам пришлось параллельно употребить также более гибкую и хитрую тактику. Ведь с населением захваченных территорий в связи с длительной войной нужно было устанавливать какие-то взаимоотношения.

Поэтому наряду с жестко-истребительной оккупационной политикой, политикой геноцида, изощренно начала проводиться линия тактического лавирования, поиска сторонников. Цели Германии в войне начали старательно маскироваться. Массовым сознанием жителей оккупированных регионов пытались манипулировать, гитлеровцы стремились сформировать здесь у людей мировоззрение, представления, отражающие интересы рейха. «Новый порядок» в Германии пропагандистски изображался как общество «социальной гармонии, социального партнерства». Всячески подчеркивалась «освободительная миссия» германской армии в отношении белорусов, непримиримость гитлеровцев к большевизму. Была развернута критика сталинистской практики в БССР. Уже в воззвании «К жителям Беларуси» в сентябре 1941 г. руководитель гражданской немецкой администрации В. Кубе пропагандистски заос-

---

[1] Партызанская барацьба беларускага народа ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Мінск, 1959. С. 294.

[2] НАРБ, ф. 4, оп. 17, д. 24, л. 244.

Гауляйтер Белоруссии В. Кубе (третий слева) на археологических раскопках под Минском. 1942 г.

тренно попытался очертить для белорусов определенные «позитивные перспективы». В публичных и печатных выступлениях гауляйтера неоднократно звучало: «Мы прибыли сюда как победители, однако, победители большевизма, а не белорусов, для них мы — освободители».

По политическим мотивам гитлеровцами было дозволено развитие антикоммунистического белорусского национального движения. Его возможности виделись оккупационной администрацией прежде всего в повседневной «культурнической работе». Активным сторонником такой политики являлся В. Кубе, хотя в Берлине долгое время и не могли точно определиться в этом вопросе. С подачи Кубе немцы в Беларуси в своем большинстве поощрительно относились к росту белорусского национализма в условиях оккупации. Понятно, в интересах рейха.

В Генеральном комиссариате, органе управления округом «Беларусь», подчиненном Кубе, были созданы отделы политики, пропаганды, культуры, просвещения, молодежный, женский и др., организованные также и при городских и районных оккупационных органах управления. Де-

ятельность уцелевших и восстанавливаемых культурных, образовательных и информационно-пропагандистских учреждений в результате тесных контактов немецкой и коллаборационистских сторон получила национально-белорусскую окраску.

Еще до начала войны из белорусов, оказавшихся на подконтрольных Германии территориях, на специальных курсах готовили «идеологических руководителей», пропагандистов, переводчиков и т. д. Это продолжалось и после нападения на СССР. Для «укрепления национального сознания» белорусов коллаборантам было разрешено вести пропагандистскую деятельность в жестко определенных немецкими хозяевами рамках.

Очень важное значение придавалось гитлеровцами печатной пропаганде. Оккупационной администрацией было дано разрешение и выделены средства на издание коллаборационистской прессы, восстановление в Беларуси типографских центров. Из антисоветски, антибольшевистски настроенных, обладавших необходимой профессиональной подготовкой лиц подбирались журналистские кадры. В годы войны только на белорусском языке выходило более 50 коллаборационистских периодических изданий, находившихся под полным контролем, цензурой гитлеровцев. Эта пресса была прежде всего рупором пропаганды захватчиков, предполагаемым средством обеспечения лояльности местного населения, его нейтрализации и деморализации.

В коллаборационистской среде позволялось литературное творчество (с навязываемым политическим, идеологическим уклоном).

Разрешения на творческую деятельность в подконтрольной оккупантам среде преследовали прежде всего утилитарные пропагандистские цели и служили якобы «подтверждением» того, что «Германия-освободительница» является для белорусов опекуном муз, искусства, культуры, науки.

В этих условиях оккупанты стремились привлечь к сотрудничеству и использовать в своих целях часть интеллигенции, специалистов (в том числе ряд людей из научной

среды). Наиболее последовательно такая политика начала проводиться с 1942 г. после провала «блицкрига».

Известный круг лиц из интеллигенции фашистские спецслужбы не без определенного успеха постарались втянуть в политическую игру, использовать при создании антисоветского белорусского национального движения. Именно интеллигентскими коллаборационистскими группировками (как из кругов белорусской эмиграции, так и местными, отрицавшими большевизм, советскую белорусскую государственность) обеспечивалось создание таких структур, приближенных к верховным учреждениям немецкой оккупационной власти, как «Беларуская народная самадапамога», «Беларуская рада даверу», «Беларуская цэнтральная рада»*.

Привлечь к сотрудничеству попытались и научную интеллигенцию, оказавшуюся на оккупированной территории. Так, в Минске немцами с помощью коллаборантского руководства были взяты на учет научные, профессорско-преподавательские кадры, многие из этих людей, как только была организована управа, были вызваны туда с требованием выражения лояльности.

Оккупационные власти приказали научным работникам, преподавателям устроиться на любую работу. «Ученые, на что теперь ученые, разве только улицы подметать», — буквально так в начале оккупации сказал одному

---

* Современный немецкий историк Б. Кьяри, отмечая эти факты, так характеризует тактические заходы германской стороны: «В поисках белорусских «квислингов» немецкие власти обратились к эмигрантским кругам в Германии, Польше и Литве. Тонкая прослойка белорусской национальной интеллигенции к этому времени уже сплотилась в «Белорусской народной самопомощи» или в местных администрациях, а прежде всего в национальных комитетах в Варшаве и Белостоке, в белорусских театрах, музеях и научных обществах, а также в редакциях национальных газет. В Вильно еще в 1941 г. образовался круг лиц, мечтавших о «возрождении» Беларуси. Они ссылались прежде всего на предусловия создания собственной белорусской государственности, которые возникли во время Первой мировой войны. Поощряя их к работе в оккупационной администрации, немецкие власти туманно намекали на «светлое будущее» этого края под немецким управлением» (К'яры Б. Штодзеннасць за лініяй фронту: акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941—1944 гг.). С. 114).

минскому научному работнику немецкий офицер[1]. Это точно отражало тогдашнюю позицию оккупантов. Люди из среды научной интеллигенции, чтобы не умереть с голода и избежать отправки в Германию, в своем большинстве работали не по специальности — учителями в так называемых «народных школах», машинистками, прачками, уборщицами, чернорабочими и т. д. Многие вообще не смогли найти работу или уклонялись от нее, как, например, директор Института истории АН БССР академик Н. М. Никольский, которого неблагоприятные обстоятельства вернули в захваченный фашистами Минск. Как позже подчеркивал сам академик в одном из документов, он «... у немцев не работал, жил продажей вещей»[2*]. В послевоенных воспоминаниях Н. М. Никольский дополнительно так характеризовал возможности трудоустройства ученых во время оккупации: «Только медицинские работники могли работать по специальности — врачами[**], а прочие устраивались кто как мог. Одни пошли в немецкие прихлебатели и «пристроились» на «культурной работе», другие — кто кем: историк — завхозом, литератор — агентом по снабжению, этнограф — кладовщиком, другой историк и биолог — картотетчиками в канцеляриях. Были

[1] Археографический ежегодник за 1982 год. С. 271.

[2] ЦНА НАНБ, ф. 2, оп. 1, д. 3502, л. 2.

[*] Оккупационные власти имели намерение использовать в пропагандистских целях имя академика, как и других пытались склонить его к сотрудничеству, однако их попытки провалились. Об одном из таких эпизодов в своих воспоминаниях профессор Н. Дорожкин, также находившийся в оккупированном Минске, свидетельствовал следующим образом: «Профессор Никольский рассказывал, что немцы приходили к нему на квартиру и интересовались условиями его жизни, чем он занимается и не нужна ли ему какая-либо помощь. Николай Михайлович разговаривал с ними корректно, вежливо, но заявил, что ни в чем не нуждается и от помощи отказался наотрез. При разговоре же со мной он дал волю своим чувствам. «Работать с немцами? Да это позорно для советского человека вообще, а тем более для советского ученого! — воскликнул он, не имея сил успокоиться. — Еще будут хорошие времена, и мы их дождемся!» (Сквозь огонь и смерть. Минск, 1970. С. 235).

[**] Академика АН БССР И. Т. Титова, например, война застала в г. Августов Белостокской области, где он находился в санатории. Здесь он оставался до середины 1944 г. и как медик занимался частной практикой. После освобождения Беларуси был вызван Наркомздравом БССР в Минск и приступил к работе в Минском медицинском институте.

и такие, которые никак и никуда устроиться не могли. Я и сам не стремился устроиться работать на врагов своей Родины, да и при желании не мог бы этого сделать по своему преклонному возрасту, и был зачислен «безработным» по немецкой регистрации»[1].

Напомним, что, пытаясь использовать в пропагандистских целях имя Н. М. Никольского, нацисты неоднократно предлагали ему сотрудничество. Однако их усилия оказались тщетными. Академика, установившего связь с партизанами, вместе с семьей вывезли из Минска в партизанскую зону и позже самолетом переправили в советский тыл*.

В редких случаях (как в описанном ниже) научным работникам и не медицинского профиля приходилось во время оккупации также работать на своих прежних местах в силу сложившейся житейской ситуации.

Так, член-корреспондент АН БССР М. П. Томин, работавший заместителем директора Ботанического сада

---

[1] Археографический ежегодник за 1982 год. С. 271.

* В написанной после войны автобиографии этот период своей жизни Н.М. Никольский характеризовал так: «В оккупации я продолжал научную работу по планам АН БССР, написал две большие монографии и собрал материал для третьей. С января — февраля 1942 г. у меня завязалась связь с партизанами, постепенно расширявшаяся». В августе 1943 г. Н. М. Никольский был переправлен к партизанам, а весной 1944 г. на самолете — в Москву. В упомянутой автобиографии известный историк об этом писал: «1 августа 1943 г. я с семьей ушел из Минска в партизанскую зону, в которой пробыл (в трех бригадах: «Разгром», 1-й Минской и имени Лазо) до 9 марта 1944 г., когда был эвакуирован с семьей в советский тыл» (ЦНА НАНБ, ф. 2, оп. 1, д. 3502, л. 6.). В партизанской зоне академик АН БССР как раз и закончил рукопись упомянутых выше монографий. Им были подготовлены книги «Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье» и «Этюды по истории финикийских общинных и земледельческих культов» (книги опубликованы уже после войны). Находясь среди партизан, этот крупный историк, приближавшийся к 70-летнему возрастному рубежу, очень беспокоился за свою работу и просил: «В случае, если я не доживу до радостной встречи с Большой землей.., принять все заходы по доставке... рукописей в Москву, в Академию наук» (Ботвинник М. Н. М. Никольский. Минск, 1967. С. 128.). Его позиция и работа были высоко оценены. Совсем не случайно в 1947 г. Н.М. Никольский был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

АН БССР, в момент начала войны находился в Беловежской пуще, куда был командирован для сбора гербария. Добравшись окольными путями в Минск, который уже был захвачен врагом, он не нашел ни квартиры, которая сгорела, ни семьи*. За полным отсутствием каких-либо средств существования и чтобы не умереть с голоду, М. П. Томин вынужден был пойти на работу в Ботанический сад оккупированной столицы Беларуси. Работая здесь, ему удалось сохранить от ограбления гитлеровцами часть оранжерейных растений, древесных и кустарниковых насаждений. Особенно важным было сохранение инвентарных книг посадок древесных и кустарниковых растений Ботанического сада, без которых трудно было бы восстановить впоследствии названия сохранившихся растений и их происхождение. Кроме того, были сохранены рукописные материалы по проводившейся с 1932 г. в Академии наук теме исследований «Флора БССР», благодаря чему вскоре после войны стало возможным издание 2 томов «Флоры БССР».

Тем не менее через полгода после изгнания фашистов из Беларуси, 1 января 1945 г. М. П. Томин был арестован органами НКВД. Через 8 месяцев без суда он был освобожден и восстановлен на работе в Ботаническом саду в должности заведующего сектором флоры[1]. В 1956 г. М. П. Томина избрали действительным членом (академиком) Академии наук БССР.

Однако явление коллаборационизма в оккупированной Беларуси как факт исторической реальности все же имело место. Прежде всего потому, что оккупационная власть искала для себя опору, сторонников. В этих условиях делались настойчивые попытки использовать в соответствии с нуждами и кадры научных работников (в русле общего направления на использование белорусского национального антисоветского фактора, определенных кругов интеллигенции).

---

* Жена М. П. Томина и сыновья Константин 1920 г. рождения и Николай 1923 г. рождения эвакуировались в Воронеж. Впоследствии сыновья погибли на фронте.

[1] ЦНА НАНБ, ф. 2, оп. 1, д. 2305, л. 10, 11.

Политическим маневром фашистов и их определенной уступкой антибольшевистскому белорусскому национальному движению во время оккупации была попытка создания «Белорусского научного товарищества» (БНТ). Несмотря на определенные заходы оккупационной власти в 1941 г., оставшиеся в захваченных гитлеровцами городах немногочисленные кадры научных работников и преподавателей в своем большинстве на прочные контакты с ней так и не пошли. Более активно фашисты попытались это преодолеть в 1942 г., при усилении заигрывания с белорусской коллаборацией. Параллельно с мерами по поддержке иных коллаборационистских структур в июне 1942 г. оккупантами было объявлено о создании «Белорусского научного товарищества». Немецкий гауляйтер Беларуси В. Кубе в июле 1942 г. утвердил его устав и состав президиума. Сам он стал почетным президентом БНТ (в НАРБ — ф. 370, оп. 1, д. 435, л. 4 — имеется письмо от 21 июля 1942 г. оргкомитета БНТ к Кубе с просьбой принять это звание), возглавить товарищество было поручено «мужу доверия» при гауляйтере И. Ермаченко, его первым заместителем был назначен начальник политического отдела генерального комиссариата Франц Юрда, вторым — бургомистр города Минска Вацлав Ивановский. В президиум вошли также начальник окружного суда в Минске Свирид, профессор Шиперко, редактор «Беларускай газэты» Адамович и др. Ученым секретарем гитлеровцы назначили инженера Касяка[1]. Устав БНТ был утвержден В. Кубе 30 июля 1942 г.

Однако реальные попытки в условиях развернувшейся партизанской войны собрать научных работников хоть на какое-то подобие заседаний были весьма проблематичными. В итоге, в конце лета 1942 г. в квартире бургомистра В. Ивановского с трудом удалось собрать около десятка ученых естественного профиля. Как пишет Б. Кьяри, даже незначительные заседания за пределами не-

[1] Раманоўскі В.П. Саўдзельнікі ў злачынствах. Мінск, 1964. С. 122.

мецких учреждений порождали «проблему безопасности»[1*].

Научные группы такого толка намеревались создать не только в Минске, но и в других крупнейших городах, в частности, в августе 1942 г. гитлеровцами и их активными коллаборационистскими сторонниками были произведены заходы по организации «Витебского научного товарищества». Из Витебска в Минск в связи с этим тогда же было направлено пропагандистское обращение к В. Кубе и деятелям БНТ, тематика предполагаемых докладов и «исследований», в том числе по истории, археологии[2*].

---

[1] К'яры Б. Штодзённасць за лініяй фронту: акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941—1944 гг.). С. 106.

[*] О том, что подпольщики и партизаны тщательно следили за этой акцией гитлеровцев и коллаборационистов, свидетельствует следующее сообщение начальника БШПД П. З. Калинина начальнику ЦШПД П. К. Пономаренко, датированное октябрем 1942 г.: «По полученным нами агентурным данным в Минске создано Белорусское научное товарищество. По тем данным, которыми мы располагаем, Белорусское научное товарищество создано и работает по инициативе и под руководством гестапо, которое принимает меры к тому, чтобы в это товарищество также вошли членами следующие находящиеся в Минске академики, профессора и научные работники: Ануфриев, Марков, Кудин, Дорожкин, Онищенко, Городецкий, Зубкович» (НАРБ, ф. 386, оп. 1, д. 2, л. 2). Отметим, что в соответствии с постановлением Центральной рады «Беларускай народнай самапомачы» от 15 октября 1942 г. в состав БНТ предлагалось также включить литераторов Ларису Гениюш, проживавшую в Праге, и Григория Мурашко (впоследствии партизан, погиб во время прорыва фашистской блокады) (НАРБ, ф. 370, оп. 1, д. 419, л. 7).

[2] НАРБ, ф. 386, оп. 1, д. 2, л. 15, 16.

[*] Стремясь теоретически обосновать политическую линию, применяемую в Беларуси, В. Кубе и разделяющие эту же позицию местные публицисты из немецкой и коллаборационистской среды с 1942 г. в противоречии с традиционными нацистскими теориями о расовой неполноценности славян начали пропагандировать тезис о родственности белорусов немцам, о их арийских, нордических корнях (в данном случае использовалась известная теория «балтского субстрата» в этногенезе белорусов, а также достаточно гипотетические представления о поглощении в древности славянами на территории Беларуси германских элементов). Как иллюстрация к сказанному небезынтересна следующая выдержка из донесения в ЦШПД командира партизанского отряда № 277. 16 октября 1942 г. из Кличевского района Могилевской области он сообщал: «В последнее время немцы в газетах, листовках и по радио беспрестанно твердят, что белорус ничего общего не имеет с русским, что белорус родственен немцам, белорус и немец одной крови» (НАРБ, ф. 3500, оп. 4, д. 93, л. 4).

Перед коллаборационистскими научными группами, которые пытались создать, ставилась задача собрать кадры ученых и втянуть их в работу на пользу Германии. 2 сентября 1942 г. был объявлен конкурс на получение премии (до 3 тыс. марок) рейхскомиссара Остланда за лучшую научную работу[1].

Ученые по замыслу организаторов этой акции должны были проявить свои способности, подготовив работы на немецком языке, которые имели бы отношение, прежде всего к хозяйственным вопросам — перспективам расширения посевов сельскохозяйственных культур, освоения водной энергии рек и т. д. Собирались поощрять также медицинские исследования, притянув соответствующих лиц в коллаборационистское движение.

Отметим, что подвизались в коллаборационистских структурах и некоторые гуманитарии, подававшие себя «навукоўцамі». В частности, такой деятель как Е. Колубо-

---

В данной связи отметим, что осенью 1942 г. В. Кубе организовал раскопки курганных могильников вблизи Минска. Газета «Minsker Zeitung» в номере за 19 октября 1942 г. писала, что это были первые раскопки на оккупированных восточных землях и назвала В. Кубе «первым из высших национал-социалистских руководителей, который осознал необходимость исследования древней истории» и уже предпринявшим ранее подобные исследования в области Курмарк (Восточная Пруссия), гауляйтером которой являлся. Газета рассказывала о раскопках, в которых в качестве рабочей силы были задействованы депортированные в Минск немецкие евреи. При этом подчеркивалось, что «ознакомившись с группой из 13 курганных могильников в районе Минска, которые жители называли «французскими могилами», В. Кубе понял их историческое значение и организовал раскопки одного из могильников, при этом лично вынул первую лопату земли». В ходе работ были обнаружены 3 скелета и ряд предметов, в том числе, бронзовая чаша. Эти предметы, как указывала газета, позволили датировать могильники XI—XII вв. «Все предметы имеют нордические черты», — высказывалась «Minsker Zeitung». Для консультации и участия в дальнейших раскопках В. Кубе привлек ректора университета в Грайфсвальде профессора, доктора Карла Энгеля, директора музея в Инстербурге Вальтера Гронау и его сотрудников. 19 сентября 1942 г., по сообщению оккупационной прессы, в кинозале Генерального комиссариата для немецкой и белорусской коллаборационистской аудитории профессор Энгель прочитал по заданию ведомства А. Розенберга лекцию «Нордические черты восточных территорий в доисторический и раннеисторический период».

[1] Беларуская газэта. 1942. 17 кастрыч.

вич, занимавшийся и политикой (входил в состав «Рады доверия» и позже в БЦР), и «культурой». В контексте данной работы интерес представляет хранящийся в Национальном архиве Республики Беларусь его короткий дневник, составленный в один из периодов немецкой оккупации и характерно названный: «Дзённік навуковага працаўніка Калубовіч Аўгена». Из дневника видно, что помимо прочего его автор пытался работать в сфере образования, разрешенного гитлеровцами: занимался редактированием текстов для журнала «Беларуская школа», готовившихся учебных пособий и т. п. Представляет интерес следующая выдержка из дневника: «23.10.1942... Падрыхтоўка да паездкі ў Берлін: гутарка з сп. Сівітцаю, наведваньне Гарадзкога камісарыяту і інш.» В дневнике имеется перерыв в записях между 27 октября и 20 ноября 1942 г. Видимо, в это время Е. Колубович и находился в Германии. В привязке к 5 января 1943 г. в дневнике находим запись: «Выступленне ў кінатэатры перад вучнямі гор. Менска аб сваіх уражаньнях з падарожжа па Нямеччыне»[1]. Дневник обрывается 20 января 1943 г. Видимо, после событий в Сталинграде, разгрома гитлеровцев на Волге вести дальше свой одиозный дневник Е. Колубовичу расхотелось. Отметим, что этот человек оставил грязный след не только в военном, но и в предвоенном времени. В данном плане в отношении Е. Колубовича показательна и разоблачительна статья Я. Казеки («Звязда» 1996 г., 26 июня) «Масціў дарогу ў Курапаты».

Очень большое число специалистов, которых тащили в БНТ, всячески уклонялось от участия в его работе. «То, что эта организация была обычной бутафорией, — вспоминал уже после войны сотрудник АН БССР А. П. Рунцо* — видно было хотя бы из того, что после шума по радио и в газетах «научное товарищество» существовало только на бумаге и никакой работы не вело...»[2] Извест-

---

[1] НАРБ, ф. 386, оп. 2, д. 1.

* В начале 1942 г. А. П. Рунцо установил связь с партизанами. В ноябре 1943 г. он был схвачен СД и в 1944 г. вывезен в фашистский концлагерь во Францию. После возвращения на Родину А. П. Рунцо продолжал работу в АН БССР. Награжден медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

[2] ЦНА НАНБ, ф. 2, оп. 1, д. 657, л. 7.

ный белорусский писатель Кузьма Чорный в августе 1942 г., предвидя провал этой затеи оккупантов, писал: «Гауляйтерская «академия» своих «ученых» держит в своем собственном кровавом балагане, и не просто на потеху, а для цепей на белорусский народ. Цепи, надетые на народ, вещь не надежная. Таким будет и век гауляйтерской «академии»[1]. Белорусские ученые, оказавшиеся на временно оккупированной территории, в своем большинстве бойкотировали работу «товарищества».

Тогда в июне 1943 г. в казино генерального комиссариата вновь состоялось официальное открытие БНТ*. Угрожая репрессиями, гитлеровцы 27 июня 1943 г. согнали на учредительное собрание «научного товарищества» ряд научных работников, проживавших в Минске. Как и в первый раз был назначен президиум. «Президентом» стал уже упоминавшийся активный коллаборационист В. Ивановский, а его заместителями некие О. Лыновский и В. Масевич. Все члены «товарищества» (на 27 июня 1943 г. 22 человека)[2] назначались или утверждались почетным президентом, которым являлся генеральный комиссар Беларуси.

В своих выступлениях руководитель первого отдела генерального комиссариата Бауэр и «президент» БНТ В. Ивановский потребовали от белорусских ученых разрабатывать научные темы, исходя из задач военного времени[3].

В Национальном архиве Республики Беларусь сохранилось подготовленное коллаборационистской верхушкой сообщение для средств массовой информации о создании БНТ так и оставшееся неопубликованным, имеющееся в научном обращении только как архивный документ:

---

[1] Савецкая Беларусь. 1942. 22 жн.

* Немецкие и коллаборационистские организаторы БНТ по сравнению с неудачным опытом 1942 г. имели теперь в руках более вескую формальную основу: Розенберг дал разрешение на открытие в Беларуси медицинского института. В связи с этим кроме местных оккупационных властей в Минске в создании БНТ принял также участие помощник рейхскомиссара «Остланда» по научным вопросам доктор Штегман.

[2] НАРБ, ф. 386, оп. 1, д. 1, л. 28.

[3] Раманоўскі В. П. Саўдзельнікі ў злачынствах. С. 123.

«Паведамленне аб Беларускім Навуковым Таварыстве.

Дзеля таго, што да нас зварачваецца грамадзкасць, якая цікавіцца складам Беларускага Навуковага Таварыства і ягонай працай, дык падаём наступнае:

27 чэрвеня 1943 г. Генеральным Камісарам Беларусі скліканы Першы Сход Беларускага Навуковага Таварыства. Сябрамі-закладчыкамі гэнага таварыства з'яўляюцца:

1. Бухвалаў Антось — матэматык
2. Жылінскі Янка — географ-картограф
3. Іваноўскі Вацлаў — доктар тэхнічных навук
4. Івашкевіч Міхась — мікрабіолёг
5. Кавалеў Нікіта — геолёг
6. Калоска Базыль — вадавод і каналізацыя
7. Крэчка Пётр — хімік-арганік
8. Кудзін Кастусь — мікрабіолёг
9. Леўковіч Базыль — матэматык
10. Лыноўскі Осіп — гігіена
11. Мароз Альгерд — матэматык
12. Маркоўка Іван — хімік-неарганік
13. Масевіч Вячэслаў — права
14. Міхайлаў Сава — гідратэхнік
15. Пушкевіч Алесь — механік-цеплатэхнік
16. Раждзесьцьвенскі А. — хімік-аналітык
17. Рунцо Андрэй — хэмія (фізычная)
18. Станкевіч Яўгенія — біолёг
19. Томін Міхаіл — батанік
20. Трысмакоў Парфіры — тэхналёг-мэталёвед
21. Шкуцько Кастусь — лінгвініст*
22. Шыперка Эдуард — аграном

У Урад Беларускага Навуковага Таварыства вызначаны: праф. Іваноўскі В. — Старшыня Ураду Таварыства. Ягонымі заступнікамі — Лыноўскі О. і Масевіч В. Сябрамі Ураду Таварыства — Шыперка Э. і Трысмакоў П. Сакратаром Ураду Таварыства — Кавалёў Н.

На гэным сходзе сябрамі Таварыства былі закрануты пытанні аб імкненні сяброў Беларускага Навуковага Таварыства да навуковае працы ... і аб бліжэйшых задачах Таварыства.

---

* Так в документе.

Пакуль што працы Таварыства будуць весьціся ў трох вялікіх групах:

1). працы, маючыя значэньне для вайны;

2). працы, маючыя значэньне для Беларусі;

3). працы агульнага значэньня

Агульны сход Беларускага Навуковага Таварыства адбудзецца ў палове жніўня месяца г.г., на якім будзе больш дасканальна разгледжана праца Таварыства на бліжэйшы час»[1].

Однако всем им приходилось думать о своей будущности, которая после поражения немецко-фашистских войск на Курской дуге становилась весьма проблематичной. Поэтому кое-кто уже сразу летом 1943 г. стремился осторожно отказаться от полученных «портфелей» в коллаборационистской научной организации. Приводим показательный документ, свидетельствующий об этом:

«Старшыні Беларускага Навуковага Таварыства сп. прафэсару В. Іваноўскаму.

З а я в а.

Прашу аслабаніць мяне ад абавязкаў сябра прэзыдууму (і сакратара) і аставіць мяне сябрам таварыства.

Матывы: 1. Да адміністрацыйнай працы не адчуваю аніякай здольнасці і таму ніколі, ні да вайны, ні з пачатку вайны не займаў ніякай адміністрацыйнай пасады.

Па гэтай самай прычыне я ўпэўнены, што буду кепскім памагачом сп. старшыні таварыства і такім чынам буду толькі балястам для прэзыдууму.

2. Да таго ж мне зараз прыходзіцца працаваць у двух установах — кіраўніком геолёгічнай групы пры гэнэральным Камісарыяце і ст. навуковым працаўніком на Менскай балотнай станцыі, дзе мне даручана арганізацыя і загадванне музеем.

3. Акрамя таго нямецкімі прадстаўнікамі дактарамі Крузэнштэрнам і Рыхелем мне даручаецца праца, выкананне якой патрабуе шмат часу.

4. Шмат часу займе праца над геолёгічнай картай Беларусі.

---

[1] НАРБ, ф. 386, оп. 1, д. 1, л. 37, 38.

Я ўпэўнены, што, прымаючы пад увагу прыведзеныя матывы зараз на пасаду сакратара можна прызначыць тых з сяброў таварыства, якія зараз маюць значна меншую нагрузку.

Увага. Прычынай такой недарэчнасці (абранне мяне сябрам прэзідыуму) я лічу тую акалічнасць, што перад прызначэннем маім, са мной не было ўзгоднена гэта пытанне.

Н. Кавалеў

5 жніўня 1943 г.»[1]

В «учредительном акте» БНТ, зачитанном на его заседании 13 августа 1943 г. представителем оккупационной власти Пустом (кроме него здесь присутствовали еще несколько немцев с учеными званиями*), целью товарищества объявлялось развитие и поддержка белорусской науки и культуры. Предполагалось, что развернут работу секции белорусоведения, естествознания, математики, техники, литературы и искусства. По замыслу гитлеровцев БНТ должно было вести как теоретические исследования, так и выполнять ряд непосредственных практических заданий, содействовать будущему послевоенному экономическому восстановлению Беларуси (коллаборанты долгое время наивно надеялись на соответствующее место для своего «государства» в составе «новай Эўропы» после победы Германии). Велся разговор и о налаживании связей с немецкими научными центрами в «рейхе»[2].

Подноготная дела еще более отчетливо видна из ряда документов германской стороны, которая и была подлинным организатором этой «научной акции». Вот один из них, в переводе с немецкого авторов данного текста:

---

[1] НАРБ, ф. 386, оп. 1, д. 1, л. 39.

* По крайней мере есть точные сведения о докторе Рихеле и докторе Шварце, находившихся на заседании.

[2] Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мінск, 1993. С. 139, 140.

«18 августа 1943 г.

Белорусское Научное Товарищество

Господину Рейхскомиссару Остланда. Рига.

На Ваше письмо от 31 июля 1943 г.

На Ваш предыдущий запрос сообщаю, что после возвращения из отпуска я собирал на заседание Белорусское Научное Товарищество, во время которого решал организационные вопросы, а доктор Рихель говорил о профессиональных делах.

Вопрос о денежном вознаграждении еще окончательно не решен, потому что мы хотим предоставлять отдельным членам товарищества не обычную зарплату, а желаем обратить внимание в первую очередь на тех, кто имеет доходы ниже прожиточного минимума.

Списки членов товарищества посланы в СД, однако сбор сведений там еще не закончен, так что намеченные русские научные сотрудники еще не утверждены. Высылка планов исследований пока еще невозможна, потому что, как я уже выше говорил, еще не завершены подготовительные работы внутри товарищества.

Надеюсь, через 3 недели смогу сделать для Вас окончательный отчет.

Угроза белорусским ученым объясняется не только тем, что они являются членами БНТ. Возможно, здесь сыграли роль и другие моменты, особенно похищение некоторых через посредников из Москвы.

Дело в том, что те ученые, членство которых предусмотрено в белорусском научном товариществе, большей частью являются сотрудниками немецких учреждений и уже известны как таковые. Я позаботился заранее отдав распоряжение, чтобы списки членов товарищества не стали известны широкой публике.

По поручению R»[1].

При организации коллаборационистских научных групп оккупационной властью сознательно делалась ставка на пострадавших от репрессивной политики советского го-

[1] НАРБ, ф. 370, оп. 1, д. 431, л. 12.

сударства в послереволюционное время*, лояльность выявлялась различными методами, в том числе и посредством заполнения разнообразных анкет (списки ученых и анкеты отправлялись в СД; в анкетах немецкая сторона требовала отвечать на вопросы, начиная от рода занятий до войны, чистоты расовой принадлежности и вплоть до отношения к масонским ложам). Из-за партизанского фактора списки притянутых в БНТ обнародовать было запрещено. На редких общих собраниях, на которые стремились собрать всех записанных в товарищество научных работников (в Минске на июль 1943 г. таких насчитывалось свыше 20, в октябре 1943 г. — около 50, в апреле 1944 г., когда многих снова заставили написать заявления о приеме в состав БНТ, — 40 человек, однако среди них было много, как говорят, «мертвых душ»), обязательно присутствовали и выступали представители немецкой администрации, генеральный комиссариат постоянно требовал информацию о работе (ибо определенные финансовые средства под эту «научную акцию» все же выделялись), заседаниях, обсужденных темах и вопросах. Протоколы заседаний секций БНТ и общих собраний требовалось дублировать на немецком языке.

Коллаборационистской стороне, руководству (с созданием Белорусской центральной рады политику предыдущих лет попытались продолжить и даже активизировать, в составе марионеточного «правительства» пособников гитлеровцев даже был создан научный отдел во главе с Е. Киппелем) приходилось выполнять эти требования, вообще поддерживать тесный контакт с немецкой оккупационной властью, придерживаться установленных официальных правил. Так, например, заседание БНТ 23 октября 1943 г. началось минутой молчания в память о погибшем В. Кубе[1]. Характерна и выдержка из текущей

* В этом плане показательны выявленные автором в архиве написанные в период оккупации автобиографии профессора В. А. Анищенко (он подробнейшим образом изложил, кто из его близких и дальних родственников был репрессирован, в том числе расстрелян НКВД) и Н. Степанова (НАРБ, ф. 386, оп. 1, д. 1, л. 63—66; ф. 381, оп 1, д. 37/4, л. 16).

[1] НАРБ, ф. 386, оп. 1, д. 4, л. 27.

отчетности верхушки научной и культурной белорусской коллаборации за период июль—сентябрь 1943 г.: «Штабу Розенберга давалася шмат кансультацый»[1].

Верхушка БНТ под немецким надзором и в погоне за хоть какими-то финансовыми средствами, которые так или иначе выделялись под этот пропагандистский проект оккупационной властью, старалась имитировать деятельность «товарищества».

Сохранившиеся редкие протоколы собраний, заседаний БНТ осенью 1943 г. показывают эти усилия. Вот некоторые конкретные документы такого плана.

«ПРАТАКОЛ № 4

рэфэратнага сходу Беларускага Навуковага Таварыства ад 23.10.1943 г. а 2 гадз. дня ў памешчаньні Гарадзкога Камісарыяту...

Рэфэрат прачытае д-р В. Іваноўскі на тэму «Ахова дрэва ад буцьвеньня».

Прысутнічала 17 асоб*.

Веў сход проф. Эдуард Шыпэрка.

Сакратарствавaў проф. В. Масевіч.

Спачатку сход ушанаваў уставаньнем памяць трагічна загінуўшага прыяцеля Беларускага народу Гэнэральнага Камісара Гаўляйтэра сп. Вільгэльма Кубэ.

Пасьля гэтага д-р Іваноўскі прачытаў свой рэфэрат. Па сканчэньні чытаньня рэфэрату да дакладчыка былі дадзены пытанні проф. Асіпенка, проф. М. Дакукіным і К. Кудзіным...

Па жаданьню сходу было пастаноўлена:

1. Рабіць рэфэратныя сходы цераз кожныя 2 тыдні па пятніцах...

2. Рэфэрэнтаў і тэму рэфэрату вызначае сэкцыя Беларускага Навуковага Таварыства на сваім паседжаньні.

3. Наступныя рэфэраты далі згоду прачытаць: проф. Кастусь Кудзін, Эдуард Шыперка, Міхась Дакукін і Пётр Крэчка...»[1]

---

[1] НАРБ, ф. 386, оп. 2, д. 4, л. 9.

* Всего в списках членов БНТ в это время насчитывалось 54 человека.

[1] НАРБ, ф. 386, оп. 1, д. 4/10, л. 27.

«ПРАТАКОЛ № 5

рэфэратнага сходу Беларускага Навуковага Таварыства

Сход адбыўся 5. XI.1943 г... у будынку гарадзкога камісарыяту... Прачытаў даклад ст. навуковы працаўнік К. Кудзін* на тэму: «Ацідофільная палачка, яе прарода і значэньне». Дадзена было апісаньне палачкі. Былі дэгуставаны пробы сінтэтычнага ацідофільнага кумысу і кэфіру... Прысутнічаючыя сябры сходу раілі прачытаць гэты рэфэрат лекарам гораду і паставіць прадукцыю ацідофільных прэпаратаў...»[1]

Только 10 членов БНТ явилось (есть их росписи в листе учета присутствия) на собрание 19 ноября 1943 г. Доцент Платон Жарский, который должен был прочитать реферат «Становішча Беларускай мовы сярод Славянскіх моваў» также не появился. Его выступление перенесли на 3 декабря 1943 г. Состоялось ли собрание, намеченное на этот срок, документально не подтверждается. Неявки, нежелание работать членов БНТ в данное время вполне понятны — советские войска на тот момент уже освободили почти одну пятую часть Беларуси, близился час ее полного освобождения от немецко-фашистских захватчиков.

Как уже отмечалось, деятельность всех коллаборационистских структур, в том числе и БНТ, попытались активизировать с созданием в декабре 1943 г. профашистской марионеточной Белорусской центральной рады. В январе 1944 г. в составе БЦР был создан отдел просвещения, науки и культуры, который возглавил сам «президент» БЦР Р. Островский. В составе указанного отдела тогда же организовали подотдел науки. В нем вместе с техническим персоналом работало около 10 человек.

---

* К. Кудин, до войны старший научный сотрудник НИИ пищевой промышленности, в период оккупации работал зав. лабораторией на Минском пивоваренном заводе. Отметим, что члены БНТ имели, как правило, другое постоянное место работы. В оккупированном Минске действовала Болотная станция, Ботанический сад, Институт охраны растений, значительное число предприятий. Многие из входивших в состав БНТ работали в отделах при Белорусской центральной раде, в Минской городской управе, в отделах при Генеральном комиссариате Беларуси, в больницах, на заводах.

[1] НАРБ, ф. 386, оп. 1, д. 4/10, л. 35.

Подотдел науки БЦР было поручено возглавить Е. Киппелю. Как известно, ставка при выдвижении на различные посты в коллаборационистских структурах оккупационной властью делалась на пострадавших от репрессий в СССР. Е. Киппель в этом плане был характерной фигурой. У нас есть возможность привести такие его биографические данные, почерпнутые из зарубежных источников.

По обвинению в белорусском национализме Е. Киппель был арестован в 1930 г. После отбытия ссылки в 1935 г. ему запретили возвращаться в Беларусь (также как и семье) и проживать в столицах, областных городах и городах областного значения. Е. Киппелю было разрешено поселиться в Орле, так как в 1935 г. этот город еще не был областным центром.

Повторно Е. Киппель был арестован там же в декабре 1935 г. Ему было предложено выступить в союзной печати и осудить свою «белорусскую национальную деятельность». Е. Киппель отказался это сделать и был осужден в Курске на 5 лет лагерей. Отбывал срок в Байкало-Амурских лагерях: сначала на лесоповале и строительстве железнодорожного полотна, а затем в штрафной колонне, так как была повторная судимость. Освобожден 31 декабря 1940 г. В этот раз ему не было разрешено поселиться в Орле (стал областным городом). Е. Киппель поселился в селе Кульнево Брянской области. Во время войны с продвижением фронта подался на Восток, но когда Орел был занят немцами (там жила семья) остановился около Тулы и попал под немецкую оккупацию. Вернулся в Орел в начале 1942 г. Зарегистрировался в комендатуре как беженец и получил разрешение добираться в Минск.

Путешествие из Орла в Минск заняло несколько недель. В Минске работал в Научном отделе при БЦР заведующим, много писал. В 1944 г. редактировал несколько учебников, которые должны были выйти в 1944—1945 учебном году (вместе с Николаем Байковым). Был председателем 2-го Всебелорусского Конгресса в июне 1944 г.

Убеждения, политическая позиция и конкретно сложившаяся жизненная ситуация сделали из Е. Киппеля активного коллаборациониста времен Великой Отечест-

венной войны. Как видим, при этом он, как и другие, подвизался на «научном поприще», возглавлял в БЦР «науку», с очерченных оккупационной властью позиций занимался творческой работой. По крайней мере в одном из архивных документов, относящихся к началу июня 1944 г. в отношении него находим: «заканчивает работу по составлению учебника по зоологии»[1]. Здесь же есть данные и о других сотрудниках научного отдела (к этому времени подотдел науки в БЦР реорганизовали в отдел): «2. Сирочинский В., научный работник, составляет учебники по физике и педагогике; 3. Гладкий И., научный работник, составляет учебники для 3—4 кл. начальной школы; 4. Яскевич К., научный работник, составляет учебник по географии для 3 класса»[2].

С началом 1944 г., развитием деятельности БЦР, «Белорусское научное товарищество», непосредственно подчинявшееся отделу науки БЦР, также вынуждено было сделать видимость прибавления в работе.

19 марта 1944 г. в Минске под председательством главы БЦР Р. Островского состоялось общее организационное собрание БНТ, на котором присутствовало 33 «действительных члена товарищества»[3]. Был заслушан отчетный доклад о работе БНТ за 8 последних месяцев его существования, в очередной раз рассмотрен и принят устав общества, состоялось избрание «почетных членов» БНТ (первым таким избрали Р. Островского), и членов его президиума[4].

Открыл собрание вступительным словом представитель немецкого Генерального комиссариата Беларуси доктор Люббе. Информация о его выступлении содержится в одном из документов, сохранившихся в фонде Генерального комиссариата в НАРБ[5]. В кратком изложении суть речи Люббе на собрании БНТ 19 марта 1944 г. сводилась к следующему. Он огласил приветствие собранию от Ге-

---

[1] НАРБ, ф. 381, оп. 1, д. 33, л. 7.
[2] Там же.
[3] Там же, ф. 386, оп. 1, д. 9, л. 34.
[4] Там же.
[5] Там же, ф. 370, оп. 1, д. 2479, л. 1, 2.

нерального комиссариата и лично от возглавлявшего его К. фон Готтберга, пожелавшего «культурного подъема белорусскому народу». В своем открыто пропагандистском выступлении Люббе подчеркнул «значение борьбы европейской культуры против азиатского большевизма»[1], очертил цели немецкой науки в идущей войне, ее вклад в работу, направленную на достижение победы Германии. Обращаясь к залу, Люббе говорил о том, что на пути к этой победе «имеет значение и белорусская наука», «здесь должна быть и ваша доля в уничтожении советской системы». С трибуны звучало требование «умственной, психологической и материальной мобилизации Белоруссии в борьбе против Юдо-Москвы»[2]. В оглашенном коротком обзоре истории довоенной БССР Люббе утверждал, что коренной ученый, ученый-белорус был в этот период полностью оторван от европейской культуры и лишен возможности приобщения к западной науке, в частности немецкой. При этом выступающий обещал для подъема «нынешней белорусской науки» под немецким покровительством всяческую поддержку. Белорусские ученые «в чрезвычайных условиях войны» призывались к тесному контакту с немецкой наукой. Люббе обещал публикацию работ участников собрания «в немецких специальных научно-технических журналах», свой научный журнал, успех и известность на Западе[3].

Таковы были установки и правила тогдашней немецкой пропагандистской игры. Отметим, что игра германской стороны (в том числе очень активная со стороны спецслужб) с белорусской коллаборацией, попытки использования ее интеллектуально-научного потенциала продолжались вплоть до лета 1944 г. В 1944 г. немецкие структуры и учреждения уже обещали белорусам и научные командировки в Германию, и приглашения туда же на постоянную работу, ибо битому на фронтах Великой Отечественной войны, теряющему силы «рейху» на это время требовался любой союзник и сторонник, тем более люди, имевшие образование и специальные знания, которые могут что-то совершить в науке, принести хоть какую-то пользу.

---

[1] НАРБ, ф. 370, оп. 1, д. 2479, л. 1.
[2] Там же.
[3] Там же, л. 2.

В 1944 г. в составе БНТ были созданы некоторые секции по отраслям наук, несколько раз проводились их заседания. Выявленные материалы по теме показывают, что в целом, за редким исключением, это было лишь обозначение деятельности, ее имитация со стороны задействованных конкретных лиц (к лету 1944 г. большинству в БНТ было хорошо понятно, что гитлеровцы надолго в Беларуси не задержатся). Тем не менее на бумаге работа шла, кое-кем для видимости были избраны определенные, неплохо звучавшие (далекие от политики) темы исследований. По установкам сверху предпринимались те или иные организационные усилия. Вот некоторые из документов БНТ этого периода, иллюстрирующие сказанное:

«ПРАТАКОЛ

паседжаньня сяброў Беларускага Навуковага Таварыства фізыка-матэматычнага і тэхнічнага Аддзелу ад 4.5.1944 г.

П р ы с у т н і ч а л і: Старшыня фіз.-мат. і тэхн. Аддзелу праф. Сірачынскі У. і сябры Беларускага Навуковага Таварыства сп. сп. інж. Пушкевіч А., Васільеў А., Леўковіч.

П а в е с т к а д н ю:

1. Даклад дац. Бухвалава А. на тэму: «Номаграфія».

2. Выбары сакратара Тэхнічнай сэкцыі.

Па першаму пытаньню дакладчык дацэнт Бухвалаў А. не зьявіўся, таму рэфэрат не адбыўся.

Па другому пытаньню — Абраць сакратаром тэхнічнай сэкцыі інж. Пушкевіча А.

Наступнае паседжаньне Фіз.-Мат. і Тэхн. аддзелу прызначыць на чацьвер 11.5.1944 г. а 13^{30} — дню.

Старшыня Фіз.-Мат. і Тэхн. Аддзелу праф. Сірачынскі»[1].

В начале июня 1944 г. в БНТ была образована юридическая секция. Протокол ее первого заседания, довольно колоритно отражает организационную возню и лукавство* в верхах научной коллаборации.

---

[1] НАРБ, ф. 386, оп. 1, д. 6, л. 4.

* Ряд деятелей БНТ, запятнавших себя активным участием в коллаборации, уже давно предпринимали усилия по выезду в «рейх», предвидя недолговечность немецкой оккупационной власти в Беларуси.

«ПРАТАКОЛ № 1

паседжаньня Юрыдычнай Сэкцыі Беларускага Навуковага Таварыства ад 6. VI.1944 г.

П р ы с у т н і ч а л і: Дацэнт сп. П. Жарскі часова выконваючы абавязкі Старшыні БНТ, Дацэнт сп. В. Масевіч і сп. сп. Л. Бранавіцкі, Л. Галяк і М. Кварын — юрыстыя.

П а р а д а к д н ю: Афармленьне Юрыдычнай Сэкцыі БНТ і выдзяленьне тэрміналегічнай тройкі.

1. Аб афармленьні Юрыдычнай Сэкцыі (дацэнт сп. Жарскі)

Сп. Жарскі адзначае, што Юрыдычная Сэкцыя па сутнасьці была арганізавана раней, але зараз яе трэба аформіць, больш актывізаваць яе дзейнасць, накіраваўшы яе працу ў адпаведнасьці з тымі задачамі, якія стаяць зараз перад беларускімі навукоўцамі наогул і юрыстымі ў галіне стварэньня правовых нормаў і тэрміналегіі ў прыватнасьці. У працу Сэкцыі павінны быць уцягнуты ўсе лепшыя сілы юрыстых. Навуковае Таварыства чакае ад юрыстых-навукоўцаў у бліжэйшыя часы распрацоўкі адпаведных тэм, дакладаў, выступленьня праз друк з цікавячымі беларускае грамадства артыкуламі. Праца сэкцыі і яе кіраўніка вялікая, адказная і таму трэба з ліку юрыстых выбраць у кіруючы склад Юрыдычнай Сэкцыі (Старшыню і навуковага сакратара) аўтарытэтных, актыўных і працаздольных асоб.

Згодна статуту Старшыня Сэкцыі павінен быць з ліку правадзейных членаў БНТ, у тэй час, як навуковы сакратар можа быць выбраны і з ліку агульных членаў Сэкцыі.

Правадзейнымі членамі БНТ зьяўляюцца пакуль што сп. сп. В. Масевіч і Л. Бранавіцкі. Зараз нам і трэба выбраць Старшыню і Сакратара Сэкцыі. Сп. Жарскі запрашае выказацца па гэтаму пытаньню.

В ы к а з а л і с я: сп. сп. Галяк, Масевіч, Жарскі, Бранавіцкі.

Пасьля абмену думкамі Сэкцыя прызнала сябе правамоцнай у выбары Старшыні і сакратара сэкцыі, паколькі на паседжаньні прысутнічае тры правадзейных члены БНТ (сп. сп. Жарскі, Масевіч, Бранавіцкі), пасьля чаго былі высунуты кандыдаты.

П а с т а н а в і л і:

Выбраць Старшынёю Юрыдычнай Сэкцыі БНТ дацэнта сп. В. Масевіча і навуковым сакратаром сэкцыі сп. Л. Бранавіцкага.

2. Аб выдзяленьні тэрміналегічнай тройкі (інф. сп. Жарскі).

П а с т а н а в і л і:

Выдзеліць у тэрміналегічную тройку Юрыдычнай Сэкцыі БНТ сп. сп. М. Шкіленка (Старшыня Тройкі), Л. Бранавіцкага і Л. Галяка.

У заключэньне сп. Жарскі заклікаў Сэкцыю і яе кіраўніка да карыснай працы.

Старшыня П. Жарскі
Сакратар Л. Бранавіцкі[1].

Любопытно содержание и сохранившихся в Национальном архиве Республики Беларусь протоколов заседаний сельскохозяйственной секции БНТ, относящихся к весне 1944 г.:

«ПРАТАКОЛ № 1

схода Сельска-Гаспадарчай сэкцыі Беларускага Навуковага Таварыства ад 23 сакавіка 1944 г.

Прысутнічала 22 асобы

П а в е с т к а д н я:

1. Агульныя заўвагі аб працы С.-гасп. сэкцыі, праф. Дарожкін.*

2. Аб напрамку працы С.-гасп. сэкцыі, праф. Дакукін.**

3. Выбары бюро сэкцыі.

4. Бягучыя справы.

С л у х а л і: 1. Інфармацыю праф. Дарожкіна аб адбыцьці арганізацыйнага схода Беларускага Навуковага Тава-

[1] НАРБ, ф. 386, оп. 1, д. 6, л. 2.

* Минский подпольщик, действовавший в рядах БНТ.

** Активный коллаборационист.

рыства 19 сакавіка, на якім быў разгледжаны праэкт Статута Беларускага Навуковага Таварыства.

Пасьля абгаварэньня праэкта, апошні быў перададзены Прэзыдэнту Беларускай Рады на зацьвярджэньне.

Агульнай задачай С.-г. сэкцыі зьяўляецца разьвіцьцё навуковай працы ва ўсіх галінах с/гаспадаркі Беларусі.

2. Прапанову праф. Дакукіна аб напрамку працы сельска-гаспадарчай сэкцыі:

Згодна меркаваньняў праф. Дакукіна тэматычны плян с.-г. сэкцыі павінен быць наступным:

Агульныя і ўводныя мяркаваньні:

Тэматычны плян сэкцыі павінен быць прыстасованы да ўмоў ваеннага часу і перажываемага палітычнага моманта Беларусіяй.

Спецыфічныя рысы, якія накладаюць на тэматычны плян асаблівасьцямі перажываемага часу, могуць быць сфармуліраваны наступным чынам:

1. Тэматыка павінна мець на ўвазе тыя вялікія разбурэньні і апусташэньні на беларускай вёсцы, якія былі выкліканы вайной, старацца па магчымасьці перашкаджаць далейшаму распаду сельскай гаспадаркі і садзейнічаць яе адбудоўлі.

2. Тэматыка павінна прыняць пад увагу цяжкое наследдзе пятнадцацігадовай калгасна-бальшавіцкай сыстэмы на беларускай вёсцы і імкнуцца да ізжыцця ў найхутчэйшы тэрмін гэтага наследдзя... Акрамя гэтага прыходзіцца лічыцца з крайняй абмяжованасьцю кадраў навуковых працаўнікоў у галіне сельскай гаспадаркі на Беларусі і астаўшыяся кадры скарыстаць па магчымасьці эканомна і эфэктыўна...

Улічваючы сказанае, мы мяркуем актуальным распрацоўку наступных пытаньняў:

1. Прымяненьне мясцовых угнаеньняў — торфа, вывіяніта, глаўканіта, вапняковых туфаў і г. д. ...*

Выказаліся:

Сп. Гарадзецкі: Бліжэйшай задачай трэба лічыць павышэньне ўраджайнасьці на Беларусі. Для гэтай мэты

* Перечислено всего 15 вопросов.

трэба па магчымасьці скарыстаць маючыяся працы і абагуліць іх. Калі трэба будзе ... паставіць дадатковыя досьледы, то магчыма скарыстаць тэрыторыю Батанічнага сада і Балотнай станцыі. Работа павінна ісьці ў напрамку вывучэньня эфэктыўнасьці ўгнаеньня і эфэктыўнасьці вапнаваньня. Таксама трэба мець на ўвазе пэрспэктыўныя культуры.

Сп. Яноўскі: Трэба адзначыць, што сярод адходаў мясцовых прамысловасьцяў прадуктаў багатых каліям няма. Пагэтаму нам трэба мець на ўвазе гэта і запраэктаваць атрыманьне калія.

Сп. Сюбараў: У бліжэйшы час усім навуковым працаўнікам розных спецыяльнасцей будуць дасланы фармуляры. Кожны працаўнік прадумае, якія навуковыя тэмы па яго думцы ў яго спецыяльнасьці неабходна правесьці і адзначыць гэта ў фармуляры.

Такім чынам, можна мець пэўны сьпіс першачарговых навуковых прац, якія пасьля адпаведнага абгаварэньня ўвойдуць у тэматычны плян сэкцыі...

Дарожкін: На агульным сходзе кожная тэма бедзе ўсебакова абгаворана.

С л у х а л і: праф. Дарожкіна. Аб выбары трох сябраў у бюро сэкцыі.

П а с т а н а в і л і: Выбраць у бюро с. г. сэкцыі сп. сп. Гарадзецкага, Мешачка і Гарковага.

Б я г у ч ы я с п р а в ы:

1. Слухалі інфармацыю праф. Дарожкіна аб тым, што ў бліжэйшы час будзе паслана ў Нямеччыну экскурсія ў складзе 6—7 асоб тэрмінам на 2 тыдні. Дзеля гэтага жадаючыя павінны найхутчэй падаць свае заявы.

2. Інфармацыю праф. Дарожкіна аб тым, што згодна заявы д-ра Рыхеля ў Нямеччыну па асабістаму жаданьню будуць пасылацца на сталую працу навуковыя працаўнікі. Асобы, якія згаджаюцца паехаць у Нямеччыну, павінны або падаць сваю заяву ў бюро С.-Г. сэкцыі, або асабіста дагаварыцца з д-рам Рыхелем...»[1*]

---

[1] НАРБ, ф. 386, оп. 1, д. 8, л. 15.

* Без указания срока в архивном деле, последний документ которого датирован 17 мая 1944 г., значится: «Гаркавы, Дакукін, Мешачок, Дарашэвіч выехалі ў Нямеччыну» (НАРБ, ф. 386, оп. 2, д. 3, л. 4).

Представлены в НАРБ и другие протоколы заседаний сельскохозяйственной секции БНТ. В определенной степени они информативны, показывают, как прикрываясь политически нейтральными, избранными на бумаге темами «исследований», люди, задействованные в БНТ, маневрировали перед лицом надвигавшейся для оккупационного режима в Беларуси катастрофы.

Протоколов общих заседаний БНТ после 19 марта 1944 г. авторами не обнаружено. В архивных фондах найдены только 3 извещения о проведении таких заседаний (что совсем не говорит о том, что они состоялись). Вот выдержки из этих документов.

В извещении, адресованном в «Беларускую газэту», сообщалось, что 19 апреля 1944 г. «а гадзіне 13.30 хвілін у памяшканьні Беларускай Цэнтральнай Рады, у малой залі адбудзецца пасяджэньне Беларускага Навуковага Таварыства, на якім будуць зроблены даклады:

1. Дацэнтам Кудзіным К. «Аб праблеме азотабактэрыну»

2. Дацэнтам Трызна «Вынікі палявых досьледаў з азотабактэрынам пад сельска-гаспадарчыя культуры»[1].

В еще одном извещении говорилось о том, что там же 26 апреля 1944 г. «на паседжаньні Беларускага Навуковага Таварыства будзе зроблены даклад на тэму «Праблема беларускіх падзолаў» (дакладчык д-р Нічш)»*.

А вот документ целиком:

«У Рэдакцыю «Беларускай газэты»

АБВЕСТКА

30.5.1944 г. у аўторак а 14 гадз. у памяшканьні Беларускай Цэнтральнай Рады адбудзецца паседжаньне Беларускага Навуковага Таварыства, на якім будзе зроблены дацэнтам К. Кудзіным даклад на тэму:

«Ацыдофільная палачка, яе прырода і тэрапэўтычнае значэньне яе культуры».

Уваход вольны.

---

[1] НАРБ, ф. 386, оп. 1, д. 6, л. 13.

* Видимо, это уже упоминавшийся нами в начале главы немец фон Нитш.

Прызыдыум Беларускага Навуковага Таварыства»[1].

Ярая критика большевизма и прекраснодушные мечтания, «планов громадье» присутствовали в среде лиц, входивших в верхушку белорусской коллаборации, и касательно сферы образования. Известно, что лидеры белорусского коллаборационизма пытались добиться у оккупантов открытия нескольких вузов (ведь собирались отстраивать свое государство в составе «новай Эўропы»),* в том числе университета[2]. В частности, вопрос об университете перед оккупационной властью ставили некоторые члены «Белорусской Рады Доверия» во второй половине августа 1943 г. на заседании Генерального Комиссариата Беларуси[3]. О том, что этот замысел будировался, прорабатывался в образованных коллаборационистских кругах, свидетельствуют даже следующие отрывочные документы:

«Таварыства Зямельных Дзелянак у Менску

(Grunstьch G-ft m. B. H. Minsk)

Для патрэб Унівэрсытэту нагледжаны кварталы па Савецкай вуліцы направа і лева між Чырвонасьцяжнай, Безбожным завулкам і Даўгабродзкай вуліцай (на пляніку зачыркнуты чырвоным).

Дайце, калі ласка, даведку, ці гэтыя два кварталы вольныя, а калі вольныя, то затрымайце іх пару тыдняў, пакуль у Г. К.* не зробяцца належныя загады.

Старшыня Беларускага Навуковага Таварыства

В. Іваноўскі
25 жніўня 1943 г.»

---

[1] НАРБ, ф. 386, оп. 1, д. 6, л. 9.

* Напомним, что в этом вопросе белорусская коллаборация в обращениях к немецкой стороне часто ссылалась на пример Прибалтики, где в порядке заигрывания с местными националистами гитлеровцами было разрешено функционирование нескольких вузов.

[2] Калубовіч А. Крокі гісторыі. Беласток; Вільня; Менск, 1993. С. 151, 152.

[3] Тама же.

* Имеется ввиду Генеральный комиссариат Беларуси.

И второй документ. Адресат тот же, дата та же:

«Дзеля сталоўкі Унівэрсытэту (пад пасеў жыта, бульбы і гародніны) патрэбен вучастак зямлі ад 5—10 га. Будзьце ласкавы паказаць належны вучастак, каб яго можна было аформіць.

Старшыня Беларускага Навуковага Таварыства

В. Іваноўскі»[1].

Такие прожекты строились в то время, когда Красная Армия после победы под Курском и Орлом стремительно приближалась к границам Беларуси.

Стабилизация линии фронта в восточной Беларуси, создание Белорусской Центральной Рады и дальнейшее усиление и развитие игры оккупантов с коллаборацией привели к тому, что осенью 1943 г., в 1944 г. открытие факультетов университета гитлеровцы уже обещали, как и открытие других вузов[2].

Даже в тыловой зоне немецкой группы армий «Центр» (восточная Беларусь) военная администрация во второй половине 1943 г. уже обрисовывала для местного населения в образовательной сфере притягательные перспективы. В выявленном нами в архиве немецком документе под названием «Постановление о временном регулировании школьного дела» подчеркивается следующее:

«§ 13. Для получения образования на высшую служебную квалификацию предполагается открытие институтов разных факультетов, а именно: а). институты с основными факультетами (медицинский, ветеринарный, педагогический и т. д.); б). технические институты; в). сельскохозяйственные институты...§ 15. а). в институт принимаются слушатели не моложе 19 лет; б). время между посещением отдельных школ и институтом заполняется практической деятельностью... Подготовка учителей происходит в учительских семинариях, в специальных учи-

[1] НАРБ, ф. 386, оп. 1, д. 1, л. 41, 42.

[2] Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. С. 180; Жылінскі М.Г. Адукацыя на акупіраванай тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны (чэрвень 1941 — ліпень 1944 гг.). Мінск, 2006.

лищах, на особых курсах и в педагогических институтах...»[1*]

Об этом же, основываясь на доступных ему архивах, пишет современный немецкий исследователь Б. Кьяри: «Осенью 1943 г. начали разрабатываться планы создания военно-санитарных, юридических, административно-технических и технических институтов, для которых было создано 4 заявочных бюро. В качестве преподавателей для юридического института предусматривалось пригласить 11 местных специалистов, в том числе ... адвоката, двоих судей из Минска...»[2]

Как подчеркивает Ю. Туронок, теперь немцы уже стремились создать видимость организуемого государства белорусов со своим правительством, миражную картину расцвета белорусской культуры. Как будто бы не существовало Красной Армии и «оккупация должна была продолжаться вечно»[3].

В НАРБ сохранились протоколы заседаний президиума БНТ датированные 19 марта, 21 апреля и 3 июня 1944 г. В последнем из них рассмотрен и вопрос университета:

«3. С л у х а л і: Аб адчыненьні Беларускага Дзяржаўнага Універсітэту (дакл. сп. Жарскі і Кіпель)

В ы к а з а л і с я: сп. сп. Жарскі, Кіпель, Галяк, Скурат.

П а с т а н а в і л і: Лічыць мэтазгодным адчыніць перш-наперш 2 факультэты Беларускага Дзяржаўнага Універ-сітэту — факультэт юрыдычных і гуманістычных навук. Прасіць Прэзыдэнта Беларускай Цэнтральнай Рады даць паўнамоцтвы сп. Жарскаму* на арганізацыю ў сталічным гор. Менску Універсітэту у складзе вышэйпамянёных факультэтаў»[4].

---

[1] ГА Могилевской области, ф. 263, оп. 1, д. 107, л. 3.

* О языке обучения в немецкой тыловой армейской зоне в указанных документах, касающихся данной территории, не говорится ни слова, хотя на запад от нее коллаборация активно отстаивала белорусизацию предполагаемой высшей школы.

[2] К'яры Б. Штодзеннасць за лініяй фронту: акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941—1944 гг.). С. 223.

[3] Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. С. 180.

* На начало июня 1944 г. БНТ возглавлял уже П. Жарский.

[4] НАРБ, ф. 386, оп. 1, д. 7, л. 2.

На этом же заседании президиума БНТ были приняты к сведению «вынікі абсьледваньня Мэдычнага Інстытуту» (докладывал Е. Киппель), а также «надалі годнасць» профессора мединститута 6 его сотрудникам и 3 — доцента. Такое свое решение президиум просил утвердить главу БЦР Р. Островского.

Надо отметить, что определенные структуры Белорусского медицинского института уже в 1943 г. с разрешения оккупационных властей начали создаваться. После долгих согласований с В. Кубе в первую очередь в пропагандистско-тактических целях в марте 1943 г. Розенберг дал согласие на его открытие[1]. К этому подвигала и острая нехватка врачебных специалистов на оккупированной территории, усилившаяся с заключением в гетто и последующим уничтожением врачей-евреев. С другой стороны, в оккупированной Беларуси имелось достаточное количество студентов медицинских вузов, окончивших к началу войны 3—5 курсов. На их использовании при ускоренной подготовке, завершающем обучении и базировался замысел. Мединститут было решено открыть в Могилеве, так как в Минске была острая нехватка приспособленных помещений, в Могилеве же имелись клиники и помещения для занятий[2].

В апреле 1943 г. на основании приказа Могилевской фельдкомендатуры начали конкретно создаваться структуры мединститута. Его директором был назначен Н. Л. Степанов (в 1936 г. репрессирован советскими органами; отбыв срок, работал в Могилеве, в период оккупации являлся заведующим отдела здравоохранения в городской управе, обратил внимание на себя оккупационных властей как организатор противоэпидемических мероприятий, создатель микробиологической лаборатории)[3]. В организуемом институте планировалось использовать преподавателей из других городов, в частности, из Минска и Баранович, 8 из 14 намеченных к открытию кафедр пред-

[1] Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. С. 134.

[2] Седьмая научная конференция по истории медицины Беларуси, посвященная 50-летию окончания Второй мировой войны: Сб. материалов. Минск, 1995. С. 25.

[3] Там же. С. 28; НАРБ, ф. 381, оп. 1, д. 37.

полагалось отдать под руководство сотрудников бывшего Минского мединститута.

Как отмечают историки И. Шлоотц и Е. Мойсеенок, многие организационные аспекты начинаемой акции были согласованы на совещании 27 мая 1943 г. в Генеральном комиссариате Беларуси (ГКБ) в Минске. В нем приняли участие руководитель одного из отделов ГКБ доктор Кайзер, бывший декан университетского медфакультета в Фрайбурге профессор Е. Навк, представитель СС доктор Шпрехт, различные руководящие деятели гражданской оккупационной администрации. Развивая пропагандистскую сторону мероприятия, все немецко- и белорусскоязычные газеты, выходившие на оккупированной территории, опубликовали объявления об открытии Могилевского научно-медицинского института.

В начале июня 1943 г. представитель немецкой стороны доктор Вебер подготовил список профессоров и доцентов бывшего Минского мединститута, которых намечалось направить в Могилев: «профессор-фармаколог Анищенко, доцент-терапевт Владысик, профессор-гинеколог Клумов, доцент-окулист Лосев, профессор-невролог Марков, профессор-гигиенист Лыновский». «Планировалось командировать и некоторых других специалистов: хирурга Демичека из Минской области, доцента хирургии Бирилло из Лиды, доцента судебной экспертизы Замборского из Баранович»[1]. Все перечисленные в середине июня 1943 г. по распоряжению Генерального комиссариата были намечены к переброске в Могилев.

Однако определенные круги в верхушке белорусской коллаборации и сами специалисты-медики (не желавшие перебираться в Могилев) высказались за Минск, как место базирования намеченного к открытию медучреждения. Одним из доводов последних было высказанное опасение того, что в случае их отъезда «клинические больницы в Минске рискуют деградировать до уровня деревенских больниц».

---

[1] Седьмая научная конференция по истории медицины Беларуси... С. 27.

Такая позиция ряда минских преподавателей впоследствии трагически сказалась на их судьбе (об этом уже сказано выше), часть из них все же была направлена в Могилев, при этом поиск преподавательских кадров был развернут даже за пределами Беларуси. 13 августа 1943 г. «Минская газета» опубликовала извещение «об отправке в Могилев под патронатом гауляйтера Кубе профессоров и студентов* медицины, которые там под руководством «известного немецкого медика, профессора Фрайбургского университета Е. Навка должны возобновить прерванную войной учебу». По сообщению газеты В. Кубе тогда же заявил, что в открывающемся институте «по возможности должны преподаваться все медицинские дисциплины»[1].

Занятия в Могилеве предположительно начались во второй половине августа 1943 г. Однако наступление Красной Армии, приближение линии фронта вынудило немецкие оккупационные власти начать перебазирование института на запад, в Новую Вилейку. Здесь под свое крыло его попыталось взять руководство Белорусской Центральной Рады с нацеленностью на белорусизацию учебного процесса. В определенной мере этому содействовало вхождение в число преподавателей деятелей из Белорусского национального комитета в Вильно доктора медицины С. Гринкевича и исследователя, публициста М. Петюкевича.

Институт финансировался немецкими властями, определенная помощь оказывалась и коллаборационистскими органами (БЦР, БНС). В штатном расписании административно-педагогической части института зарегистрировано 17 должностей (7 человек занимались преподавательской работой). Некоторые преподаватели работали вне штата, как прикомандированные. В середине мая 1944 г. был организован «сенат института», присвоивший звание профессора и доцента 10 своим преподавателям. Белорус-

---

* 12 августа 1943 г. была отправлена первая партия студентов в количестве 30 человек, всего же в июле 1943 г. в ГКБ были собраны сведения о 340 лицах, являвшихся на начало войны студентами-медиками.

[1] Седьмая научная конференция по истории медицины Беларуси... С. 28.

ская Центральная Рада 20 мая 1944 г. это решение утвердила.

В Ново-Вилейке 10 июня 1944 г. произошел первый выпуск подготовленных врачей. Предусмотренное к выдаче закончившим курс обучения свидетельство в последующем собирались дополнить специальным дипломом Министерства внутренних дел Германии на белорусском и немецком языках.

Как уже показано нами ранее, открытие и деятельность мединститута рассматривались в руководстве БНТ, один из функционеров БНТ О. Лыновский входил в состав «сената» института[1].

Как видим, в активной коллаборации были задействованы некоторые люди из среды научной интеллигенции. Необходимо подчеркнуть, что «первую скрипку» при этом играла немногочисленная группа лиц, вернувшихся из эмиграции. Конкретную работу по заданиям оккупационных властей проводили немногочисленные белорусские советские научные работники (в основном те, кто претерпел репрессивные преследования в предвоенные годы).

Однако военная реальность 1944 г. ученым-коллаборационистам сулила мало хорошего. Публикации в немецких научных журналах и научные стажировки в Германии представляли из себя пропагандистский мираж. Действительность была более суровой. Одним из ее отражений являлись, в частности, «окопные работы», на которые вместе с другими весной и летом 1944 г. по выработанному графику бросался тот же кадровый состав «научного отдела» Белорусской Центральной Рады. Вот один из документов, свидетельствующих об этом:

«Беларуская Цэнтральная Рада

№ 656 г. Менск.

Усім аддзелам БЦР

Аддзелу навукі

Паведамляем, што з 27. V.1944 г. усе вызначаныя на акопныя работы працаўнікі Вашага аддзелу павінны роў-

[1] Седьмая научная конференция по истории медицины Беларуси... С. 29; НАРБ, ф. 381, оп. 1, д. 37.

на ў 5 г. 15 хв. зьяўляцца ў будынак БЦР, адкуль нашым праваднікам сп. Ясінскім усе зьявіўшыяся пасьля рэгістрацыі будуць адведзены на месца і здадзены вайсковаму прадстаўніку.

Просім давесьці да ведама аб гэтым усіх Вашых працаўнікоў і папярэдзіць іх, што спазьненьне, а таксама ухіленьне ад рэгістрацыі будзе лічыцца як прагул з выцякаючымі адгэтуль вынікамі...

Напамінаем, што ніхто ад акопных прац не вызваляецца, за выключэннем хворых, якія павінны мець на руках аслабаненьне ад акопных работ, выдадзенае Медычнай камісіяй.

26.5.1944 г. *Загадчык агульнага аддзела»*[1].

Как и многие на той войне, верхний эшелон научной коллаборации вел борьбу за выживание, существование, приспособление к жестоким условиям военной реальности. Для него, в частности, одной из главных задач (как это видно по архивным сведениям) были попытки заполучения продовольственных карточек немецкого образца. Вот иллюстрация этого, соответствующий архивный документ в переводе на русский язык:

«Господину Президенту Белорусской Центральной Рады
от научного отдела БЦР
8 марта 1944 г.

Научный отдел обращается к Вам с просьбой о Вашем содействии в деле получения нашими учеными немецких продовольственных карточек для 19 лиц:

1. Е. Киппель — руководитель научного отдела
2. Проф. Шиперко — зам. руководителя научного отдела
3. Доктор Станкевич — зав. гуманитарного отдела
4. Проф. Сирочинский — зав. математико-технической секции
5. Проф. Дорожкин — зав. отдела природы
6. Доктор Владысик — зав. медицинской секцией
7. Доцент Жарский — зав. терминологической секции

[1] НАРБ, ф. 381, оп. 1, д. 33, л. 11.

8. Доцент Морковка — зав. лабораторией
9. Доцент Бухвалов — ученый секретарь

Работают в Научном Товариществе

1. Профессор Докукин
2. Профессор Городецкий
3. Профессор Зубкович
4. Профессор Томин
5. Географ Яскевич
6. Гидротехник Михайлов
7. Геолог Зубрицкий
8. Агроном Ванкевич
9. Почвовед Пилько
10. Агрохимик Якушевич

Руководитель научного отдела *Киппель»*[1].

С другой стороны, выявленные архивные материалы показывают, что большинство научных работников, которых пытались использовать фашисты и верхушка коллаборации, были очень далеки от того, чтобы действительно работать на провозглашенные цели. В свою очередь, попав в обстоятельства жестокого режима, установленного завоевателями, обремененные семьями и невозможностью вырваться из-под контроля нацистов, они также вели игру, маневрировали с целью выживания. Документы свидетельствуют, что на бумаге кое-кто и избрал политически нейтральные темы для «исследований», возможно, узким кругом лиц что-то и использовалось из финансовых средств, выделенных властями (прежде всего верхушкой БНТ, преподавательским составом мединститута). При этом отметим, что в БНТ из ученых практически никто не работал постоянно, трудоустраивались, как уже отмечалось выше, в самых различных местах. И для всех материально-бытовое обеспечение в период оккупации было острейшей проблемой. Так, например, весьма впечатляет имеющаяся в НАРБ заявка-список работников Минского ботанического сада («научный персонал — 8 человек, на-

[1] НАРБ, ф. 381, оп. 1, д. 33, л. 5.

учно-технический персонал — 11 человек»[1]) с просьбой к властям о выделении хоть какой-то обуви на февраль 1943 г.

Реакция почти всей научной интеллигенции Беларуси на захват территории республики фашистскими войсками была патриотической. Анналы истории этого времени сохранили факты активного участия ее представителей в партизанской и подпольной борьбе с нацистами и их пособниками, в актах саботажа проводимых мероприятий оккупационных властей. Один из научных работников в своих уже послевоенных воспоминаниях свидетельствовал: «О позиции, занятой подлинными учеными в отношении оккупантов, не может быть двух мнений... Оккупанты и их коллеги — белорусские националисты, повели в отношении ученых иезуитскую политику, но натолкнулись, как и следовало ожидать, на упорное и последовательное сопротивление»[2].

В рамках событий, связанных с «Белорусским научным товариществом», у нас есть возможность проиллюстрировать сказанное ярким примером.

Помимо имитации «исследований» и спорадического участия в редких заседаниях в структурах БНТ от некоторых научных работников Минска оккупационным властям удалось добиться первичных шагов по подготовке сборника статей. Профессор Н. А. Дорожкин, проводивший в БНТ подпольную антифашистскую работу и имевший связь с советскими партизанами, о случившемся свидетельствовал так: «Гитлер создал <...> специальное министерство по делам оккупированных восточных областей во главе с А. Розенбергом. Штаб Розенберга находился и в Минске <...> Один из представителей этого штаба — доктор Рихтер, так ничего больше и не смог сделать в Минске, как организовать вывозку культурных ценностей белорусского народа — картин, книг и т. д. <...> Он решил хотя бы подготовить и издать сборник научных работ. В них должны были быть изложены достижения нашей науки с тем, чтобы эти достижения использовать для гитлеровской Германии. И в этом направлении он развил активную деятель-

[1] НАРБ, ф. 370, оп. 1, д. 878, л. 71.
[2] Сквозь огонь и смерть. С. 234.

ность. Рихтер вызывал научных работников, ходил к ним, настойчиво упрашивал, но, по существу, приказывал. О готовящемся сборнике я с возмущением доложил командиру спецотряда «Мстители». Тот дал распоряжение «помешать выпуску». Теперь каждый раз, как только приходила связная, мне задавали один и тот же вопрос — как сборник? Я подробно информировал о состоянии дел. Но большего ничего сделать не мог — работы писались, и наконец рукопись сборника появилась на столе в квартире профессора Ануфриева для редактирования. Ануфриев показал ее мне. Я бегло познакомился с этим «трудом». Все статьи были написаны от руки, в одном экземпляре каждая. Строго говоря, в статьях особо ценного не содержалось. Во многих случаях написано было то, что было уже опубликовано. Но издание такого сборника научных работ, кроме всего, вызвало бы сенсацию. Вот, мол, как у нас ценят белорусских ученых — даже в военное время издают их труды и создают им условия для научной работы. А сами ученые? Они, мол, охотно сотрудничают с нами и готовы служить всем, чем могут, великому фюреру. Рихтер это великолепно понимал и даже надеялся получить за подобную затею повышение и награду»[1]. Улучив удобный момент, Н. А. Дорожкин похитил из кабинета Рихтера папку с рукописями статей и затея со сборником провалилась.

Актами сопротивления явились и уходы ряда видных ученых из Минска в партизанские зоны, организованные подпольщиками после тщательной подготовки. Случай академика Н. М. Никольского нами уже подробно изложен ранее. Отметим, однако, что данное поведение и позиция не были явлением единичным. Такому примеру последовали и другие. Минским подпольем были вывезены в зону действия партизанских бригад академик АН БССР Н. А. Прилежаев, член-корреспондент И. А. Ветохин, профессор А. А. Кравцов. Самолетом они также были переправлены в советский тыл.

Профессор Белорусского политехнического института А. А. Кравцов, который вместе с Н. М. Никольским был

[1] Сквозь огонь и смерть. С. 237, 238.

Профессор И. А. Ветохин

вывезен в партизанскую зону, так описывал в своей автобиографии события тех дней: «1 августа 1943 г. мне удалось вместе с академиком Никольским, после связи с партизанами и длительной подготовки, бежать из Минска к партизанам, у которых нам пришлось пробыть 7 месяцев. Помогая партизанам в их работе, я в свободное время продолжал восстанавливать мою сгоревшую научно-исследовательскую работу <...> 8 марта 1944 г., по распоряжению П. К. Пономоренко, я вместе с академиком Никольским был вывезен на самолете из тыла врага в Гомель и 1 апреля 1944 г. мы были в Москве»[1].

2 года прожили под фашистским игом и были свидетелями тех ужасов, издевательств и разрушений, которые принесли на белорусскую землю фашистские захватчики, крупные ученые республики Н. А. Прилежаев* и И. А. Ветохин**. Их рассказ о пережитом, опубликован-

[1] ЦНА НАНБ, ф. 2, оп. 1, д. 2179, л. 4, 5.

* Дочь Н. А Прилежаева Ирина работала переводчицей в канцелярии гауляйтера Беларуси Кубе. Она выполняла задания партизан, добывала важные сведения о противнике, снабжала их чистыми бланками аусвайсов и паспортов.

** Сын И. А. Ветохина, офицер Красной Армии, погиб в Минске в плену.

Штаб партизанского отряда
им.Суворова,бригады Народных
Мстителей им.Воронянского
Василия

"15." Февраля 1944 г.

СПРАВКА

Дана тов.ВЕТОХИНУ Ивану Андреевичу в том,что он действительно работал связным с февраля 1941 года по 1943 г.от парт.бригады "Н.Мстители".

Работая врачом-профессором в I-м большие почти больных сыпным,нарывами,выдавал справки о болезни,также амбулаторно лечил в прочитанном,оказывал политмассовой работой среди населения г.Минска.

Командир
Парт.отряда им.Суворова
Бригады"Н.Мстители"
им.Воронянского Василия
Ст.лейтенант /Парин/

Комиссар
Парт.отряда им.Суворова
Бриг."Н.Мстители"
им.Воронянского Василия
Политрук /Сунцов/

Справка, данная И.А.Ветохину в том, что он являлся связным партизанской бригады «Народные мстители»

ный в журнале «Славяне» в 1943 г., дает правдивую картину кровавого террора, цинично именуемого гитлеровцами «новым порядком».

«...В таких условиях, — писал Н. А. Прилежаев, — нам пришлось провести два года. Неудивительно, что в последнее время мы уже стали привыкать к диким фашистским эксцессам, но примириться с ними мы, конечно, не могли. И все настойчивее думали, что так жить дальше нельзя, что лучше погибнуть, чем влачить это унизительное существование. С каждым днем все больше и больше белорусов уходило или стремилось уйти к партизанам»[1].

Старался уйти к партизанам и академик АН БССР Д. А. Марков. В августе 1943 г. с помощью связных партизанской бригады «Беларусь» он попытался бежать из оккупированного Минска, однако был схвачен фашистами и брошен в Минскую тюрьму. После издевательств и избиений академик был насильственно вывезен в Германию. Там некоторое время находился в концентрационном лагере, а затем его перевели на работу в клинику для

[1] Славяне. 1943. № 9. С. 23.

Академик Н. А. Прилежаев

хроников-энцаральтиков, где он и пробыл до освобождения войсками союзников. После войны вернулся на работу в Академию наук БССР[1].

Многие более молодые научные работники активно участвовали в боевой и агитационно-массовой работе республиканского антифашистского подполья и партизанского движения. Конкретно об этом пойдет разговор в следующей главе.

Ради исторической истины необходимо отметить и ряд случаев активного участия отдельных представителей научной интеллигенции в коллаборации. Как уже отмечалось нами ранее, это вызывалось различными причинами[2]. Активное сотрудничество с фашистами советской стороной соответственно квалифицировалось и виновные получали заслуженные наказания в случае их выявления после изгнания гитлеровцев за пределы БССР.

Так, по данным Центрального архива КГБ Республики Беларусь, М. В. Докукин (до войны заведующий кафедрой мелиорации Горецкой сельскохозяйственной академии, доктор наук, профессор, член-корреспондент АН БССР) в 1941 г. добровольно поступил на службу к немецким оккупантам на должность бургомистра Горецкого района и работал в этой должности с августа 1941 г. до марта 1942 г. За этот период он создал отделы районного

[1] ЦНА НАНБ, ф. 2, оп. 1, д. 3501, л. 7, 7 об.

[2] Интеллигенция в коллаборационистской среде // В.И. Кузьменко Интеллигенция Беларуси в период немецко-фашистской оккупации (1941—1944 гг.). Минск, 2001.

управления, волостные управления, полицию. Подобрал и укомплектовал отделы руководящими и техническими работниками, осуществлял руководство их деятельностью по выполнению требований оккупационных властей. В сентябре 1941 г. М. В. Докукин организовал учет еврейского населения в Горецком районе. Составленные списки передал немецкому коменданту. На основании их карателями было собрано и расстреляно около 2 тыс. евреев, а их имущество разграблено. В 1942 г. при содействии М. В. Докукина было угнано в Германию на принудительные работы около тысячи местных жителей. За активную деятельность в пользу оккупантов Докукин в 1942 г. был награжден немецкими властями бронзовой медалью 2-й степени.

С марта 1942 по сентябрь 1943 г. он работал научным сотрудником Горецкой опытной станции. В этот период М. В. Докукин поместил в оккупационной газете «Колокол» статью антисоветского содержания. В мае 1943 г. он побывал на экскурсии в Германии, по возвращении из которой выступал с докладами среди населения и научных работников, восхваляя фашистскую Германию. В сентябре 1943 г. Докукин вместе с отступающими немецкими войсками эвакуировался в Минск, где работал научным сотрудником опытной Болотной станции, состоял членом «Белорусского научного товарищества», избирался заместителем председателя этой организации. В мае 1944 г. бежал в Германию, откуда в сентябре 1945 г. по репатриации возвратился в СССР. 26 июля 1946 г. Военным трибуналом войск МВД Могилевской области М. В. Докукин был осужден к 15 годам лишения свободы. Находясь в местах заключения 30 августа 1953 г. умер. По указанному уголовному делу М. В. Докукин не реабилитирован.

Сильно скомпрометированным оказался по сведениям КГБ Республики Беларусь и довоенный директор Института торфа АН БССР, академик Г. И. Ануфриев. Оставшись проживать в оккупированном Минске, Ануфриев работал директором Ботанического сада, передал немецким властям секретную карту с обозначенными на ней

местами торфяных залежей на территории БССР. В 1943 г. Г. И. Ануфриев выехал в Германию, где работал в одном из научно-исследовательских институтов и поддерживал связь с коллаборационистскими белорусскими национальными организациями*.

Таким образом, нацистская оккупационная политика в отношении научной интеллигенции Беларуси выстраивалась в русле общегерманского колонизационного замысла на захваченных просторах СССР. Оккупантами было сделано много по искоренению чуждой для них местной культурной среды. Культурные памятники и ценности белорусского народа были уничтожены гитлеровцами в огромном количестве. Помещения научных учреждений, белорусских вузов нередко превращались ими в тюремные и камеры пыток. Осуществляя геноцид на белорусской земле, захватчики целенаправленно уничтожали и интеллектуалов, имевших отношение к установлению и функционированию советского строя, так называемую «коммунистическую интеллигенцию». В ходе реализации такой политики погибли многие из числа научных работников и преподавателей.

Оставленных в живых оккупанты всяческими средствами пытались использовать себе на пользу. Существование видимости хоть какой-то «научной среды» в оккупированной Беларуси по пропагандистской задумке должно было придать определенную презентабельность пришедшей сюда германской власти и коллаборационистам. «Научно-просветительскую» деятельность, попытки создания того же БНТ оккупационная власть стремилась вмон-

* В ноябре 1947 г. решением сессии Общего собрания АН БССР академик Г. И. Ануфриев и член-корреспондент М. В. Докукин были лишены своих званий по причине того, что, как указывалось в постановлении, «перешли на службу к врагу и тем самым тяжело опорочили высокое звание советского гражданина и, следовательно, высокое звание нашей Академии». На этом же собрании звания академика с такой же формулировкой был лишен и ученый-медик Ф. О. Гаусман (номинант на Нобелевскую премию 1934 г.), хотя при решении вопроса конкретных фактов его сотрудничества с оккупантами не было приведено. В период оккупации он занимался в Минске лечебной деятельностью, в 1942 г. был привлечен в БНТ. В 1943 г. выехал в «рейх». В 1944 г. в Инсбруке (Австрия) умер.

тировать в белорусское антисоветское движение, в структуру вспомогательных органов управления захваченными регионами.

Немецкие властные структуры и спецслужбы вели целенаправленную работу с научной интеллигенцией, которую стремились использовать, притянуть к сотрудничеству. В помощь обычным функционерам из немецкого Генерального комиссариата в Минске, других органов оккупационной администрации привлекались гитлеровцы с необходимым уровнем подготовки, образованием, германскими учеными степенями и званиями. Они занимались определенными организационными мероприятиями по созданию той же БНТ, подразделений мединститута, лекционно-пропагандистской деятельностью в немногочисленной коллаборационистской научной среде, постановкой задач, «научными контактами» и т. д. Напомним о попытках организации немецкой стороной в 1942 г. под Минском даже археологических раскопок древних могильников для обоснования выдвигаемых «нордических теорий» (добытые материалы частично были помещены в содержавшийся коллаборационистами в Минске исторический музей, частично были вывезены в Германию).

Научную коллаборацию стремились приспособить к общим пропагандистским целям захватчиков. В ходе затеянной игры на заключительных этапах войны активистам из среды коллаборационистов обещали успешную научную карьеру, публикации, командировки в Германию, и даже постоянную работу в рейхе. Надо отметить, что в научной среде нашлись в совсем небольшом количестве «белорусские квислинги» (это отражено в тексте главы). Однако подавляющее большинство научных работников заняло совсем иную позицию, что проиллюстрировано нами впечатляющими примерами.

Отмечена и политико-пропагандистская возня немецкой администрации и коллаборационистов вокруг проблемы открытия на оккупированной территории белорусских вузов. Обещания в этом вопросе белорусской коллаборации немецкой стороной давались, сторонников, проигрывая войну, гитлеровцы пытались вербовать любой

ценой. Однако практические первичные шаги были предприняты только по доучиванию небольшой группы студентов-медиков, получавших до войны образование в условиях БССР. При этом коллаборационистские органы постарались напыщенно приподнять статус своих «научных деятелей», присваивая некоторым звания «профессоров» и «доцентов».

Однако белорусское студенчество в своем подавляющем большинстве, как и множество подлинных патриотов из среды ученых, преподавателей, избрали совсем иной путь. Предпочтение было отдано не немецким подачкам профашистскому «обучению» и бутафорским степеням и званиям, а борьбе за свободу для родной земли, за счастье своего народа. Однозначный выбор был сделан в пользу антифашистской борьбы, о чем подробно и будет сказано в следующей главе работы.

Глава III

УЧАСТИЕ БЕЛОРУССКИХ УЧЕНЫХ В ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ И ПОДПОЛЬНОЙ БОРЬБЕ

В годы Великой Отечественной войны на захваченной немецко-фашистскими войсками белорусской земле развернулась активная антифашистская борьба. Жители Беларуси вместе с представителями других народов СССР, оказавшимися в силу различных обстоятельств во вражеском тылу, вступили в схватку с оккупантами, поднялись на защиту свободы и независимости Отчизны.

Центральные и местные государственно-партийные органы БССР уже в первые месяцы войны принимали меры к тому, чтобы придать патриотической борьбе во вражеском тылу большой размах, вовлечь в партизанское движение все слои населения Беларуси, в том числе и интеллигенцию.

Партизанское движение в Беларуси, как и в других оккупированных врагом районах СССР, с момента своего зарождения являлось подлинно народным. Подчеркивая это, первый секретарь ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко в статье, опубликованной в газете «Правда» (1941 г., 22 июля) писал: «Все шире и шире разрастается партизанская война в Белоруссии. Рабочие, колхозники и интеллигенты, беспартийные, коммунисты и комсомольцы — все способные носить оружие... выступают на великий фронт священной Отечественной войны».

Мощный подъем получила партизанская борьба в Беларуси под влиянием решающих побед Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны, а также широкой организаторской и массово-политической работы подпольных антифашистских центров. В ряды партизан вливалось городское и сельское население республики, военнослужащие, оказавшиеся на оккупированной территории,

посланцы из советского тыла. К ноябрю 1942 г. численность партизан республики достигла 50 тыс. человек. За 1943 г. партизанская армия выросла с 56,7 тыс. до 153,7 тыс. бойцов (в 2,7 раза). В резерве к концу года находилось более 105 тыс. человек. Всего же в период фашистской оккупации в Беларуси в составе 213 партизанских бригад и 258 отдельно действующих отрядов сражалось с захватчиками около 374 тыс. патриотов.

Как показывает анализ источников, основной силой партизанского движения являлось коренное население республики, люди, жившие и работавшие здесь до начала Великой Отечественной войны. Значительную прослойку в партизанских отрядах и бригадах составляли лица из других республик Советского Союза, представители многих народов СССР, оказавшиеся в силу разных причин в тылу врага.

Личный состав партизанских формирований Беларуси не был однородным и в социальном отношении. Около 17% от общего числа партизан составляли рабочие, 39% — крестьяне, свыше 20% — интеллигенция и служащие, более 12% — учащиеся, свыше 11% — военнослужащие[1*].

Несмотря на фашистский террор, в населенных пунктах, контролировавшихся захватчиками, с самого начала оккупации росло и ширилось антифашистское подполье. По неполным данным, уже в 1941 г. только в Минске и его окрестностях действовало более 50 подпольных групп, а в 1942 г. в столице Беларуси вели борьбу с оккупантами более 100 подпольных групп и организаций, насчитывающие свыше 3200 человек. Совершенствуя методы конспирации, преодолевая огромные трудности работы в условиях постоянной угрозы разоблачения, жесточайшего оккупационного режима, подпольщики устанавливали между собой контакты, вырабатывали структуру организаций, создавали руководящие центры, налаживали связи с партизанскими отрядами.

---

[1] НАРБ, ф. 4, оп. 33а, д. 218, л. 42; ф. 3500, оп. 2, д. 1049, л. 52, оп. 12, д.10, л. 8.

* Указанная градация проведена в статистических разработках Белорусского штаба партизанского движения с учетом профессиональной занятости конкретных лиц на начало войны.

Как свидетельствуют подсчеты исследователей, нелегальные патриотические комитеты и организации пополняли представители самых различных слоев народа. Так, среди подпольщиков Минска, Витебска, Могилева, Гомеля, Орши и прилегающего к ней района, Узденского, известных историкам по довоенной профессии, занятости (такие сведения есть на ограниченный круг людей), свыше 460 человек были рабочими, 120 — крестьянами, более 580 — служащими, 180 — бывшими бойцами и командирами Красной Армии. Многочисленную группу в подполье названных городов и местностей составляли учащаяся молодежь, домашние хозяйки и другие, не имевшие на начало войны постоянной профессиональной занятости[1].

О том, что с оккупантами активно, самоотверженно боролись выходцы из самых разных социальных слоев населения, свидетельствует и анализ состава партизан и подпольщиков Беларуси, которым было присвоено почетное звание Героя Советского Союза. Среди них крестьяне А. С. Азончик, Ф. И. Ковалев, Э. В. Лавринович, М. Ф. Сильницкий, рабочие Е. С. Зенькова, Ф. П. Котченко, Ф. Я. Кухарев, П. Г. Лопатин, учащиеся М. И. Казей, Л. Д. Лорченко, А. С. Лукашевич, Н. В. Троян, педагогические работники и преподаватели Е. В. Клумов, Т. С. Мариненко, А. И. Масловская, П. М. Машеров, М. Б. Осипова, В. А. Парахневич, В. А. Хомченовский, журналист В. С. Омельянюк, инженерно-технические работники Т. С. Бородин, К. С. Заслонов, И. П. Казинец, Ф. А. Малышев и другие представители белорусского народа.

В рядах антифашистов, партизан и подпольщиков были и представители различных профессиональных отрядов и групп интеллигенции Беларуси. Они приняли активное участие в организации сопротивления гитлеровцам.

Даже фрагментарные сведения, исходящие из очень плохо обеспеченного документально-аналитической ба-

---

[1] Всенародная борьба против немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии в период Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944). Минск, 1974. Т. 1, вып. 3. С. 136.

зой 1941 г., свидетельствуют об этом. Так, в августе — ноябре 1941 г. в гомельских городском и сельском партизанских отрядах на местную интеллигенцию приходилось до 60% личного состава[1].

И в последующее время интеллигенция была активным участником противоборства с захватчиками, занимая по численности в составе партизанских отрядов, подпольных организаций достойное место. Так, в составе подпольной группы на кирпичных заводах № 1 и № 4 в Минске (действовала с июля 1941 по июль 1944 г.) из 6 членов 4 являлись представителями интеллигенции (3— ИТР и фельдшер)[2]. Из 4 членов группы И. Адамовича (действовала в Минске с сентября 1941 по март 1942 г.) 3 были специалистами (инженер, главбух, товаровед)[3]. Половина состава группы В. П. Александровской (Минск, XI.1942—VII.1944 гг.) также была представлена местной интеллигенцией[4]. Интеллигенция присутствует практически повсеместно в подпольных организациях других городов, населенных пунктов Беларуси и в целом представлена в них весьма весомо.

Среди личного состава партизанских формирований Беларуси, по которым сведения были представлены в Белорусский штаб партизанского движения, на долю интеллигенции и служащих приходилось: на декабрь 1942 — 16,5%, на июль 1943 г. — 24,2%, за весь период немецкой оккупации — 20,55%[5]. Общую численность интеллигенции Беларуси в рядах партизан по подсчетам авторов можно определить цифрой примерно в 25 тыс. человек.

Статистические данные по участию научной интеллигенции в антифашистской борьбе имеющиеся источники, к сожалению, получить не позволяют. Исследователь может основываться в данном случае только на большом ряде конкретных примеров, ярких материалах фактического плана.

---

[1] НАРБ, ф. 4865, оп. 1, д. 14, л. 26—29 (подсчет авторов).

[2] Там же, ф. 4386, оп. 2, д. 314, л. 101 (подсчет авторов).

[3] Там же, д. 395, л. 4 (подсчет авторов).

[4] Там же, д. 402, л. 11 (подсчет авторов).

[5] Там же, ф. 4, оп. 33а, д. 218, л. 42; ф. 3500, оп. 2, д. 1049, л. 52; оп. 12, д. 10, л. 8.

Некоторые вузовские ученые, преподаватели вписали свои имена в славную историю антифашистского сопротивления в Беларуси как организаторы и руководители подпольной и партизанской борьбы. Так, кандидат медицинских наук М. П. Кувшинов объединил в подпольную группу врачей и медицинских сестер горбольницы Могилева, в процессе объединения подпольных групп областного центра вошел в руководящее ядро общегородской организации «Комитет содействия Красной Армии». Героизм этого человека был отмечен высокой советской наградой, орденом Отечественной войны I степени[1].

М. Ф. Малакович

Преподаватель Гомельского лесотехнического института П. И. Крисевич, оставленный в Могилеве для организации антифашистского сопротивления, также вошел в состав руководителей подполья, создал одну из самых крупных подпольных групп города, сделал очень много для развертывания борьбы жителей Могилева против гитлеровцев. Он был отсюда родом, здесь находилась его семья, сам он не был призван в Красную Армию по состоянию здоровья и посвятил себя подпольной деятельности. Уже осенью 1941 г. он вошел в контакт с первыми организаторами подпольных групп и вскоре выдвинулся в число лидеров могилевского антифашистского подполья.

[1] Подвиги их бессмертны. О подпольной борьбе советских людей в захваченных фашистскими оккупантами городах и селах Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941—1944 гг.). Минск, 1978. С. 277.

В самом начале своей работы П. И. Крисевич, соблюдая конспирацию, сделал многое по расширению подпольной сети, привлекая в ее состав многих патриотически настроенных представителей городской интеллигенции. Так, в его конспиративную «цепочку» к январю 1942 г. входили учителя ряда школ Могилева М. К. Гвоздырева, С. В. Команская, Е. Н. Лотоцкая, Т. И. Шабанская, В. П. Шелюто, врач И. Т. Прибыток, лесничий Любужского лесничества В. Л. Лустенков и др. Ряд членов группы Крисевича организовали свои «цепочки». Так, например, в «цепочку» учителя В. П. Шелюто вошел художник Д. И. Дервоедов, ставший активным участником подполья.

П. И. Крисевич ведал 2 радиоприемниками, имевшимися у группы, активно участвовал в распространении листовок, составлявшихся на базе сводок Совинформбюро, создании подпольной антифашистской газеты «За Родину». В начале лета 1942 г. подпольщики города раздобыли гектограф, которым П. И. Крисевич ведал вместе с В. П. Шелюто. В результате и тираж газеты вырос с 300 до 800 экземпляров (с апреля 1942 по март 1943 г. удалось выпустить 25 номеров общим тиражом около 10 тыс. экземпляров).

Делалось П. И. Крисевичем и многое другое, он был одним из наиболее видных организаторов подпольной борьбы, а с марта 1943 г. возглавлял общегородскую антифашистскую организацию в Могилеве. В ходе массовых арестов патриотов немецкими спецслужбами в мае П. И. Крисевич 1943 г. был схвачен и героически погиб в застенках врага[1].

Преподавательница Белорусского политехнического института М. Ф. Малакович уже летом 1941 г. явилась одним из организаторов подпольной группы хорошо знавших друг друга преподавателей и студентов юридического института, в котором она также работала в предвоенные годы. В сентябре 1941 г., переселившись по бытовым обстоятельствам (ее жилье сгорело) в Колодищи под Минском и по-прежнему выполняя задания руководящего антифа-

[1] Подвиги их бессмертны... С. 251, 253, 257, 260, 271; НАРБ, ф. 4289, оп. 1, д. 10, л. 12, 13; АИИ НАНБ, ф. 3, оп. 3, д. 8, л. 10, 11.

шистского центра в столице Беларуси, она включилась в работу по сплочению местных патриотов, в течение осени первого года войны объединила и возглавила здесь 5 подпольных групп. Тем самым было положено начало создания единой антифашистской организации Колодищенского сельсовета. Ее лидером и стала бывшая преподавательница БПИ[1].

Примером ее активной организаторской деятельности может служить создание местной молодежной патриотической группы. Соблюдая осторожность и конспирацию, М. В. Малакович вместе с помощниками в первой половине марта 1942 г. смогла провести в помещении Колодищенской школы собрание активных молодых антифашистов. Группа быстро пополнялась и осенью 1942 г. в ней насчитывалось уже до 20 членов.

Организовывались, крепли и другие подпольные группы, с руководителями которых М. Ф. Малакович поддерживала связь и снабжала их заданиями. Она же осуществляла непосредственную связь Колодищенского подполья с руководящими подпольными структурами Минска, контакты с партизанским командованием. Как и другие патриоты, руководитель организации вела активную агитационно-пропагандистскую работу, добывала, приносила из Минска (где часто бывала) и использовала в работе листовки, литературу антифашистского характера, радиоприемники. По инициативе М. Ф. Малакович подпольщики Колодищенского сельсовета собрали среди населения и передали партизанам около тысячи комплектов армейского обмундирования. Она же вместе с еще одной подпольщицей летом 1943 г. провела смелую акцию по изъятию из расположения немецкой части в Колодищах пишущей машинки, переправленной позже в партизанский отряд[2].

В мае 1943 г. М. Ф. Малакович с помощью партизанской разведки удачно провела в жизнь замысел по пере-

---

[1] История Белорусской государственной политехнической академии. Минск, 2000. С. 30, 31; Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне. 1941—1945: Энцыкл. Мінск, 1990. С. 326.

[2] Подвиги их бессмертны... С. 131, 132, 133, 135, 136.

Герой Советского Союза М. Б. Осипова

воду на сторону партизан инженера связи штаба немецкого военно-воздушного округа «Москва» Карла Круга, занимавшегося обеспечением в Колодищах радиотелеграфных средств округа и высказывавшего при контактах антифашистские настроения. Похитив важные документы штаба, а также образец засекреченного немецкого новейшего противогаза, К. Круг 10 мая 1943 г. при содействии подпольщиц оказался в расположении партизанской бригады «Дяди Коли», откуда самолетом был переправлен на советскую территорию. В результате командование Красной Армии получило сведения о 32 аэродромах ВВС немецкой группы армий «Центр», системе ПВО, о подготовке врага к применению боевых химических средств.

Оказываясь в Минске, М. Ф. Малакович неоднократно находила приют на квартире хорошо ей известного (как довоенной преподавательнице истории) академика Н. М. Никольского. Именно ей и была поручена командованием операция по вывозу академика в партизанскую зону, осуществленная М. Ф. Малакович и двумя ее помощниками 1 августа 1943 г. Н. М. Никольский, а также профессор Белорусского политехнического института А. А. Кравцов вместе со своими семьями в сопровождении М. Ф. Малакович оставили Минск и прибыли в партизанскую бригаду «За Советскую Белоруссию»[1].

[1] Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 362, 413, 414; Бессмертные имена. Минск, 1979. С. 98—100; Ботвинник М. Н. М. Никольский. С. 114—136.

К сожалению, это была одна из последних успешных акций отважной подпольщицы. В августе 1943 г. ее выследили и схватили. М. Ф. Малакович пришлось пройти через все ужасы фашистских пыток и издевательств.

Одна из женщин, находившаяся вместе с ней в одной камере тюрьмы, так поведала о последнем трагическом отрезке жизни руководителя Колодищенского подполья: «Били и меня, но то, что было сделано с ней, страшно вспоминать... Однажды, когда женщин увели на допрос и мы остались вдвоем, она заговорила со мной и сказала, что ее расстреляют... Она... попросила, если мне посчастливится остаться в живых, чтобы я сходила на улицу Рабкоровскую... и передала..., что она никого не выдала..., пусть будут спокойны и делают все, что делали до сих пор... И еще попросила, когда окончится война... а война кончится, она в этом уверена, и кончится скоро, и победа будет за нами, найти детей ее и передать им последние слова...

Как говорила Марина, так и получилось, в камеру вошли, назвали несколько фамилий, среди них была Малакович... Она мне кивнула головой, и я поняла все. Женщины плакали, кричали, а она подняла голову выше, посмотрела на всех и столько было в ней гордости и мужества, что даже полицейский смотрел с каким-то страхом на нее»[1*].

Самоотверженно действовали в подпольной и партизанской борьбе с врагом и другие сотрудники белорусских вузов. Так, заведующий одной из кафедр Белорусского государственного института народного хозяйства В. Л. Левкович по заданию антифашистского центра в Минске устроился на работу сторожем в здание института, где расположилось немецкое СД и передавал собираемые сведения партизанам. Доцент этого же института Т. А. Зарубин возглавил подпольную группу, работая в карточном бюро Минской городской управы, вместе с другими патриотами снабжал продовольственными карточками под-

---

[1] НАРБ, ф. 4864, оп. 1, д. 2, л. 211.

[*] От рук фашистов погибли и некоторые иные преподаватели, ставшие подпольщиками. Так, уже перед самым освобождением Минска, в конце июня 1944 г. гитлеровцами были уничтожены члены подпольной группы доцента биофака Белгосуниверситета Е. М. Зубковича: он сам, а также ассистент БГУ А. В. Вязович, аспирантка Зинаида Завистович.

польщиков, партизанских связных и их семьи[1]. Эта же подпольная группа передавала партизанам медицинские средства, обувь и одежду.

Героем Советского Союза стала преподаватель Минского юридического института М. Б. Осипова. Уже в июле 1941 г. вместе с сотрудниками и студентами названного института она создала одну из первых подпольных групп в столице Беларуси. Вместе с товарищами участвовала в подпольной массово-политической работе, переправке военнопленных в партизанские отряды, добывании оружия, являлась связной нескольких партизанских формирований. Отважная патриотка стала одним из основных организаторов операции по уничтожению немецкого генерального комиссара Беларуси В. Кубе.

Ее роль в этой акции особая комиссия Генерального комиссариата Беларуси по итогам расследования убийства В. Кубе в своем сообщении от 29 сентября 1943 г. отразила следующим образом: «В ночь на 22 сентября 1943 г. в 0.40 в спальной комнате генерального комиссара, гауляйтера Вильгельма Кубе взорвалась мина... Последствия взрыва были несомненно смертельны. Его труп в полусгоревшем виде был вытащен вызванной по тревоге командой из горящей спальни.

При осмотре места происшествия особой комиссией... был обнаружен кусочек материала... — остаток взрывателя магнитной мины замедленного действия английского производства и неопределенного срока действия. Взорвавшаяся мина, которая предположительно была установлена на 12 час. действия, была прикреплена, как показало расследование, на внутренней стороне пружины матраца гауляйтера Кубе и там взорвалась... Во время обыска в доме Николя Дрозда в скрытом подвале были обнаружены различные вещи. Среди них находилось и темно-синее пальто, которое без сомнения было опознано как собственность Мазаник. Далее, в дровяном сарае, в спичечной коробке, были найдены два взрывателя-запала, которые, по данным Дрозда, были спрятаны там «Черной Марией»,

[2] Белорусский государственный экономический университет. 70 лет. Минск, 2003. С. 48; Советская высшая школа в годы Великой Отечественной войны. М., 1980. С. 166.

которая позже была установлена как Мария Осипова. Николай Дрозд, а также его жена Елена Дрозд и дочь Регина Дрозд были арестованы незадолго до осуществления подготовленного ими побега. Дрозд вынужден был признаться в том, что 18 сентября 1943 г. на одном из мостов в Минске ожидал Марию Осипову и Марию Дуброву, возвращавшихся из дер. Вяча, куда они ездили за ягодами, и получил от них 2 мины. Эти мины он принес в свой дом, где их сама Осипова спрятала в саду... В ходе последующего расследования было также установлено, что Осипова с апреля этого года жила у Дрозда и предпринимала так называемые «служебные командировки». Живя у Дрозда, она усиленно занималась антинемецкой пропагандой и отчасти довольно успешно влияла на свое окружение... Не подлежит сомнению, что Мария Осипова рано утром 21 сентября 1943 г. доставила мины в Минск и там лично или через посредника передала их Мазаник... Розыск Мазаник и ее родственников, а также Марии Осиповой... налажен, но не обещает успеха, так как названные выше лица после покушения и выполнения их особого задания, при посредничестве Осиповой, с ближайшего партизанского аэродрома будут доставлены в Москву...

...Расследуя все обстоятельства выяснено, что главарем покушения является Мария Осипова...

Руководитель особой комиссии
штурмбанфюрер СС и криминальный
советник Бендорф»[1].

Такова немецкая оценка случившегося и вклада в эту акцию М. Б. Осиповой. Свою оценку патриотке выставила и советская сторона: в октябре 1943 г. она была удостоена высшей награды СССР — звания Героя Советского Союза.

История подпольной и партизанской борьбы в Беларуси знает и иные яркие, героические примеры результативной деятельности вузовских работников против врага.

Так, доцент Могилевского пединститута И. Н. Перовский, являвшийся руководителем подпольной группы

[1] НАРБ, ф. переводов, д. 64, л. 228.

в Климовичах, а с мая 1942 г. и комиссаром отдельного партизанского отряда «Алеся»[1], с помощью студентки этого же института Л. П. Осмоловской (она смогла устроиться на работу в заинтересовавшее партизан немецкое учреждение) и других патриотов летом 1942 г. сумел осуществить по заданию советского командования операцию по захвату резидента немецкой разведки барона фон Файта. Последний долгое время перед войной проводил шпионскую работу в СССР, а в период оккупации Беларуси обосновался в Климовичах: готовил шпионов и провокаторов, выявлял антифашистские подпольные организации, собирал сведения о партизанах. В захвате матерого немецкого разведчика И. Н. Перовский принимал непосредственное участие. Переправленный в Москву фон Файт дал много ценных сведений[2].

Навсегда в анналах истории антифашистского сопротивления остался и подвиг преподавателя Минского пединститута, кандидата педагогических наук (до войны студентам читал курс психологии) М. С. Левитана. Как и многие, летом 1941 г. он попал в армейские ряды, затем оказался в окружении. Со временем ученый-патриот смог связаться с формирующимися в Октябрьском районе Гомельской области партизанскими подразделениями, и в январе 1942 г. стал комиссаром отряда им. Н. А. Щорса. Подлинный героизм М. С. Левитан проявил в своем последнем бою у деревне Залесье в марте 1942 г.: в тяжелой схватке с крупными силами карателей, прикрывая отход товарищей, он лег за пулемет. В огневом противостоянии с врагом комиссар пал смертью храбрых[3].

Выдающийся вклад в антифашистскую борьбу против оккупантов внесли медицинские работники Беларуси,

---

[1] Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944). Минск, 1983. С. 597.

[2] Магілеўскі дзяржаўны універсітэт імя А. А. Куляшова: мінулае і сучаснасць. С. 100, 101; Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Минск, 1983. Т. 1. С. 394.

[3] Настаўніцкая газета. 1967. 18 янв.; Минский государственный педагогический институт им. А. М. Горького. Исторический очерк. Минск, 1970. С. 42; Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944). С. 424.

в том числе и обладавшие высшей квалификацией, ученые, преподаватели вузов.

Доцент Минского медицинского института Е. Т. Станкевич по заданию подпольного центра устроилась на работу в коллаборационистскую городскую управу столицы Беларуси, где начала проводить антифашистскую деятельность. Используя свою должность, она назначала медицинских работников в необходимые для партизан и подпольщиков места, направляла во многие медучреждения проверенных людей, патриотов. Связанные с ней медики снабжали медикаментами, хирургическими инструментами большое число партизанских отрядов, проводили иную подпольную работу.

В контакте с Е. Т. Станкевич, например, работала сотрудница кафедры фармакологии мединститута Л. Ф. Густарник, сделавшая очень многое по оказанию помощи партизанам. Она поступила на службу в аптеку, расположенную на улице Мопровской. Это медицинское учреждение, возглавляемое Л. Ф. Густарник, явилось одним из важнейших центров снабжения медикаментами ряда партизанских бригад на протяжении 1941—1943 гг. Весной 1943 г. деятельностью Л. Ф. Густарник заинтересовалось СД. Однако отважная и находчивая подпольщица не только сама ушла к партизанам, но и вывезла на подводах с помощью партизанских связных медимущество всей аптеки, которой заведовала[1].

Заведующий кафедрой судебной медицины Минского медицинского института доцент С. А. Прилуцкий начиная с зимы 1941—1942 гг., работая в медучреждениях оккупантов, также доставал медикаменты и перевязочные средства для партизан, выполнял другие задания подполья. В феврале 1944 г. он был арестован и после 7 недель заключения вывезен в концлагерь во Францию, где ему посчастливилось бежать в отряд французских партизан[2].

Доцент Минского медицинского института, кандидат медицинских наук Д. С. Рыдлевский и ассистент Н. А. Реут

---

[1] Здравоохранение Белоруссии. 1965. № 5. С. 18, 32, 33; НАРБ, ф. 4, оп. 33 а, д. 656, л. 93; ф. 4085, оп. 1, д. 117, л. 17.

[2] Здравоохранение Белоруссии. 1965. № 5. С. 18—20.

Герой Советского Союза профессор Е. В. Клумов

с помощью Е. Т. Станкевич попали на работу в железнодорожную больницу. Здесь они создали подпольную группу, тайно установили 2 радиоприемника и записывали сводки новостей из Москвы, которые тут же превращались в листовки, попадавшие в город. Медики группы нелегально оперировали, лечили нуждавшихся в экстренной помощи партизан и подпольщиков, снабжали пленных красноармейцев и командиров документами и иным необходимым, переправляли их в партизанские формирования[1]. Сам Д. С. Рыдлевский неоднократно выезжал из города для оказания неотложной помощи партизанам отрядов бригады «Штурмовая». Как врач-хирург в тяжелых условиях конспирации он сделал в Минске сложную операцию комиссару отряда «Грозный» Ф. Т. Федосееву, который через некоторое время поправился и был переправлен в бригаду. Обнаружив за собой слежку фашистов, Д. С. Рыдлевский по разрешению подпольной группы в августе 1942 г. ушел к партизанам[2].

С августа 1943 по май 1944 г. он даже являлся командиром партизанского отряда им. П. К. Пономаренко бригады «Штурмовая»[3]. При этом он не оставлял своих профессиональных обязанностей медика, ему как хирургу доводилось проводить в партизанских условиях самые

[1] Красовский Н. И. Высшая школа Советской Белоруссии. С. 150, 151.

[2] Мачульский Р. Вечный огонь. Минск, 1978. С. 417; Здравоохранение Белоруссии. 1970. № 7. С. 60, 61.

[3] Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944). С. 475.

сложные операции. Работать приходилось нередко под грохот разрывов мин и снарядов противника, под треск пулеметных и автоматных очередей. Так было, например, в марте 1943 г. во время боя за деревню Крайск (около Плещениц), когда Д. С. Рыдлевскому вместе с еще 2 медиками довелось оперировать раненого в живот партизана. Борьба за жизнь человека длилась долго, операция затянулась. А линия обороны партизан, с большими усилиями сдерживавших карателей, проходила в 200 м от дома, временно превращенного в госпиталь. В огневом противостоянии фашистам не давали продвинуться вперед до тех пор, пока раненого не отправили в тыл бригады[1].

Профессор Е. В. Клумов перед началом войны работал заведующим кафедрой гинекологии Минского медицинского института. Оказавшись в захваченном врагом городе и продолжая лечить людей, он вскоре включился в подпольную работу. По воспоминаниям его товарищей после тяжелого рабочего дня он нередко просиживал чуть ли не всю ночь за записыванием радионовостей с фронтов, переписывал десятки листовок. Главным, однако, в его деятельности была профессиональная помощь патриотам, вступившим в борьбу с оккупантами[2].

Ученый спас жизнь многим, приходилось ему лечить и раненых партизан. В феврале 1942 г. он сделал операцию старшему лейтенанту Грачеву из отряда В. И. Ничипоровича[3]. В другой раз ему удалось хитростью вырвать в Минске из рук фашистов и вылечить тяжело раненого партизана отряда «За Отечество» бригады «Штурмовая» С. Радченко[4].

При активном участии профессора проходила работа созданных оккупационными властями врачебно-экспертных комиссий по определению заболеваний, пригодности к труду. Медики, работавшие в таких комиссиях, чтобы спасти людей от угона в Германию, а также в трудовые лагеря и команды на территории Беларуси, нередко уста-

---

[1] Здравоохранение Белоруссии. 1970. № 7. С. 62, 63.

[2] Там же. 1965. № 5. С. 18—20.

[3] Дорога в бессмертие. Минск, 1967. С. 186; Люди легенд. М., 1975. Вып. 5. С. 98—100.

[4] Здравоохранение Белоруссии. 1970. № 7. С. 63.

навливали фиктивную инвалидность, иную непригодность к работе.

Употребляя подпольную кличку Е. В. Клумова («Самарин»), о его деятельности в донесении, датированном сентябрем 1943 г., советский разведчик высказался следующим образом: «Самарин. Пламенный борец с фашистскими захватчиками. Включился в активную работу с начала 1942 года. Очень много медикаментов передал в распоряжение народных мстителей; обслуживал четыре отряда. Полностью оборудовал два полевых госпиталя. Через тов. Самарина можно было достать самые дефицитные и самые важные медикаменты. Он укрывал в госпиталях и больницах советских людей, которым грозила опасность, лечил больных, доставал и предавал партизанам большое количество различных справок, бланков, бюллетеней, паспортов и других документов. Нередко медицинские справки служили для партизан легальным основанием для проникновения в город и выход из него. В больницах многие красноармейцы и командиры переодевались в гражданскую одежду, снабжались паспортами или больничными справками и отправлялись за линию фронта или в партизаны»[1].

В октябре 1943 г. Е. В. Клумов был схвачен врагом, отказавшегося сотрудничать профессора гитлеровцы уничтожили в душегубке. За свой подвиг Е. В. Клумов был удостоен звания Героя Советского Союза.

Подобная патриотическая деятельность с риском для жизни проводилась медиками не только в Минске, но и в других городах, населенных пунктах.

Бывший заведующий кафедрой судебной медицины Витебского медицинского института М. Л. Мурашко во время оккупации по заданию партизанского командования стал начальником отдела здравоохранения горуправы. Вместе со своим ближайшим помощником Р. Ф. Махновым, который был назначен санитарным врачом, он проводил огромную работу по спасению людей. Пользуясь правом беспрепятственного передвижения, как санитарный врач, Р. Ф. Махнов регулярно посещал лагеря военно-

[1] Коммунист Белоруссии. 1960. № 6.

пленных. Там он выявлял наиболее изнуренных командиров и бойцов Красной Армии и под видом больных тифом помещал их в гражданские больницы, где они получали необходимую медицинскую помощь, а после выздоровления, как правило, отправлялись в партизанские отряды.

Н. С. Костюк

Кроме Р. Ф. Махнова в подпольную группу, возглавляемую М. Л. Мурашко, входили многие медицинские работники Витебска[1].

Кандидат медицинских наук И. А. Бирилло военными событиями был занесен из Минска в Лиду, в Западную Беларусь, где он стал активным участником антифашистского подполья. Вместе с товарищами ученый поддерживал связь с партизанами, передавал им медикаменты, сведения о враге.

Связная партизанских отрядов «Искра» и «Балтиец» В. И. Петровская в своих воспоминаниях по этому поводу пишет: «...Я также имела явку у хирурга И. А. Бирилло, который работал в больнице и снабжал партизан необходимыми медикаментами <...> Если я не могла встретиться с подпольщиками, то шла на явку к И. А. Бирилло под видом больной <...> Он передавал все сведения от наших подпольщиков в городе, а также от себя лично, сообщал о прибывающих и убывающих немецких частях, о датах отправки в Германию наших людей, передавал

[1] Пахомов Н. И., Дорофеенко Н. И., Дорофеенко Н. В. Витебское подполье. Минск, 1974. С. 51—53.

Генерал-майор Ф. Ф. Дубровский и С. В. Маркевич

сводки Совинформбюро <...> Он снабжал партизан всеми видами медикаментов и инструментов. Много заботился о снабжении партизанского госпиталя в Налибокской пуще. Весной 1943 г. в пуще многие партизаны болели малярией. Комиссар Деев послал меня к И. А. Бирилло и от него я получила необходимую для нас хину»[1].

В партизанском движении и подпольной борьбе участвовали многие сотрудники АН БССР, оказавшиеся на оккупированной врагом территории. В партизанских отрядах вели борьбу с гитлеризмом сотрудники Института социалистического сельского хозяйства АН БССР Ю. И. Гавриленко, П. И. Финкевич, К. В. Хатышев, заведующий сектором Института геологии АН БССР Н. И. Зуев, сотрудник Института истории АН БССР Н. Г. Матусевич, аспирант Института торфа АН БССР Н. С. Костюк, сотрудник АН БССР Н. В. Алехнович, а также принятые на работу в АН БССР сразу же после осво-Эбождения Минска И. К. Жидович, В. И. Зенкевич, О. И. Мержеевская, К. С. Шадурский и др.

[1] Здравоохранение Белоруссии. 1974. № 8. С. 36, 37.

Кандидат биологических наук И. Н. Сержанин (впоследствии член-корреспондент АН БССР) неоднократно выполнял через связных различные поручения для партизанских отрядов. Имел связь с партизанскими отрядами старший инженер Института торфа АН БССР В. С. Шиманский, который затем ушел в партизанский отряд им. Дзержинского.

Ученый секретарь Отделения общественных наук И. В. Гуторов, добровольно вступивший в действующую армию, служил в должности старшего инструктора политотдела стрелковой дивизии по работе среди войск противника и населения оккупированных районов. С ноября 1941 до середины 1943 г. он воевал вместе с партизанами. Последняя должность в тылу врага — начальник агитации и пропаганды объединенных отрядов Брянской партизанской зоны.

Активным участником партизанского движения являлся аспирант Института химии АН БССР С. В. Маркевич (впоследствии — доктор химических наук). Он был в 1942—1944 гг. заместителем командира партизанской бригады «Дубова» по разведке. С. В. Маркевич принимал непосредственное участие в подготовке и проведении многих боевых операций бригады. За руководство разведкой и проявленное личное мужество он был награжден орденом Красного Знамени, медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

Сотрудник АН БССР Н. В. Алехнович, бежав из немецкого плена, действовал в подпольной организации в г. Горки с заданием вербовать военнопленных в партизанские отряды, а с сентября 1943 г. являлся начальником разведки партизанского отряда «Феликс». 7 ноября 1943 г. он с товарищами по заданию отряда уничтожил коменданта г. Борисова Керна[1]. О. И. Мержеевская выполняла задания отряда им. В. П. Чкалова бригады им. К. К. Рокоссовского и отряда «Новаторы», бригады «Мстители». В декабре 1943 г. она ушла в партизанский отряд. Ее боевые дела в тылу немецко-фашистских войск отмечены меда-

[1] ЦНА НАНБ, ф. 2, оп. 1, д. 934, л. 4.

Л. И. Ярышко

лями «За отвагу» и «Партизану Отечественной войны» 1-й степени[1].

Сотрудник Института истории АН БССР Н. Г. Матусевич руководил диверсионной группой партизанского отряда «Знамя» бригады «Разгром». За время нахождения в партизанском отряде он участвовал в более 20 боевых операциях, уничтожил 8 вражеских эшелонов с живой силой и боевой техникой противника[2].

Аспирант Института литературы и языка АН БССР И. В. Кулешов в августе 1942 г. вступил в оперативно-десантную спецгруппу НКГБ БССР. В апреле 1943 г. Минский подпольный обком КП(б)Б направил его в Слуцкий подпольный РК КП(б)Б для работы по созданию газеты «Народны мсцівец», а с сентября 1943 г. и до освобождения Беларуси он был ответственным редактором подпольной газеты «Кліч Радзімы», органа Любанскога РК КП(б)Б[3].

В. И. Зенкевич, который с августа 1944 г. являлся сотрудником Института социалистического сельского хозяйства АН БССР, дважды по заданию Белорусского штаба партизанского движения направлялся в тыл противника. И. К. Жидович (с сентября 1944 г. сотрудник Института литературы АН БССР) вскоре после оккупации Минска связался с подпольной партийной группой содействия и по ее заданию работал некоторое время в Минске. С мая 1942 по июль 1944 г. он являлся связным — разведчиком

[1] ЦНА НАНБ, ф. 2, оп. 1, д. 489, л. 5.
[2] Там же, д. 507, л. 2—3.
[3] Там же, д. 381, л. 3—3 об.

партизанской бригады им. Сталина. «Командованием бригады на И. К. Жидовича, — как указывалось в его партийной и служебной характеристике, — возлагалось выполнение самых ответственных заданий (изыскание разведданных о немецких и полицейских гарнизонах, снабжение медикаментами, распространение советской литературы и т. д.) и он всегда успешно выполнял свой патриотический долг перед Родиной»[1].

Заместитель директора Института истории АН БССР Н. И. Зуев в июне 1941 г. был призван в действующую армию. В октябре 1941 г. под г. Юхновом попал в плен, из которого бежал в декабре 1941 г. и до июня 1943 г. скрывался в Минске, работая чернорабочим, слесарем. В августе 1943 г. ушел в партизанский отряд им. Лазо 3-й Минской бригады. В мае 1944 г. был откомандирован в распоряжение Белорусского штаба партизанского движения и вскоре направлен на работу в Академию наук БССР в качестве ученого секретаря Института геологии.

Младший научный сотрудник Института химии АН БССР А. А. Бриш до декабря 1941 г. являлся участником подпольной группы в Минске, а затем разведчиком штаба партизанской бригады им. К. Е. Ворошилова, действовавшей в Минской области. После войны он принимал активное участие в создании ядерного щита Советского Союза. Работал в Арзамасе-16, в 1960—1980-е годы являлся главным конструктором Всесоюзного НИИ автоматики. За разработки автоматики взрыва и нейтронного инициирования атомных зарядов ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда[2].

Сотрудница Института биологии АН БССР Л. И. Ярышко прошла в советском тылу подготовку в школе инструкторов-подрывников, в ноябре 1942 г. она была переправлена в партизанскую бригаду имени ВЛКСМ, которая базировалась в Витебской области. В отряде «Сибиряк» этой бригады была инструктором подрывного дела. В де-

---

[1] ЦНА НАНБ, ф. 2, оп. 1, д. 4278, л. 10.

[2] Военные судьбы. Сотрудники АН Беларуси — участники Великой Отечественной войны / Сост. Н. В. Токарев. Минск, 1995. С. 16.

А. А. Езубчик

кабре 1942 г. Л. И. Ярышко была ранена при минировании железной дороги. Погибла в феврале 1943 г[1].

В годы войны в оккупированном гитлеровцами Минске оказалось около 30 сотрудников Академии наук БССР. Характерно, что почти никто из них не занимался в это время научной деятельностью. Уже в первые недели после оккупации Минска в нем создаются подпольные группы. В одну из таких групп вошла кандидат биологических наук А. А. Езубчик, которая до войны являлась исполняющей обязанности директора Института биологии АН БССР. Группа развернула диверсионную деятельность на предприятиях, обслуживающих фашистскую армию. А. А. Езубчик, работая в здании Академии наук, приносила оттуда различные химикаты, с помощью которых подпольщики портили сырье, продукты, предназначенные для немецкой армии, затем ушла в партизанский отряд. По заданию Штаба соединения партизанских отрядов Слуцкой зоны она не раз ходила в Минск, собирала сведения о военных объектах противника, о численности и дислокации вражеских гарнизонов, о передвижении немецко-фашистских войск. Частые и дерзкие визиты А. А. Езубчик из леса в Минск привели к тому, что она была расконспирирована. Осенью 1943 г. была переправлена на самолете в Москву, где продолжила работу в Академии наук БССР. За проявленные доблесть и мужество в партизанской борьбе против немецко-фашистских захватчиков она была награждена орденом Отечествен-

[1] Военные судьбы. Сотрудники АН Беларуси — участники Великой Отечественной войны. С. 58.

ной войны I степени и медалью Отечественной войны 1-й степени[1]. Связной Штаба соединения партизанских бригад Слуцкой зоны была также сотрудница Института биологии АН БССР А. П. Абрамчук.

Н. А. Дорожкин

Один из старейших работников Академии наук БССР член КПСС с 1927 г., профессор Н. А. Дорожкин (впоследствии академик АН БССР) в военные годы был участником подполья в Минске, разведчиком партизанских отрядов «Большевик» и «Мстители». Ему приходилось выполнять самые разнообразные задания. Во многом благодаря усилиям Н. А. Дорожкина была спасена от уничтожения часть архива Академии наук. За боевые заслуги он был награжден медалями «За отвагу» и «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

П. И. Альсмик (впоследствии академик АН БССР), работая на селекционной станции «Зазерье», поддерживал связь с Минским подпольным горкомом партии. Работникам станции было поручено скрыто от немцев вести научную работу и постараться сохранить выведенные ими ценные сорта картофеля, лабораторное оборудование, научную литературу. Всю эту работу на селекционной станции возглавил П. И. Альсмик. Он выполнял также задания разведывательного характера во вражеских гарнизо-

[1] Сквозь огонь и смерь. С. 126—127; ЦНА НАНБ, ф. 2, оп. 1, д. 236, л. 39—40.

нах, распространял подпольную литературу[1]. Другой сотрудник этой станции, кандидат сельскохозяйственных наук К. В. Хатышев с августа 1943 г. воевал в партизанском отряде «За Родину» бригады «Беларусь», дислоцировавшемся в Руденском районе.

Сотрудница Института химии АН БССР В. С. Вернер с декабря 1942 г. была связной партизанского отряда «Непобедимый» 3-й Минской бригады им. С. М. Буденного.

Ученый секретарь Института истории АН БССР Н. С. Мохнач являлся членом подпольной группы И. Х. Маркова (Погодина), действовавшей в оккупированном Минске. По заданию подпольщиков он работал на бирже труда, снабжал подпольщиков документами, направлял их на работу на нужные объекты. В июне 1944 г. Н. С. Мохнач был схвачен СД и казнен в Тростенце.

Сотрудник Института химии АН БССР П. П. Кречко во время оккупации Минска являлся членом спецгруппы НКГБ БССР «Мстители». Участвовал в подготовке покушения на бургомистра Минска В. Ивановского в декабре 1943 г. При выполнении боевого задания 2 февраля 1944 г. арестован СД. Сведений о его дальнейшей судьбе не имеется.

Находящаяся в оккупированном Минске сотрудница Института химии АН БССР В. К. Кузьмина работала в госпитале уборщицей. Поддерживала связь с партизанскими отрядами им. Котовского и им. Чкалова. Передавала партизанам медикаменты, распространяла литературу. В июне 1943 г. арестована немцами и в ноябре 1943 г. была отправлена в концентрационный лагерь Освенцим. В январе 1945 г. во время эвакуации лагеря бежала. В марте 1945 г. вернулась в Минск.

Кандидат биологических наук О. И. Мержеевская во время оккупации Беларуси в сентябре—декабре 1941 г. состояла в авторской группе по составлению учебников для начальной школы. В январе—апреле 1943 г. работала секретарем отдела искусств Белорусской самопомощи. В то же время она была связной партизанского отряда им. Чкалова 200-й бригады им. К. К. Рокоссовского, а с декабря 1943 г. находилась в партизанском отряде «Новаторы»

[1] Сквозь огонь и смерть. С. 270.

бригады «Мститель». Была награждена медалями «За отвагу» и «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

Кандидат физико-математических наук И. Г. Некрашевич с января 1942 по сентябрь 1943 г. работал научным сотрудником метеостанции в Минске. Однако уже с октября 1941 г. он был связным диверсионно-разведывательного отряда «Димы» (В. В. Щербины). С 1943 г. он боец партизанского отряда им. В. М. Молотова 2-й Минской партизанской бригады.

Младший научный сотрудник Института химии Н. М. Плисс (Мицкевич) во время оккупации работала в Минске на радиозаводе табельщицей. Установила связь с партизанами, передавала им аппаратуру. В сентябре 1943 г. ушла в партизанский отряд № 6 бригады «Железняк» (Бегомльский район).

Химик А. И. Скриган, работавший до войны ученым секретарем Института химии АН БССР, был разведчиком в партизанском отряде «Непобедимый 3-й Минской бригады им. С. М. Буденного.

В служебной характеристике, написанной командиром отряда «Непобедимый», Героем Советского Союза, подполковником госбезопасности С. А. Ваупшасовым, говорилось: «За период работы в качестве партизана-разведчика т. Скриган по заданию командования отряда выполнял спецзадания <...> Принимал активное участие в диверсионных актах на Брестском и Слуцком маслозаводах <...> доставлял отряду ряд ценных медикаментов <...> Порученные задания выполнял в срок».

Сотрудник Института химии М. А. Ивашкевич с октября 1943 г. являлся связным спецгруппы НКГБ БССР «Мстители». 1 февраля 1944 г. при выполнении задания был арестован и расстрелян фашистскими карательными органами.

Обучавшийся до войны в аспирантуре АН БССР З. С. Тарасенко во время оккупации в 1942—1944 гг. работал ученым секретарем Минского ботанического сада. Однако уже в 1942 г. установил связь с партизанским отрядом № 210 и отрядом «Мстители». В июне 1944 г. был мобилизован в ряды Красной Армии. За боевые заслуги на фронте награжден 3 медалями «За отвагу».

Младший научный сотрудник Ботанического сада АН БССР Н. И. Чекалинская, находясь на временно оккупированной территории, работала машинисткой в гражданских больницах и институте болотного хозяйства в Минске. В 1942—1943 гг. являлась связной спецгруппы Б. Казанцева и партизанского отряда «За Отечество» бригады «Штурмовая» (Минская область).

Еще одна сотрудница Ботанического сада АН БССР О. К. Черненкова в сентябре 1943 — январе 1944 г. являлась связной спецгруппы НКГБ БССР «Соседи». 2 февраля 1944 г. была арестована в Минске. Некоторое время содержалась в СД, затем в тюрьме и концлагере «Тростенец», откуда была вывезена в Германию в концлагерь. Освобождена союзными войсками. На Родину возвратилась в октябре 1945 г.

Серьезные испытания выпали на долю доцента Минского педагогического института Н. Г. Зеленова. На 30 июня 1941 г. была намечена защита его диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Понятно, что она не состоялась. Оказавшись в оккупированном Минске, он непродолжительное время, с июня по сентябрь 1941 г., работал заведующим Минской биржей труда, а до декабря 1943 г. — продавцом хлебного ларька в кооперативе «Беларусь». Уже с осени 1941 г. он устанавливал связь с Минским подпольным горкомом партии, в последствии принимал участие в подготовке покушения на бургомистра Минска В. Ивановского. После его убийства в конце декабря 1943 г. ушел в партизанский отряд им. Щорса. В сентябре 1944 г. Н. Г. Зеленов был зачислен на работу в Институт литературы и языка АН БССР.

В начале октября 1944 г. был арестован органами НКВД и обвинен в пособнической деятельности в пользу немецко-фашистских оккупантов. В феврале 1945 г. определением Военного трибунала войск НКВД дело по обвинению Н. Г. Зеленова прекращено за недоказанностью вины, и из-под стражи он был освобожден. Н. Г. Зеленов восстанавливается на работе в Академии наук. Но в апреле 1945 г. его вновь арестовывают. В процессе дополнительного рас-

следования данных о преступной деятельности Н. Г. Зеленова получено не было, и Верховный суд СССР утвердил оправдательное решение Военного трибунала войск НКВД. В мае 1945 г. он вышел на свободу[1].

Следует отметить, что в антифашистской борьбе на оккупированной территории Беларуси принимали участие и ученые из других республик СССР. Так, М. И. Плис, преподававший до войны общественные дисциплины в ряде вузов Харькова, в 1943 г. был отозван из рядов Красной Армии и как уроженец Беларуси направлен в тыл врага в должности секретаря по пропаганде Витебского подпольного обкома КП(б)Б. На этом посту он работал вплоть до полного изгнания гитлеровцев с белорусской земли[2]. Пропагандистом этого же подпольного обкома партии являлся бывший аспирант Московского института советской кооперативной торговли П. Я. Корнев. Он участвовал в создании в Полоцком районе подпольных организаций, в агитационно-массовой работе, а с июня 1942 по март 1943 г. был там же комиссаром партизанского отряда им. К. Минина[3].

Доцент медицинского факультета Томского университета К. С. Шадурский (с ноября 1944 г. начал работать ученым секретарем Института теоретической и клинической медицины АН БССР), после того, как ему удалось вырваться из фашистского плена, с июля 1942 г. в течение 2 лет являлся начальником санитарной службы спецотряда НКВД СССР «Боевой». В тылу врага он вел большую лечебную работу среди гражданского населения, был редактором отрядного журнала[4].

---

[1] ЦНА НАНБ, ф. 2, д. 272, л. 4; Центральный Архив КГБ РБ.

[2] Советская высшая школа в годы Великой Отечественной войны. С. 159; Подпольные партийные органы Компартии Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941—1944). Краткие сведения об организации, структуре и составе. Минск, 1975. С. 101.

[3] Советская высшая школа в годы Великой Отечественной войны. С. 159; Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944). С. 242.

[4] ЦНА НАНБ, ф. 1, оп. 1, д. 1913, л. 6.

Участником подпольной борьбы и партизанского движения в Беларуси являлся старший научный сотрудник Института геологических наук АН Украинской ССР В. С. Завистовский. Оказавшись на оккупированной территории Беларуси, он уже в 1941 г. стал одним из руководителей подпольной организации на торфопредприятии «Плисса» («Красное Знамя») Смолевичского района. Кандидатом геолого-минералогических наук В. С. Завистовским вместе с другими подпольщиками с течением времени были детально разработаны методы осуществления на предприятии экономической диверсии, которые заключались в нарушении технологии добычи, сушки, штабелевки и хранения торфа. Ставилась задача организовать выпуск высокозольного, гигроскопичного торфа. В итоге сезон 1942 г. начался на предприятии с грубейшими нарушениями производства. Потери только при выработке торфяных брикетов составляли около 30%, а если учесть, что причастные к учету и отчетности подпольщики приписывали до 20% продукции к объему выработки, то практически гитлеровцы недополучали еще при добыче до 50% даже некондиционного топлива. Осенью 1942 г. на Минской электростанции сложилась тяжелое положение с топливом. Оккупационные власти обнаружили, что вся территория электростанции завалена грунтом (а не топливным торфом), который в топках котлов не горит. В итоге им пришлось завозить из Силезии и других мест каменный уголь[1].

Впоследствии В. С. Завистовский стал партизаном отряда «Разгром» в том же Смолевичском районе, в составе диверсионной группы участвовал в подрыве 7 вражеских эшелонов, 11 мостов. В 1943 г. погиб в одной из боевых операций[2].

С нацизмом и коллаборацией огромному количеству людей из среды научной интеллигенции было никак не по пути. Они избрали борьбу за совсем иные мировоззренческие ценности, за свободу родной земли. В под-

---

[1] Архив авторов.

[2] Ладивір І.І. Вклад учених АН УРСР у перемогу над фашистсцкою Німеччиною. Київ, 1970. С. 52—54.

польной борьбе и партизанском движении активное участие приняли ученые белорусских вузов и Академии наук БССР. Многие из них отличились в организационной и массово-политической антифашистской работе, используя свои знания и навыки, влияние среди населения. Профессиональная подготовка многих лиц из среды ученых, вступивших в борьбу с врагом, была полезной и во многих иных случаях. Незаменимым, в частности, явился для патриотов высокий профессионализм ученых-медиков.

Фактический материал ярко иллюстрирует героическую целеустремленность, патриотизм научных работников, принявших непосредственное участие в противостоянии фашистским оккупантам. Многим из них при этом пришлось пожертвовать жизнью. Свидетельство героизма и самоотверженности таких людей — немеркнущая народная память о их делах, высокие награды Родины.

Глава IV

УЩЕРБ, НАНЕСЕННЫЙ ВОЙНОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ БАЗЕ НАУКИ

В сентябре 1943 г. советские войска начали освобождать территорию Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. В конце июня 1944 г. Красная Армия приступила к освобождению от фашистских захватчиков остальной территории БССР. 3 июля 1944 г. была освобождена столица республики — Минск, а к концу июля 1944 г. — вся территория Беларуси.

За годы Великой Отечественной войны и временной оккупации Советская Беларусь подверглась варварскому разорению. В развалинах лежали десятки городов, тысячи сел и деревень Беларуси. Сильно пострадали во время оккупации учреждения просвещения, науки и культуры. Фашистские захватчики разрушили большинство научно-исследовательских учреждений, вузов, музеев, библиотек, театров и клубов.

Освобождение территории Белорусской ССР выявило те громадные разрушения, которые причинили народному хозяйству республики немецко-фашистские захватчики. Было разрушено и уничтожено свыше 10 тыс. промышленных предприятий республики. Огромный ущерб был нанесен сельскому хозяйству. После изгнания оккупантов в Беларуси сохранилось лишь 25,6% довоенного жилого фонда городов и райцентров. Крова были лишены около 3 млн человек. Война отняла у белорусского народа свыше половины его национального богатства. Материальный ущерб на душу населения в Беларуси был самым высоким среди союзных республик[1].

[1] Развитие народного хозяйства Белорусской ССР за 20 лет (1944—1963 гг.): Статист. сб. Минск, 1964. С. 8, 16.

Огромными для белорусского народа оказались человеческие жертвы, безвозвратные потери составили свыше четверти населения. Около 400 тыс. человек были насильственно вывезены на каторжные работы в Германию. Таких больших потерь не понесла ни одна республика Советского Союза.

Белорусская ССР обладала достаточно развитой сетью научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений. К 1941 г. в республике насчитывалось 55 научно-исследовательских учреждений, в которых работало 2,5 тыс. человек. В 36 вузах и втузах обучалось более 16 тыс. студентов[1].

Крупнейшим научным центром Белорусской ССР являлась Академия наук, созданная в 1929 г. В ее составе имелось 13 научно-исследовательских учреждений, в которых работало более 400 научных сотрудников. В справке об ущербе, нанесенном гитлеровскими захватчиками Академии наук, подписанной президентом АН БССР К. В. Горевым в конце июля 1944 г., указывалось, что Академия наук имела 2 великолепно оборудованных корпуса: лабораторный корпус — 3-этажное здание, построенное в 1935 г. и главный корпус Академии наук — 4-этажное здание, построенное в 1940 г.

В 1940 г. было закончено строительство 30-квартирного дома Академии наук для академиков, профессоров и старших научных сотрудников, а также вегетационного павильона и теплицы институтов социалистического сельского хозяйства и биологии. Лаборатории институтов были оборудованы по последнему слову техники. Например, Институт химии был оборудован сложнейшей химической аппаратурой по органической, неорганической и биологической химии. Лаборатории имели микроскопы, золотую и платиновую посуду, коллоидную теплицу, интерферометры, спектрофотометры, рентгеновскую аппаратуру, сложные нагревательные приборы, колориметры, аналитические весы и другое ценнейшее оборудование.

---

[1] Статистический справочник состояния народного хозяйства и культуры Белорусской ССР к началу Великой Отечественной войны. М., 1943. С. 167, 173.

В Институте биологии имелись хорошо оборудованные лаборатории по селекции сельскохозяйственных культур, микробиологии, фитопатологии, гельминтологии, фауне позвоночных. Лаборатории имели 15 микроскопов (с увеличением до 2400 раз), термостаты, сушильные шкафы, микротомы, интерферометр, а также ценнейшие коллекции картофеля, зерновых культур, трав, фауны позвоночных и беспозвоночных Беларуси.

Институт социалистического сельского хозяйства имел хорошо оборудованные лаборатории по органической, физической, агрохимической химии, агропочвенный музей, а также библиотеку, состоящую из справочной литературы.

Институт геологии был снабжен сложнейшей аппаратурой для выполнения геологических исследований, в нем размещался геологический музей с массой геологических фондов, накопленных более чем за 20 лет.

Институт экспериментальной медицины имел современную установку для физиологических исследований, рентгеноустановку, большое количество микроскопов, автоклавы, микротомы и ряд других ценнейших приборов.

Институт торфа состоял из отдела механизации и добычи торфа, технохимического использования торфа, аналитической лаборатории, опытного торфогидролизного завода, мастерских для газогенераторных установок.

Ботанический сад Академии наук имел богатейшие коллекции растений и вел большую работу по использованию растительных ресурсов мира в условиях Беларуси. Кроме этого, Ботаническим садом были собраны ценные коллекции гербариев (около 25 тыс. гербарных листов), коллекция семян, включавшая около 10 тыс. образцов[1].

В Академии наук БССР перед началом Великой Отечественной войны были собраны богатейшие научные фонды, служившие базой для развития научно-исследовательской, научно-популяризаторской и издательской деятельности по различным разделам общественных наук. Оккупантами были вывезены археологические и этногра-

[1] Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941—1944. Минск, 1965. С. 213—214.

фические материалы Института истории АН БССР. Таким образом, исчезли ценные коллекции материалов из раскопок, собранные на протяжении многих лет, картотеки по учету памятников, большая археологическая фототека, отчеты об археологических экспедициях, дневники, чертежи, неопубликованные рукописи законченных работ[1]. Созданный при секции этнографии Института истории АН БССР рукописный архив насчитывал до войны 70 тыс. единиц этнографических описаний и фольклорных текстов. Среди этих материалов были неопубликованные собрания белорусских этнографов Е. Р. Романова (4 тома «Белорусского сборника»), А. К. Сержпутовского, И. А. Сербова, Н. Н. Чуркина и др. При секции был создан первый в Белоруссии фонограммархив. За несколько предвоенных лет было записано на фоновалики около 2 тыс. белорусских песенных напевов, народных танцев и образцов народной инструментальной музыки. Секция имела также свою фототеку, насчитывающую до 10 тыс. снимков. Была собрана вещевая коллекция из 2 тыс. предметов главным образом национальной одежды, ткачества, керамики, орудий труда. Все это бесследно исчезло[2].

Значительным книжным фондом перед началом Великой Отечественной войны обладала библиотека Академии наук БССР (около 350 тыс. единиц хранения). В ней имелись ценнейшие собрания литературы по белорусской истории, языкознанию, искусству. Как и другие библиотеки Академий наук, она брала на хранение частные библиотеки ученых. В ее фондах имелись собрания В. С. Доктуровского, М. П. Довнар-Запольского, Б. И. Эпимах-Шипиллы, Я. П. Громмера, библиотека из несвижского имения князей Радзивиллов. Все это подверглось варварскому разграблению. Ее книгохранилище, где находилась иностранная литература, было занято под склад, а книги выброшены. В дальнейшем разгрому подверглась и остальная часть библиотеки. Значительная часть книг была

---

[1] Поликарпович К.М. Археология в БССР за 30 лет // Наука в БССР за 30 лет. С. 485.

[2] Гринблат М.Я. Этнография в БССР за 30 лет // Наука в БССР за 30 лет. С. 509, 516.

вывезена гитлеровцами в Германию. Так погибла одна из крупнейших библиотек Беларуси.

Работавший до войны заместителем директора библиотеки АН БССР Б. А. Сенько так описывал состояние библиотеки академии и других библиотек Минска в годы оккупации: «С середины августа 1941 г. начал работу по охране имущества библиотеки АН БССР и в ней пробыл до 1943 г. Но в виду сильного истощения перешел в начале 1943 г. в библиотеку Минского медицинского института и ее охранял до осени 1943 г., когда стал работать на книжном складе (склад образовался из остатков библиотек Политехнического института, Института народного хозяйства, Белпедучилища и др.) на площади Свободы. В апреле 1944 г., после того как ... книжного имущества было вывезено фашистскими захватчиками в Германию, остатки его они передали Белорусской Центральной Раде и одновременно передавался штат библиотек (с середины 1942 г. и до апреля 1944 г. все библиотеки и книжные склады находились в ведении Генерального Комиссариата). Центральная Рада предполагала открыть библиотеку, конечно, с определенным направлением работы»[1].

Чрезвычайной Государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, расследовавшей преступления гитлеровцев в Минске, было установлено, что разграбление библиотеки АН БССР и других библиотек города проходило под руководством представителя немецкого генерального комиссариата в Беларуси, шефа по так называемым культурным делам доктора Сивицы и докторов Рихеля, Мюллера, Коха, Маха и др. В денежном выражении ущерб, нанесенный библиотеке АН БССР, выражался в сумме 4876,5 тыс. руб.[2]

Значительно пострадал архив Академии наук, который также не успели вывезти. Так, например, исчезли такие важные для изучения ее истории документы, как протоколы заседаний Общих собраний академии за 1929—1941 гг., годовые отчеты за этот же период, личные дела многих

[1] ЦНА НАНБ, ф. 2, оп. 1, д. 1727, л. 3.
[2] Там же, ф. 1, оп. 1, д. 110, л. 11.

академиков. Вероятно часть архива погибла из-за отсутствия надлежащего хранения. Но, как сообщала издававшаяся в оккупированном Минске «Беларуская газэта» (1943 г., 7 авг.), еще в 1942 г. из Минска в Вильнюс было вывезено 20 вагонов архивных материалов так называемого Виленского архива. При его разборе в Вильнюсе были «обнаружены материалы Белорусской академии наук». Дело в том, что в январе 1941 г. в Минск были доставлены архивные материалы бывшего Виленского центрального архива древних актов. Они были переданы на хранение в Академию наук, и этот архив получил название «Исторический архив Академии наук БССР», директором которого стал Казимир Бонгайтис[1].

Осенью 1943 г. все оставшееся имущество из зданий Академии было выброшено и перевезено в сарай контрольно-семенной станции. Эта акция проводилась под руководством докторов Шварца и Шнейдера. В мае 1944 г. были отправлены в Германию остатки сохранившегося имущества АН БССР. В довершении к перечисленным злодеяниям, оставляя Минск, гитлеровцы сожгли главный и лабораторный корпуса Академии наук, лабораторное здание Ботанического сада и 30-квартирный жилой дом, принадлежавший АН БССР[2].

Грабеж культурных и научных ценностей достиг таких масштабов, что даже президент марионеточной Белорусской центральной рады Р. Островский обратился к генеральному комиссару Беларуси Готтбергу с письмом, в котором констатировал, что немецкими властями из Минска вывезены химическая лаборатория бывшей Академии наук, геологические экспонаты, микроскопы и научные библиотеки бывших вузов и НИИ Беларуси, уничтожены экспонаты зоологического музея, в том числе редкий экземпляр чучела зубра. А к тому, что немцы не считают необходимым вывезти в Германию, они относятся «вельмі нядбайна», отмечал Л. Р. Островский. При этом он зная истинное отношение населения захваченной Беларуси к

[1] Веды. 2001. 30 июня.

[2] Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии 1941—1944 г. С. 215.

Главный корпус АН БССР. Июль 1944 г.

оккупантам, лицемерно сетовал, что «все это вместе взятое создает у нашего народа недобрую мысль относительно немцев и не способствует развитию добрых отношений между нашими народами»[1].

Единственным учреждением Академии наук, продолжившим в той или иной мере функционирование в период оккупации, являлся Ботанический сад. Следует отметить, что оккупационные власти не закрывали на территории Беларуси учреждения сельскохозяйственного профиля. Так, продолжали, например, свою работу Институт болотного хозяйства, опытные сельскохозяйственные станции. Ботанический сад входил в состав отдела культуры и просвещения Минского городского комиссариата. Его руководителем был назначен бывший директор Института торфа АН БССР академик Г. И. Ануфриев. Заместителем директора Ботанического сада являлся А. Е. Сюбаров, ученым секретарем — З. С. Тарасенко, заведующим отделом — член-корреспондент АН БССР (в последствии академик) М. П. Томин. Всего в штате на декабрь 1942 г. числилось 47 человек, большая часть из которых являлась хозяйственными работниками.

Материальное положение их было сложным, впрочем как и всех жителей Минска. Об этом, например, свидетельствует заявление бывшего бухгалтера Ботанического сада Ж. Яковлевой на имя Г. И. Ануфриева, датированное концом июля 1941 г.: «24 июня придя с работы я уже за-

[1] Веды. 2001. 30 июня.

стала свой дом в пламени — спасти ничего не смогла — осталась нищею. Прошу директора войти в мое исключительное положение и помочь мне в настоящий момент. Выделите мне сколько возможно картошки — я голодаю и поэтому обращаюсь к Вам с такой просьбой»[1].

Около 20 работников Ботанического сада вынуждены были держать коров, которые паслись на его территории.

По настоянию оккупационных властей на территории Ботанического сада уже в 1942 г. было выделено 24 га земель, предназначенных для посевов картофеля, овощей, гречихи, овса и других сельскохозяйственных продуктов, которые вынуждены были поставлять и для нужд Германской армии[2]. Ученый секретарь Ботанического сада Н. Д. Нестерович писал в 1947 г.: «Вред, нанесенный немецкими варварами, настолько велик, что не поддается учету. То, что создавалось в течение десяти лет упорным трудом, или уничтожено или обесценено»[3].

Член-корреспондент М. П. Томин, работавший весь период оккупации Минска в Ботаническом саду, писал после войны, что в 1943 г. была произведена реорганизация сада. Большая его часть была передана в введение лесного отдела областного комиссариата и директором оставлен академик Г. И. Ануфриев, а меньшая, около 12 га перешла в ведение Генерального комиссариата, и он был назначен ее научным руководителем. В состав этой меньшей части вошли 2 оранжереи и предлагалось проведение научной работы. Большую же часть сада, около 20 га, планировалась раскорчевывать и занять под сельскохозяйственные культуры и огороды[4].

Еще 12 марта 1943 г. Бюро ЦК КПБ(б)Б, в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 5 марта 1943 г., постановило образовать Комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным организациям

---

[1] НАРБ, ф. 381, оп. 1, д. 38, л. 3—4.
[2] ЦНА НАНБ, ф. 25, оп. 1, д. 13, л. 210.
[3] Природа. 1947. № 10. С. 20.
[4] ЦНА НАНБ, ф. 2, оп. 1, д. 2305, л. 10—11.

и учреждениям на временно оккупированной территории БССР. В состав комиссии вошли П. К. Пономаренко (председатель, первый секретарь ЦК КП(б)Б, С. Былинский (СНК БССР), Н. Я. Наталевич (Верховный Совет БССР), Т. С. Горбунов (секретарь ЦК КП(б)Б по пропаганде), С. О. Притыцкий (ЦК ЛКСМБ), а также вице-президент АН БССР академик К. М. Мицкевич (Якуб Колас) и член-корреспондент АН БССР С. М. Мелких[1].

После освобождения Минска, в сентябре 1944 г., была организована в Минске комиссия по определению ущерба, нанесенного Академии наук, возглавляемая президентом АН БССР К. В. Горевым. Этой же комиссией, с привлечением экспертов-свидетелей кандидата химических наук А. И. Скригана и механика И. Ф. Христенко (находились на временно оккупированной территории) был произведен учет ущерба, нанесенного оккупантами опытному торфогидролизному заводу АН БССР. Дополнительно была создана комиссия по учету ущерба, нанесенного опытной сельскохозяйственной станции АН БССР в «Устье» Оршанского района.

На основании представленных комиссиями актов общий ущерб, нанесенный Академии наук БССР, был определен в сумме 304 090 тыс. руб., в том числе по учреждениям Академии наук он выражался в сумме 295 456 тыс. руб., опытному торфогидролизному заводу — 4306 тыс. руб. и опытной сельскохозяйственной станции «Устье» — 4328 тыс. руб.[2]

Обобщенные сведения об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками АН БССР, представлены в таблице.

Сразу же после освобождения советскими войсками Минска началась подготовка к реэвакуации академии наук БССР. Уже 6 июля 1944 г. на заседании Бюро ЦК КП(б)Б были рассмотрены вопросы деятельности Академии. Бюро ЦК КП(б)Б одобрило решение Президиума АН БССР о восстановлении Института истории и Инсти-

[1] НАРБ, ф. 4, оп. 3. д. 1249, л. 85.
[2] ЦНА НАНБ, ф. 1, оп. 11, д. 110, л. 5.

Таблица 1. **Стоимость уничтоженного, разрушенного, разграбленного и поврежденного имущества, руб.***

Имущество	Восстановительная стоимость полностью уничтоженного, разрушенного, разграбленного имущества	Размер затрат, необходимых для восстановления частично поврежденного имущества, руб.	Общий размер ущерба, руб.
Здания хозяйственного назначения	502 362		502 362
Жилые здания	250 791	1 155 004	1 605 795
Здания культурно-бытового назначения	156 646	8 033 794	8 190 440
Прочие здания и постройки	323 953		323 953
Сооружения	1 285 689		1 285 689
Оборудование и транспортные средства	4 185 647		4 185 647
Многолетние насаждения	2 334 823	130 000	2 464 823
Рабочий и продуктивный скот	695 714		695 714
Топливо, материалы и готовые продукты	103 945		103 945
Сырые сельскохозяйственные продукты	136 500		136 500
Посевы и незавершенные производства в сельском хозяйстве	1 871 148		1 871 148
Денежная наличность	100 000		100 000
Ущерб, причиненный земельным угодьям и лесам	—	215 000	215 000
Всего	282 059 719		282 059 719
В том числе:			
исторический архив	250 000		250 000
библиотека	4 875 600		4 876 500
Всего	294 206 937	9 533 796	303 740 735

* ЦНА НАНБ, ф.1, оп. 1, д. 110, л.10—11.

тута литературы, языка и искусства. На этом же заседании было принято решение о восстановлении аспирантуры при АН БССР. Академии было разрешено возобновить издание «Известий Академии наук БССР» периодичностью 6 выпусков в год, объемом 10 печатных листов[1].

5 августа 1944 г. Президиум АН БССР, находящийся тогда еще в Москве, рассмотрел вопрос о мероприятиях по подготовке реэвакуации академии наук в Минск. Президиум академии наметил ряд мер, направленных на обеспечение быстрейшего переезда ее в Минск. В частности, директораинститутовируководителигруппобязывалисько-мандировать в Минск бригады, на которые возлагалась задача по подготовке рабочих помещений для институтов и собиранию оставшегося имущества академии (руководство АН БССР еще не имело полного представления о масштабах разграбления академии). Одновременно Президиум АН БССР обратился к Академии наук СССР, Московской сельскохозяйственной академии, Московскому институту торфа и другим научным учреждениям Москвы с просьбой о выделении для нее в порядке помощи лабораторного оборудования и книг. Директорам институтов АН БССР было предложено использовать возможность изготовления оборудования в мастерских Москвы. Было также принято решение об организации при АН БССР мастерских для обслуживания подготовительных работ по восстановлению академии. Для руководства работой по подготовке переезда Академии наук БССР в Минск был командирован член Президиума АН БССР В. Н. Лубяко и ученый секретарь Президиума АН БССР В. И. Шемпель. Реэвакуацию акдемии в Минск намечалось закончить к 1 ноября 1944 г.[2]

Однако, установленный Президиумом АН БССР срок реэвакуации академии в Минск оказался нереальным, и главным образом потому, что отсутствовали необходимые помещения для размещения институтов и жилья для их сотрудников. Здания АН БССР были разрушены, а предоставленное ей здание по улице Московской, 19, нуждалось в капитальном ремонте.

---

[1] НАРБ, ф. 4, оп. 61, д. 48, л. 6—7.

[2] ЦНА НАНАБ, ф. 1, оп. 54, д. 500, л. 33—37.

Академик АН БССР В. Н. Лубяко и ученый секретарь Президиума АН БССР В. И. Шемпель были приняты в Минске председателем Совнаркома БССР П. К. Пономаренко. Итогом состоявшейся беседы явилось то, что правительство республики внимательно отнеслось к нуждам академии. 26 августа 1944 г. Совнарком БССР принял постановление «О возобновлении деятельности Академии наук БССР в г. Минске»[1]. Согласно постановлению, для проведения реэвакуации АН БССР из Москвы в Минск, создавалась комиссия в составе заместителя СНК БССР К. В. Киселева, вице-президента АН БССР В. А. Леонова, ученого секретаря Президиума АН БССР В. И. Шемпеля и председателя исполкома Минского городского Совета депутатов трудящихся К. Бударина. Комиссии поручалось установить порядок реэвакуации АН БССР в Минск и наметить мероприятия по восстановлению зданий академии. В постановлении правительства республики подтверждалось, что за Академией наук закрепляются все ранее принадлежавшие ей земельные территории, здания и постройки, жилые помещения.

Временно АН БССР, распоряжением правительства, были предоставлены помещения для размещения научных учреждений в зданиях Института болотного хозяйства (с лабораторным оборудованием) и Института физкультуры[2]. Для обеспечения жилплощадью работников науки решением Совнаркома БССР в сентябре 1944 г. за Академией наук были закреплены 2 жилых дома в Минске[3].

31 октября 1944 г. СНК БССР и ЦК КП(б)Б приняли постановление «О мероприятиях по возобновлению работы Академии наук БССР»[4]. Согласно этому постановлению, полностью восстанавливалась существовавшая до войны сеть научно-исследовательских учреждений АН БССР. Академии наук было разрешено провести в IV квартале 1944 г. набор в кандидатскую аспирантуру в количестве 76 человек и возобновить подготовку высококвалифици-

---

[1] НАРБ, ф. 7, оп. 3, д. 21, л. 125—126.
[2] ЦНА НАНБ, ф. 1, оп. 54, д. 500, л. 39—40.
[3] НАРБ, ф. 7, оп. 3, д. 22, л. 94.
[4] Там же, ф. 4, оп. 61, д. 91, л. 18—19.

рованных научных кадров через докторантуру. В план первоочередного строительства на 1945 г. было включено восстановление главного корпуса АН БССР и 30-квартирного жилого дома. Наркомторг БССР обязывался организовать для сотрудников столовую и магазин, а Управление полиграфии и издательства при СНК БССР восстановить издательство и типографию. Постановление обязывало Наркомфин БССР ассигновать Академии наук дополнительно к смете расходов на 1944 г. по заработной плате 200 тыс. руб., на подъемные — 200 тыс. руб., оборудование лабораторией и хозяйственное оборудование — 450 тыс. руб., и ассигновать на 1945 г. 400 тыс. руб. на восстановление книжного фонда фундаментальной библиотеки Академии наук. Решением правительства БССР, принятым в марте 1945 г., Наркомат жилищно-гражданского строительства обязывался произвести ремонт выделенного АН БССР здания по улице Московской, 19[1].

О трудных материальных условиях, в которых приходилось восстанавливать работу академии в Минске, говорит хотя бы такой факт: протоколы заседаний Президиума АН БССР печатались на обороте немецких карт.

В не менее сложных условиях находились и сами научные сотрудники. Поэтому Президиум АН БССР вынужден был в 1945 г. обратиться в Центральный Комитет Красного Креста СССР с просьбой выделить сотрудникам академии: одежду, обувь, постельные принадлежности и другие предметы первой необходимости[2].

Расходы по государственному бюджету БССР в 1945 г. на восстановление и организацию социально-культурных мероприятий предусматривались в сумме 1291,1 млн руб., или более половины всего бюджета республики и почти достигали довоенного уровня. На содержание научно-исследовательских учреждений было отпущено в 1945 г. 29,5 млн руб., в том числе на содержание Академии наук БССР 9,1 млн руб.[3]

---

[1] НАРБ, ф. 7, оп. 3, д. 52, л. 167.

[2] ЦНА НАНБ, ф. 1, оп. 1, д. 24, л. 233—233 об.

[3] Седьмая сессия Верховного Совета БССР. Стенографический отчет. Минск, 1947. С. 29—30.

Большую помощь в восстановлении материально-технической базы Академии наук республики оказали научные учреждения страны. Так, по просьбе АН БССР, Главным управлением научно-исследовательских учреждений Народного Комиссариата Земледелия СССР было дано указание директорам научно-исследовательских институтов, подчиненным наркомату, о выделении части оборудования для научных учреждений Академии наук БССР. Среди научно-исследовательских учреждений Наркомата земледелия СССР, которым было предложено выделить оборудование, были Зональный институт зернового хозяйства нечерноземной полосы (г. Москва), Институт зернового хозяйства Юго-Востока (г. Саратов), Всесоюзный хлопковый институт (г. Ташкент), Азербайджанский институт земледелия (г. Кировобад) и др.[1]

Ученые страны лично обращались в Академию наук Беларуси с предложением об оказании посильной помощи ученым республики в развитии научных исследований. Например, в 1943 г. к президенту АН БССР К. В. Гореву обратился с письмом доктор биологических наук Б. А. Кузнецов: «... горячее желание помочь стране в сложном деле восстановления разрушенного немцами хозяйства западных областей, заставляет меня предложить Белорусской Академии наук использовать меня для организации и непосредственного участия в работе по изучению фауны БССР»[2]. С предложением включиться в выполнение планов научных исследований Академии наук республики обратились к руководству АН БССР в 1943 г. профессора Ф. Я. Бахтеев и А. В. Федюшин, работавшие в академии с 1930-х годов[3]. Профессор Московского педагогического института Е. Б. Бабский в начале 1945 г. изъявил желание, в порядке общественной нагрузки вести работу по подготовке к защите диссертации с 2 аспирантами и 2 докторантами, командированными к нему из Беларуси.

Продолжалась работа по восстановлению книжного фонда библиотеки академии. В сентябре 1944 г. Президи-

---

[1] ЦНА НАНБ, ф. 1, оп. 10, д. 100, л. 13.
[2] Там же, оп. 9, д. 89, л. 163.
[3] Там же, л. 137, 139—139 об.

ум Академии наук СССР, в целях оказания помощи АН БССР, постановил выделить для ее библиотеки 30 тыс. книг. В соответствии с этим решением в Москву выезжали сотрудники библиотеки АН БССР во главе с ее директором И. Б. Симоновским, которые отобрали только в ноябре—декабре 1944 г. в библиотеках более 8 тыс. книг. Кроме того, продолжался отбор дубликатов в библиотеке Отделения общественных наук АН СССР, где к концу 1944 г. было отобрано до 15 тыс. книг. Налажен был также отбор книг в фундаментальной библиотеке академии в Ленинграде[1]. Постановлением СНК СССР от 15 ноября 1944 г. библиотека АН БССР была включена в число библиотек, получающих обязательный экземпляр произведений печати СССР, что обеспечило ей широкие перспективы роста и гарантировало поступление всей книжной продукции[2]. За полтора года после освобождения Минска библиотека Академии наук восстановила половину своего довоенного фонда. На конец 1945 г. в ней имелось до 170 тыс. книг и журналов.

Академией наук БССР велась активная работа по разыскиванию научного оборудования и книг, принадлежавших ей и исчезнувших в годы оккупации Минска. В марте 1944 г. президент АН БССР К. В. Горев обратился с докладной запиской в ЦК КП(б)Б и СНК БССР, в которой он поставил вопрос о необходимости принятия срочных мер для отыскания и возвращения похищенных гитлеровцами у академии имущества и использования немецких источников в целях компенсации той части ценностей, которые не могли быть восстановлены[3]. В Академию наук поступали сведения о том, что часть этих ценностей, таких как оборудование и научные материалы институтов торфа и геологии, вывезены в Познань, другая часть — в различные места Восточной Пруссии, Силезии, Померании и Бранденбурга. Из разграбленного Института социалистического сельского хозяйства АН БССР были похищены и вывезены в Германию многие ценные образцы и новые выведенные сорта различных сельскохозяйствен-

[1] ЦНА НАНБ, ф. 1, оп. 10, д. 92, л. 44 об. — 45.
[2] Там же, л. 45 об.; д. 100, л. 43.
[3] НАРБ, ф. 7, оп. 3, д. 1732, л. 8—9.

ных культур, за которыми специально охотились гитлеровские «ученые». Кроме того, из Академии наук были похищены многие рукописи, содержащие последние достижения в различных областях науки. Некоторые из них были опубликованы в немецких изданиях и использовались в различных областях немецкого хозяйства.

Возвращению имущества Академии наук БССР содействовали воины Красной Армии. Так, в марте 1945 г. на имя председателя СНК БССР П. К. Пономаренко поступила телеграмма от депутата Верховного Совета БССР, генерал-майора Ф. Ф. Дубровского, в которой он сообщал, что в Восточной Пруссии близ города Штатгард в замке Пензин советскими воинами были обнаружены 28 ящиков с книгами из фондов библиотеки АН БССР[1]. Одновременно было получено аналогичное сообщение об обнаружении ценностей от капитана Д. Р. Новикова, часть которого захватила замок Пензин. Президент АН БССР К. В. Горев немедленно обратился с письмом к командующему войсками 1-го Белорусского фронта маршалу Советского Союза Г. К. Жукову с просьбой оказать содействие в отправке ценностей Академии наук БССР в Минск[2]. Вскоре книги из библиотеки были возвращены в столицу Беларуси.

Сейчас, как самая ценная реликвия в Центральной научной библиотеке НАН Беларуси хранится одна из книг с надписью на титульном листе, сделанной советскими воинами в марте 1945 г.: «Эти книги мы, фронтовики, отбили у немцев и отправили на Родину». На доске почета библиотеки увековечены имена воинов, спасших книги: старшего лейтенанта Янковского, лейтенантов Фунтикова, Вотинцева[3].

По заданию ЦК КП(б)Б в июле 1945 г. в Группу советских войск в Германии были направлены несколько человек с задачей доставить литературу, принадлежавшую белорусским библиотекам и вывезенную фашистскими оккупантами из Беларуси. Эта литература находилась в городах Ратибор, Познань, Мысловицы. Для ее перевозки потре-

---

[1] НАРБ, ф. 4, оп. 47, д. 47, л. 116; ф. 7, оп. 3, д. 1732, л. 105.
[2] ЦНА НАНБ, ф. 1 а, оп. 1, д. 24, л. 276 об., 381.
[3] Вечерний Минск. 1980. 13 марта.

АКАДЭМІЯ НАВУК БЕЛАРУСКАЙ СОВЕЦКАЙ СОЦЫЯЛІСТЫЧНАЙ РЭСПУБЛІКІ

АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Гор. Минск ._____._____194 __г.

товарищу НОВИКОВУ Д.Р.

/полевая почта 28907 /

Получив Ваше письмо от 11 апреля с.г. по поводу обнаруженного книжного фонда и других ценностей Академии Наук БССР в районе гор. Штергарта, Президиум Академии Наук Белорусской ССР выражает Вам глубокую благодарность за внимание и заботы, которые Вы уделяете вопросу возврата соответствующим организациям принадлежащих им культурных ценностей, вывезенных немецко-фашистскими захватчиками.

ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК БССР /акад. ГОРЕВ К.В./

Письмо президента АН БССР К.В.Горева капитану Д. Р. Новикову с благодарностью за обнаружение в Германии части книжного фонда библиотеки АН БССР

бовалось более 50 железнодорожных вагонов[1]. В сентябре 1945 г. начальник Политуправления Северной группы войск, генерал-лейтенант А. Окороков сообщил в СНК БССР, что для перевозки литературы, принадлежащей библиотекам Белорусской ССР, обнаруженной на территории, занятой войсками группы, потребуется 30 вагонов[2].

Сама академия направила в июне 1945 г. научного сотрудника А. П. Пидопличко в Познань, где как выяснилось после освобождения города, оказалась часть вывезенной туда библиотеки известного русского болотоведа, профессора В. С. Доктуровского, приобретенная АН БССР перед войной, а также часть имущества институтов торфа и геологии[3]. В августе 1945 г. в Берлин для выполнения правительственных заданий были командированы сотрудники академии Д. К. Мицкевич, Л. А. Кравцов, В. С. Первозванский, В. С. Шиманский и К. В. Хатышев[4]. В августе 1945 г. заместителю директора Института торфа АН БССР Ф. К. Дубовскому и старшему научному сотруднику Н. И. Булгакову были переданы полковником, профес-

[1] НАРБ, ф. 7, оп. 3, д. 1732, л. 92.
[2] Там же, л. 91.
[3] Там же, л. 35.
[4] ЦНА НАНБ, ф. 1, оп. 1, д. 22, л. 2.

сором А. И. Петрусовым найденные им в Кенигсбергском университете архивные документы, вывезенные гитлеровцами из БССР. Среди этих материалов были чертежи торфяных машин, разработки проектов на ватмане и другие комплекты чертежей[1].

В порядке репарации и закупок Академия наук получала и немецкое оборудование. Однако политика советской администрации в Германии разительно отличалась от действий гитлеровцев на оккупированной ими территории СССР. Об этом свидетельствует письмо президента АН БССР К. В. Горева, посланное в декабре 1945 г. уполномоченному АН БССР по оформлению заказов на оборудование в Германии К. В. Хатышеву, в котором говорилось: «АН БССР заключен договор с фирмой Шоппер, находящейся в Лейпциге, на сумму 100 тыс. марок. Этот договор передан нами для оформления его советской администрацией. Прошу... принять все меры для расчетов с этой фирмой по мере выполнения заказов на оборудование»[2].

Ученые Академии наук БССР приняли активное участие в работе по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. В марте 1945 г. Президиум АН БССР принял решение поручить институтам истории, литературы, языка и искусства принять непосредственное участие в работах по изучению и освещению в печати преступлений немецко-фашистских захватчиков, направленных на уничтожение культурного достояния Беларуси, и Института теоретической и клинической медицины — начать изучение травматического материала (трупов военнопленных и мирного населения). Был составлен план экспедиций по собиранию материалов и раскопкам мест захоронения жертв фашистского террора. Для руководства этой работой при Президиуме АН БССР была создана комиссия под председательством вице-президента В. А. Леонова[3].

Быстро восстанавливалась сеть высших учебных заведений Беларуси. В 1944 г. СНК СССР принял решение о

---

[1] ЦНА НАНБ, ф. 1, оп. 1, д. 24, л. 208.
[2] Там же.
[3] Там же, д. 502, л. 73.

Белорусская Советская Социалистическая Республика

СОВЕТ НАРОДНЫХ НАМІСАРАЎ | СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

№ В/№ _____ г. Минск 14 июня 1945 г.

Стенд. № 141

Удостоверение №

ПРЕЗИДЕНТУ БЕЛОРУССКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

тов.ГОРЕВУ

Совет Народных Комиссаров Белорусской ССР просит представить в СНК БССР список научного оборудования, необходимого для институтов А.Н.БССР. Список необходим как приложение к ходатайству перед СНК СССР об отпуске Академии наук Белоруссии валютных средств для приобретения заграничного оборудования.

ЗАМ.ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СНК БССР /Ильюшин/

Письмо зам. Председателя СНК И. М. Ильюшина президенту АН БССР К. В. Гореву

возобновлении деятельности Белорусского политехнического института, Белорусского лесотехнического института, Белорусского института народного хозяйства, Минского юридического института, Белорусского института физической культуры, Могилевского, Витебского, Минского, Гомельского педагогических институтов, Витебского ветеринарного института и других высших учебных заведений. К концу войны высшие учебные заведения Беларуси были восстановлены почти полностью[1].

Тяжелые материальные потери понес Белорусский государственный университет — крупнейшее высшее учебное заведение республики. До войны в БГУ имелось 6 факультетов и 33 кафедры. Педагогическую и научную работу вели 17 профессоров, 41 доцент, 42 старших преподавателя, 28 преподавателей, 23 ассистента. Количество студентов в 1940—1941 учебном году составляло более 1300 человек. Университет имел газовый завод, ряд производственных мастерских при факультетах, в нем действовало 45 научных лабораторий, которые были обору-

[1] Круглянский И. Г. Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 123.

дованы ценными аппаратами и приборами отечественного и зарубежного производства. В БГУ были созданы минералогический, зоологический, ботанический и почвенно-геологические музеи, которые имели общереспубликанский статус. Белгосуниверситет размещался в 3 новых корпусах, имел 6 общежитий для студентов и 40-квартирный дом для профессоров и преподавателей. В годы войны все оборудование, реактивы и ценные экспонаты музеев почти целиком были уничтожены или вывезены в Германию[1].

В докладной записке комиссии БГУ Чрезвычайной государственной комиссии так описывалось состояние университета в годы оккупации: «После ухода из города военных частей (лето 1941 г.) в университете можно было наблюдать картину полного разгрома. Все валялось на полу в истоптанном, в изуродованном состоянии, загаженным, разбитым, разорванным. Но ценного здесь уже ничего не было. Лучшие аппараты и приборы изломаны или увезены целиком, сотни микроскопов (заграничных) из всех корпусов исчезли, или валялись одни штативы от них, без оптических частей. <...> С приходом гражданских (оккупационных) властей (сентябрь 1941 г.) из биологического корпуса кое-какие остатки оборудования были переброшены в химкорпус. Сюда же были свалены остатки оборудования из медицинского корпуса и Института народного хозяйства (старый корпус), здание которого заняло гестапо. Химический корпус в это время представлял собою свалку Университетского городка. <...> Последнее пристанище имущество Университетского городка при немцах нашло в деревянном сарае на Витебской улице в виде груды лома и хлама»[2].

С освобождением Минска начался новый период в деятельности БГУ. Уже в конце июля 1944 г. в Минск выехала группа преподавателей и студентов в количестве 75 человек для подготовки зданий университета к занятиям. 1 августа 1944 г. было принято постановление СНК БССР и ЦК КП(б)Б «О реэвакуации Белорусского государствен-

---

[1] Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны універсітэт у гады Вялікай Айчынай вайны. 1941—1945. Мінск, 2005. С. 9.

[2] Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941—1944. С. 187—188.

ного университета из Московской области в Минск». Согласно ему, за БГУ закреплялись ранее занимавшийся им и сохранившийся физико-математический корпус и дом № 9 на Витебской улице, другие учебные корпуса, а также сохранившиеся постройки на территории Университетского городка (газовый завод, 4 барака, гараж и складское помещение). Наркомпрос БССР и ректор БГУ должны были к 15 августа 1944 г. разработать предложения о восстановлении университетского городка и представить их на рассмотрение СНК БССР[1].

В Минске учебный процесс в Белгосуниверситете начался в ноябре 1944 г. В отчете ректора университета П. П. Савицкого за первое полугодие 1944—1945 учебного года указывалось, что в начале полугодия количество студентов вместе с подготовительным отделением равнялось 750. По состоянию на 1 марта 1945 г. профессорско-преподавательский состав состоял из 23 профессоров, 39 доцентов, 19 старших преподавателей, 10 преподавателей и 12 ассистентов, всего из 103 человек. «Работа университета в первом семестре 1944/45 учебного года проходила в весьма тяжелых условиях. В дальнейшем университет нуждается, в целях восстановления своей работы и превращения в ведущий вуз республики, в решительной поддержке и помощи со стороны руководящих центральных советских и партийных организаций. Эта помощь должна осуществляться по линии скорейшего создания необходимой базы для учебной работы — помещения, а также оборудования лабораторий и кабинетов. Университет крайне нуждается в специалистах высшей квалификации — профессорах по физике, математике, литературе и т. д.»[2]

Немецкие оккупанты сожгли учебные и жилые корпуса Белорусского политехнического института, а оборудование кабинетов и лабораторий вывезли в Германию. Была разграблена и вывезена библиотека института, являвшаяся одной из крупнейших технических библиотек республики. В сентябре 1944 г. Совнарком БССР принял поста-

---

[1] Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны універсітэт у гады Вялікай Айчынай вайны. С. 115—116.

[2] Там жа. С. 119—120.

новление о возобновлении деятельности Белорусского политехнического института. Однако восстановление института и возобновление его работы было сопряжено с преодолением ряда трудностей. Институт не имел своего учебного и жилого фонда, не хватало учебников, учебных пособий, лабораторного оборудования, мебели и учебного инвентаря. Не было достаточного количества студентов, научно-педагогических кадров. На 1 января 1945 г. в институте было всего 22 преподавателя и 300 студентов. Учебные занятия в институте начались только 1 марта 1945 г.[1]

Возобновленные работы Белорусского политехнического института стало важным событием в жизни республики. Институт начал подготовку инженерных кадров для народного хозяйства страны по 8 специальностям. Учитывая важность подготовки высококвалифицированных инженерных кадров и перспективы развития Белорусского политехнического института, он был отнесен в марте 1945 г. к учебным заведениям первой категории[2].

Старейшее в Белоруссии высшее учебное заведение — Белорусская сельскохозяйственная академия размещалась в г. Горки Могилевской области. Город был захвачен немецкими войсками 12 июля 1941 г. Оккупанты разместились и на территории вузовского городка. Административный корпус академии был превращен в винокуренный завод. В нижнем этаже этого корпуса помещался коровник. Клуб вуза сначала был использован под лагерь для военнопленных. Позже немецкие солдаты здание клуба разобрали, а бревна использовали как строительный материал для оборонительных сооружений.

За 3 года хозяйничания оккупанты разграбили и вывезли в Германию все ценное оборудование, уничтожили вегетационные домики и оранжереи, разорили учебно-опытное хозяйство. За несколько дней до бегства было взорвано здание библиотеки академии. Весь племенной и рабочий скот, машинотракторный парк и другие ценности были увезены в Германию или уничтожены. По подсчетам Государственной комиссии, общий ущерб, причи-

---

[1] Белорусский ордена Трудового Знамени политехнический институт. Минск, 1974. С. 23—24.

[2] Там же. С. 25.

ненный немецкими оккупантами Белорусской сельскохозяйственной академии, исчислялся в 146 млн руб.[1]

С конца 1944 г. восстановил свою работу Витебский ветеринарный институт, а также Белорусская научно-исследовательская ветеринарная опытная станция, находящаяся в Витебске.

Белорусский государственный институт народного хозяйства им. В. В. Куйбышева предполагалось восстановить еще в 1943 г. на базе Московского института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. Однако стремительное продвижение Красной Армии на запад и освобождение Беларуси от гитлеровских оккупантов сделали возможным восстановление института непосредственно в Минске. Это было непростой задачей, так как институт практически лишился своей учебной базы. Гитлеровцы при отступлении полностью разрушили учебный корпус института по Земледельческому переулку, 7, в котором в годы оккупации размещалась их служба безопасности (СД). Были разрушены жилые дома профессорско-преподавательского состава, все студенческие общежития (чудом сохранился только 4-этажный кирпичный дом по ул. Революционной, 23). Фашисты разграбили и вывезли в Германию оборудование учебного корпуса, кафедр, кабинетов, лабораторий, сожгли крупнейшую в республике библиотеку экономической литературы. Общий ущерб, нанесенный институту оккупантами, составил (в ценах того времени) 14 млн 597 тыс. руб.[2]

Правительство республики предпринимало все возможное для быстрейшего восстановления единственного в БССР экономического вуза. Разрушенный до основания учебный корпус института не подлежал реставрации, и СНК БССР своим постановлением закрепил за институтом здание средней школы № 12, для проведения занятий в вечернюю смену. Директор, деканы, канцелярия института временно размещалась в одной комнате в Доме правительства. В октябре 1944 г. Белорусский государственный институт народного хозяйства им. В. В. Куйбышева

[1] Белорусская сельскохозяйственная академия... С. 158.

[2] Белорусский государственный экономический университет... С. 49.

возобновил работу, а с 1 марта 1945 г. начались регулярные учебные занятия[1].

Во второй половине 1944 г. был реэвакуирован из Свердловска в Гомель Белорусский лесотехнический институт. Учебные корпуса были полностью разрушены, поэтому институт на арендных началах по договору разместился в здании Гомельского пединститута. В короткое время учебное оборудование кафедр и библиотеку, возвращенные из Свердловска, коллектив института привел в рабочее состояние. В это время штат научно-педагогических работников составлял 40 человек, из них 5 профессоров, 17 доцентов, 12 старших преподавателей и 6 ассистентов. Учебные занятия в институте возобновились с 1 ноября 1944 г.[2]

Немецко-фашистские захватчики нагло и открыто проводили «тотальное» разграбление оккупированных территорий. Заводы, фабрики и другие предприятия были объявлены собственностью фашистского государства и немецких монополий. Оккупационный аппарат с помощью воинских частей выявлял и отправлял в Германию промышленное оборудование, сырье, сельскохозяйственную продукцию, культурные ценности, а также научное оборудование и имущество научно-исследовательских учреждений и вузов.

Восстановление народного хозяйства Белорусской ССР началось сразу после освобождения. Вся страна, все братские республики считали своим долгом прийти на помощь освобожденным районам Беларуси. Уже в 1944 г. в республике функционировало 22 высших учебных заведения. В 1945 г. возобновили свою работу 38 научных учреждений из 51, существовавших в 1940 г.[3] Таким образом, еще в условиях продолжающейся войны, учреждения науки и высшего образования, несмотря на огромные потери в материальной сфере, благодаря самоотверженным усилиям ученых и профессорско-преподавательского состава, при постоянной поддержке государственных органов республики смогли в достаточно короткие сроки не только возобновить свою деятельность, но и успешно решать возложенные на них задачи.

---

[1] Белорусский государственный экономический университет... С. 50.

[2] Там же. С. 13.

[3] Беларусь в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. Минск, 2005. С. 489, 492.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уничтожая культурные ценности народов Европы, отказывая гражданам оккупированных стран в полноценном образовании, обрекая на гибель тысячи деятелей науки и культуры, нацисты совершали тяжелые преступления перед человечеством. Как подчеркивает видный российский историк М. И. Семиряга, идейной основой этих злодеяний была фашистская расовая теория, основоположники и последователи которой проповедовали, будто подлинными творцами культуры могут быть лишь арийские народы. Наличие высокого уровня культуры и науки, духовных ценностей у «неарийцев» объявлялось фашистами редким исключением или объяснялось влиянием арийских элементов.

Именно с таких позиций выстраивалась нацистская оккупационная политика в социально-культурной сфере в захваченных регионах Советского Союза, в том числе и на белорусской земле. Культура, научные достижения восточнославянских народов рассматривались завоевателями как одно из препятствий к выполнению планов достижения господства в мире. Понятно, что фашисты такое препятствие намеревались устранить. Все иное в немецкой оккупационной политике было всего лишь тактическим маневрированием, пропагандистскими акциями.

В этой связи представляется полностью адекватной действительности оценка ситуации в оккупированной Беларуси, выраженная в ноябре 1943 г. в докладной записке из Отделения общественных наук АН БССР, действовавшей в эвакуации, в правительственные органы республики, находившиеся в Москве: «Немцы развивают в пределах Бе-

лоруссии бешеную агитацию... Смехотворно-наглый характер этой агитации, конечно, не мог повлиять даже на самые отсталые слои белорусского населения. Попытки немцев организовать в пределах Белоруссии какие бы то ни было «ученые» и «культурные» учреждения разбились с самого начала о полное недоверие к немецкой власти и ее квази-ученым агентам со стороны всего белорусского народа. Из лицемерных забот немцев о развитии в Белоруссии будто бы национальной белорусской культуры ничего не вышло и не могло выйти. В насильниках и разбойниках белорусы ничего не могли видеть, кроме своих явных врагов. Немецкая «заботливость» о белорусской культуре не заслуживает даже полемики о ней, — она может вызвать к себе только насмешку, соединенную с презрением.

...Немецкая пропаганда в Белоруссии имела своей целью доказать, что белорусская культура и наука могли существовать только под руководством и главенством немцев.

Общественная задача нашей научной литературы заключается в том, чтобы защитить способность белорусского народа на самостоятельное духовное и социально-политическое развитие...»[1]

Политика немецко-фашистских оккупационных властей в отношении научной интеллигенции Беларуси потерпела крах. Это было вызвано как общим ходом войны, так и подлинно патриотической позицией, занятой абсолютным большинством ученых.

К активной коллаборации захватчикам удалось притянуть лишь единицы ученых, трудившихся перед войной в АН БССР, НИИ и вузах республики. Остальные участвовали в саботировании мероприятий оккупантов, подпольной борьбе, партизанском движении. Среди таких людей есть партизанские врачи, подрывники и разведчики, активисты массово-политической работы, организаторы антифашистского сопротивления. В борьбе с врагом они проявили образцы мужества и героизма, свои лучшие профессиональные качества. Научным работникам, вступившим в противостояние с оккупантами, нередко приходилось жертвовать и собственной жизнью.

---

[1] НАРБ, ф. 4, оп. 47, д. 5, л. 187, 188.

Сопротивление захватчикам осуществлялось многие месяцы, на протяжении 3 лет. Это было очень насыщенное событиями, страшное, кровавое время, когда для достижения успеха использовалась не только сила оружия, но и напряжение всех интеллектуальных ресурсов народа. В этих обстоятельствах весьма ценными оказались знания и навыки ученых-антифашистов, приобретенные в довоенное время.

Нужно отметить, что многие научные работники Беларуси приняли участие и во фронтовом противостоянии с врагом. Главным патологоанатомом фронта был профессор Минского мединститута Ю. В. Гулькевич[1]. Член-корреспондент АН БССР С. М. Мелких уже в преклонном возрасте добровольцем служил в военном госпитале. Участник первой мировой войны профессор Я. Г. Раков в годы Великой Отечественной снова взял оружие в руки, участвовал в обороне Москвы, в боях в Восточной Пруссии[2]. У стен Сталинграда мужественно сражались ставшие офицерами-политработниками минчане кандидат философских наук И. Н. Лущицкий и кандидат биологических наук Н. Д. Нестерович.

Аспирант-историк И. А. Гинзбург прошел войну политруком штрафных батальонов. Кандидат исторических наук Д. А. Дудков в июне 1944 г. был откомандирован в гаубичную артиллерийскую бригаду Войска Польского на 1-й Белорусский фронт. Бывшему преподавателю Минского пединститута Е. И. Корнейчику, находившемуся на фронте добровольцем с 1941 г., в мае 1944 г. Военным Советом 10-й гвардейской армии была выдана командировка в Москву в Белгосуниверситет для защиты кандидатской диссертации «Белорусский народ в Отечественной войне 1812 г.», написанной перед войной[3].

---

[1] Шишко Е. И., Ключарев А. А., Кубарко А. И. Минский ордена Трудового Красного Знамени государственный медицинский институт... С. 178.

[2] 55 гадоў Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне: погляд праз гады, новыя канцэпцыі і падыходы. Мінск, 2001. Ч. 2. С. 81.

[3] Военные судьбы. Сотрудники АН Беларуси – участники Великой Отечественной войны. С. 30.

О том, за что сражались ученые-фронтовики, о их мыслях и переживаниях, патриотической настроенности ярко свидетельствует такой документальный источник, как письма с передовой родным и близким. Вот, что писал своей семье в начале августа 1944 г. научный сотрудник Института биологии АН БССР П. Е. Прокопов, служивший на фронте офицером-артиллеристом: «...Мы верим в победу не только сейчас. В нашу победу мы верили в темные дни осени 1941 г., когда враг подходил к Москве, мы верили в нашу победу, когда враг был у стен Сталинграда осенью 1942 г. Мы дрались с врагом, не думая о своей жизни, а думая о жизни нашей Родины... Мы не забывали никогда, что под иго немецких оккупантов попали миллионы дорогих нам людей, которые протягивали нам братскую руку и просили о помощи. Мы еще в 1942 г. видели в газетах виселицы... в Минске перед домом Красной Армии и много-много других таких виселиц, на которых были повешены немцами наши советские люди, борющиеся за свою свободу. Все это вызывало у нас, воинов, жгучую ненависть к немецким извергам, все это звало нас к неутомимой борьбе с немцами и их пособниками, не щадя своей жизни»[1].

Белорусские ученые противодействовали нацистским замыслам и своим самоотверженным трудом в эвакуации, укрепляя обороноспособность страны, помогая снабжать всем необходимым сражающиеся войска.

Советская наука (в том числе и наука БССР) в годы войны успешно выдержала противостояние с наукой Германии, с ее традиционно высоким уровнем. Планы германских нацистов потерпели в итоге крах, благодаря также и усилиям сообщества отечественных ученых. Научная интеллигенция Беларуси внесла достойный вклад во всенародную борьбу с фашизмом. Героическая деятельность множества лиц из научной среды в период Великой Отечественной войны — одна из ярких страниц белорусской истории. Она служит достойным примером верности своему долгу для новых поколений.

---

[1] Веды. 2004. 30 красав.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I. Эвакуация научных учреждений и вузов БССР в советский тыл 9

Глава II. Научная интеллигенция Беларуси в условиях немецко-фашистского оккупационного режима 25

Глава III. Участие белорусских ученых в партизанском движении и подпольной борьбе. 77

Глава IV. Ущерб, нанесенный войной материальной базе науки. 106

Заключение 130

Научное издание

Кузьменко Владимир Иванович
Токарев Николай Владимирович

ПОЛИТИКА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ В ОТНОШЕНИИ НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ БЕЛАРУСИ (1941—1944 гг.)

2-е издание

Редактор *О. Н. Масухранова*
Художественный редактор *Т. Д. Царева*
Технический редактор *Т. В. Летьен*
Компьютерный набор *А. С. Тиханович*
Компьютерная верстка *Ю. А. Агейчик*

Подписано в печать 25.02.2008 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бум. офсетная № 1. Гарнитура Таймс ЕТ. Ризография. Усл. печ. л. 7,14. Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. л. 6,6. Тираж 200 экз. Заказ 90.

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларусская наука». ЛИ № 02330/0131569 от 11.05.2005 г. 220141, Минск, ул. Ф. Скорины, 40.

Отпечатано в РУП «Издательский дом «Белорусская наука».

Кузьменко, В. И.

К89 Политика немецко-фашистских оккупационных властей в отношении научной интеллигенции Беларуси (1941—1944 гг.) / В. И. Кузьменко, Н. В. Токарев. — 2-е изд. — Минск : Белорус. наука, 2008. — 134 с.

ISBN 978-985-08-0929-2.

Первое издание книги было осуществлено в 2007 г.

На основе архивных и иных материалов освещена политика нацистов в отношении научной интеллигенции Беларуси в годы Великой Отечественной войны, ее положение в условиях оккупации, исследованы ущерб, нанесенный кадровому контингенту и материальной базе белорусской науки, вклад ученых в борьбу с фашизмом, выяснены судьбы большого круга конкретных лиц. Авторы убедительно показали, что подавляющее большинство научной интеллигенции Беларуси, оказавшейся в условиях фашистской оккупации, приняли активное участие в противостоянии иноземным захватчикам.

Адресована всем, кто интересуется историей науки и интеллигенции в годы Великой Отечественной войны.

УДК 94-057.4(476)«1941/1944»
ББК 63.3(4Беи)

ISBN 978-985-08-0929-2